

В. Розен

**НАЦИСТЫ
И БОННСКАЯ
ФЕМИДА**

В. РОЗЕН

**НАЦИСТЫ
И БОННСКАЯ
ФЕМИДА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

МОСКВА 1966

В ФРГ говорят, что каждый военный преступник, осужденный в этом государстве, получает за каждое совершенное им убийство всего-навсего десять минут тюремного заключения. Приблизительно так и получается на многочисленных процессах военных преступников, которые проходят в последние годы в Западной Германии. Одному из этих процессов — процессу палачей из Освенцима — посвящена отдельная глава книги. Из других глав читатель узнает о злоключениях доктора Гертериха из небольшого западногерманского города Вюрцбурга — смелого человека, который пытался в одиночку вести борьбу против нацистов, заполонивших боннскую юстицию; о том, как был осужден, бежал из тюрьмы и добровольно возвратился обратно фашистский убийца и авантюрист Цех-Нентвих; о способах, которыми бывшие нацисты, занимающие ныне посты судей и прокуроров, избавляют от заслуженного наказания фашистских преступников, и о многих других фактах.

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

12 миллионов беззащитных людей истребили гитлеровцы в лагерях смерти, в душегубках, в стенах гестапо. Людей тысячами убивали выстрелами в затылок у вырытых ими самими рвов, душили в газовых камерах, живыми бросали в огонь, вешали, засекали до смерти, травили разъяренными псами...

12 миллионов — число, равное населению всего Австралийского континента!

Эти массовые убийства проводились вполне планомерно и продуманно, в порядке осуществления государственной политики «третьей империи».

Фашизм рвался к мировому господству, фашизм расширял свое «жизненное пространство». Он освобождал место для «тысячелетней империи фюрера» и уничтожал ради этого большую часть жителей захваченных им территорий, а уцелевших стремился превратить в рабов: «жизненное пространство» для гитлеровцев должно было стать пространством смерти для коренного населения.

Изуверская расовая теория подводила «научную базу» под истребление покоренных народов. Только «чистопородные» немцы относились к расе господ; некоторые другие народы годились на роль слуг; остальных расисты зачисляли в «недочеловеки».

Дадим слово Генриху Гиммлеру, правой руке Гитлера, рейхсфюреру того эсэсовского государства, частью которого в случае победы немецко-фашистских войск стали бы все покоренные ими страны.

Вот как он поучал в Познани группенфюреров (генералов) СС 4 октября 1943 г. — в период, когда фашистская Германия приближалась к своему краху и в военной экономике стал ощущаться недостаток в иностранных рабах:

«Прежде мы не ценили человеческую массу так, как мы ценим ее сегодня в качестве сырья, в качестве рабочей силы. Если мыслить в масштабе поколений, то сожалеть об этом в конечном счете не стоит. Но сегодня это досадно, так как привело к потерям рабочей силы. Пленные умирали десятками и сотнями тысяч от истощения, от голода... Для меня абсолютно безразлично, как живет русский, как живет чех. Ту хорошую кровь нашей породы, которая имеется у других народов, мы добудем: если понадобится, мы отнимем у них детей и вырастим у себя. Живут ли другие народы зажиточно или подыхают от голода, меня интересует только постольку, поскольку они нам нужны в качестве рабов для нашей культуры; в других отношениях меня это не интересует. Если десять тысяч русских баб окачурятся при постройке противотанкового рва, меня это интересует только постольку, поскольку противотанковый ров нужен Германии...

Мы никогда не будем грубыми и бессердечными там, где это не нужно; это ясно. Мы, немцы, единственные в мире, кто прилично относится к животным; мы будем прилично относиться и к этим человеко-животным. Но преступлением против нашей собственной крови было бы проявлять о них заботу...

Большинство из нас знает, что это значит, когда в одной куче лежит сотня трупов или пятьсот, или тысяча трупов. Выдержать такое и остаться порядочным человеком — вот что сделало нас твердыми. Это страница славы нашей истории, которая никогда не была написана и никогда не будет написана...».

Фанатик-расист и убийца, Гиммлер только подобных себе считал «порядочными людьми». Но при всем том он понимал, что даже в случае победы гитлеровской Германии придется тщательно скрывать факты чудовищной бойни, организованной им и его «фюрером».

Многие из благоговейно внимавших Гиммлеру группенфюреров благополучно здравствуют ныне в Федеративной Республике Германии, возвращаются в ее «высшем

обществе», получают генеральские пенсии, пишут и издают мемуары, выступают на слетах своих бывших соратников.

То, что вещал Гиммлер, крепко засело в головах не только эсэсовцев, но и десятков, сотен тысяч рядовых нацистов.

На слушавшемся в начале 1965 года в Мангейме процессе так называемой «самообороны» выяснилось, к примеру, что один из подсудимых убивал поляков просто так, «из уважения к гаулейтеру», и говаривал при этом: «Поляки должны почитать за честь, что их трупы унавоживают землю, предназначенную для немцев».

Шестьдесят миллионов славян — чехов, поляков, русских, украинцев, белорусов, югославов, в том числе всех людей с высшим образованием, предполагалось «ликвидировать», остальных — сделать рабами.

А две национальности — евреев и цыган — истребляли начисто, без остатка.

Государственную политику уничтожения полностью или частично целых народов, для обозначения которой уже после войны стали применять термин «геноцид», осуществляли не одни только эсэсовцы и гестаповцы, как теперь уверяют некоторые деятели Федеративной Республики.

Ее разрабатывал и проводил в жизнь весь государственный аппарат нацистской Германии: вермахт, дипломатия, юстиция, полиция, административные органы и даже органы здравоохранения.

Наряду с СС и гестапо, особенно важную роль в организации массовых убийств играли нацистские юристы. Именно они подводили «правовую основу» под систематические преступления гитлеровского режима. Юристы во главе с Гансом Глобке, ставшим впоследствии ближайшим сотрудником Аденауэра, разработали расистские нюрнбергские законы, обрекшие на смерть миллионы евреев; юристы подготовили десятки террористических законов и указов, в том числе законодательство, превращавшее польских и советских граждан в бесправных рабов; юристы разработали устав террористических «особых» судов, действовавших вне всяких норм прежнего германского законодательства.

Нацистские юристы выносили смертные приговоры, противоречившие самому элементарному правосудию,

передавали в гестапо или отправляли в концентрационные лагеря ни в чем не повинных людей, беспощадно осуждали к расстрелу отказывавшихся воевать немецких солдат, пытаясь остановить этим развал вермахта...

Что же теперь делают те, кто при Гитлере носил судейские и прокурорские мантии и участвовал в нацистских убийствах? Почти все они, за редким исключением, пережили катастрофу «третьей империи». И большинство перешло на службу Федеративной Республики Германии.

Давно известно, что в Западной Германии государственный аппарат переполнен бывшими нацистами. Особенно это ощутимо в юстиции и полиции. Как констатировала однажды газета «Ди вельт», в Федеративной Республике «свободу и демократию охраняют нацисты».

Старые гитлеровские юристы творят в Западной Германии суд и расправу. Они защищают и спасают от наказания своих единомышленников, нацистских военных преступников, и с величайшим рвением преследуют честных, прогрессивно настроенных немцев. Проводя профашистский курс, бывшие нацистские юристы бесцеремонно нарушают боннскую конституцию, извращают и обходят действующее законодательство.

Один в поле...

16 января 1966 г. западногерманское агентство ДПА передало следующее сообщение:

«В рассматриваемом федеральным административным судом юридическом споре между бывшим вюрцбургским врачом Эльмаром Гертерихом и Федеративной Республикой Германии, представляемой министерством иностранных дел в Бонне, в субботу намечилось соглашение. Гертерих, известный своими выступлениями против деятелей юстиции, якобы скомпрометировавших себя при нацизме, проживает в течение длительного времени в Швеции. В сообщении для печати генерального консульства ФРГ в Гетеборге, переданном 12 ноября 1964 г. шведскому агентству печати ТТ, содержалось утверждение, что Гертерих был осужден в нескольких процессах по обвинению его в оскорблении личности, злословии, оскорблении памяти умерших, клевете. В ходе судебного разбирательства представитель министерства иностранных дел признал, что, как показала проверка фактов, упомянутое сообщение для печати генерального консульства не соответствовало действительности, поскольку в отношении Гертериха не вынесено ни одного приговора, который имел бы законную силу. После этого федеральный административный суд предложил сторонам прийти к соглашению на основе этого заявления. Адвокат Гертериха принял это предложение и сообщил, что будет

рекомендовать своему клиенту олобрить такое реабилитирующее его соглашение».

Однако в середине февраля в газетах появилась заметка о том, что Гертерих отклонил это соглашение. Вслед за тем 26 февраля мюнхенская газета «Зюддейче цайтунг», а 3 марта газета «Франкфуртер рундшау» сообщили об окончательном решении федерального административного суда: поскольку представитель министерства иностранных дел сам признал, что информация об осуждении Гертериха не соответствует действительности, иск Гертериха отклоняется, как ставший беспредметным. Однако все судебные издержки возлагаются на министерство иностранных дел.

Кто же такой доктор Гертерих и почему дело его получило столь широкую огласку не только в ФРГ, но и за границей?

Это человек, который в одиночку в течение нескольких лет вел неравную борьбу с судебными учреждениями чуть ли не всей Баварии.

Дело его настолько характерно для нравов западногерманской юстиции, оно так отчетливо показывает, какие прочные позиции занимают там бывшие гитлеровские юристы, что стоит рассказать о нем подробнее.

Десять лет назад Эльмар Гертерих поспорил с Фондом имени кронпринца Рупрехта Баварского из-за арендной платы за недвижимое имущество, принадлежавшее его матери. Спор затянулся, и в 1960 году доктор Гертерих возбудил иск к Фонду в вюрцбургском суде по административным делам. Управляющий делами Фонда советник магистрата Адальберт Вольперт издевательски заявил истцу:

— Со мной вы ничего не сделаете. Я всегда буду прав.

Так и вышло: дело тянулось долго, и в конце концов доктору Гертериху в иске было отказано. Но за это время Гертерих выяснил, что и советник магистрата Вольперт, и председатель административного суда профессор Шидермайр — бывшие высокопоставленные нацисты. Вольперт руководил отделом коммунальной политики в краевом управлении нацистской партии; что же касается Шидермайра, то он сделал при Гитлере блестящую карьеру. В возрасте 26 лет он занимал уже пост эксперта по расовым вопросам в баварском министерстве внут-

ренных дел и так успешно проявил себя на этом поприще, что вскоре его перевели в Берлин, в имперское министерство. Через несколько лет Шидермайр стал начальником законодательного отдела управления расовой политики нацистской партии — того самого учреждения, где разрабатывались изуверские расовые законы, на основании которых были истреблены миллионы ни в чем не повинных людей. Шидермайр и сам был автором нескольких нацистских «трудов» по наследственности и по «еврейскому вопросу».

Свои разносторонние познания Шидермайру удалось применить на практике, когда он занимал пост эсэсовского судьи в Осло в период гитлеровской оккупации Норвегии, за что норвежский суд и приговорил его в 1949 году к тюремному заключению.

Таким оказался судья, вынесший несправедливое, как потом выяснилось, решение по иску Гертериха. У доктора Гертериха же не было причин для симпатий к нацистам. В 1943 году его приговорили к трем годам тюрьмы за «разложение оборонной мощи», выразившееся в недостаточно почтительном отзыве о «фюрере». От расстрела или плахи его спасло лишь то, что ему было тогда всего 16 лет.

Возмущенный доктор Гертерих подал заявление о пристрастности Шидермайра и потребовал назначить другого судью по своему делу. Одновременно он сообщил о прошлом Шидермайра газетам и даже посвятил ему небольшую листовку, размноженную с помощью фотокопировального аппарата.

Но, вместо того чтобы назначить другого судью, вюрцбургская юстиция послала к доктору Гертериху агентов сыскной полиции с ордером на обыск. Сыщики получили приказание разыскать и конфисковать листовку, сообщавшую о нацистской карьере судьи Шидермайра. А когда листовку не удалось найти в доме Гертериха, обыск произвели и у владельца фотокопировальной мастерской, где она была отпечатана. Одновременно Шидермайр подал на доктора Гертериха в суд, обвинив его в оскорблении.

Так началась систематическая, организованная травля человека, осмелившегося заинтересоваться прошлым двух нацистов.

Однако доктор Гертерих оказался неробкого десятка.

Вскоре ему удалось доказать, что среди вюрцбургских судейских чиновников не один только Шидермайр — нацистский военный преступник. Оказалось, что обер-прокурор доктор Карл Колб еще подростком в двадцатых годах участвовал в контрреволюционных бандах, занимавшихся убийствами рабочих, а несколько позже вступил в один из первых гитлеровских отрядов.

Начиная с 1941 года Колб занимал пост первого прокурора особого гитлеровского суда в оккупированном польском городе Калише. Орудовал он с исключительной свирепостью и добился смертной казни для многих польских граждан. В тех случаях, когда не было ни малейшего повода для обвинительного приговора, Колб препровождал попавших в его лапы несчастных в гестапо для «принятия государственно-полицейских мер». А от туда был только один путь — в концентрационный лагерь, на смерть. За такие «заслуги» Колб получил повышение и был назначен генеральным прокурором в Познань.

Под давлением представленных доктором Гертерихом документальных доказательств баварской юстиции пришлось начать расследование прошлого Колба. В декабре 1962 года он был временно отстранен от исполнения своих обязанностей, но продолжал получать полностью обер-прокурорское жалование. А в январе 1964 года дело было прекращено, и Колб вернулся на свой пост в Вюрцбурге. Высший земельный суд пояснил, что якобы не было обнаружено документальных доказательств того, что поляки, «препровожденные» Колбом в гестапо, погибли.

Однако в начале марта 1964 года одна из франкфуртских газет опубликовала письмо г-жи Бенедикты Марии Кемпнер из Лэндсдауна, штат Пенсильвания, США. Она заинтересовалась судьбой двух польских ксендзов — Гораецкого и Свечевского, находившихся в числе лиц, переданных Колбом в гестапо, и получила официальные выписки из церковных документов. При этом выяснилось, что оба «препровожденных» Колбом ксендза попали из гестапо в Освенцим и в другие концлагеря и погибли там — один в 1942, другой — в начале 1943 года.

Однако и это свидетельство не возымело действия. Д-р Карл Колб продолжал занимать свой обер-прокурорский пост в Вюрцбурге.

Выяснил доктор Гертерих и весьма любопытные подробности биографии директора земельного суда д-ра Георга Эйзерта. Этот юрист также подвизался в свое время на ниве гитлеровской юстиции в качестве прокурора. В Чехословакии и Польше он вел дела «о государственной измене», подписывал смертные приговоры и лично руководил казнями.

Вскоре д-р Гертерих узнал, что и член земельного суда Рудольф Хэн был прокурором одного из гитлеровских особых судов и неизменно добивался для подсудимых смертной казни.

Несколько позже выяснилось, что прошлое еще одного ответственного служащего вюрцбургского земельного суда — д-ра Густава Аумюллера также далеко не безупречно. Будучи председателем военно-полевого суда, он в 1944 году вынес двум солдатам смертные приговоры, совершенно необоснованные даже с точки зрения гитлеровского законодательства, поскольку в них простая савольная отлучка квалифицировалась как злостное дезертирство. Даже армейский военно-полевой суд счел нужным опротестовать эти палаческие приговоры.

Не нужно думать, что разоблачения д-ра Гертериха испугали бывших нацистов. Особых причин для беспокойства у них не было. Ведь в боннской «демократии» государственный аппарат переполнен их единомышленниками.

В том же Вюрцбурге его обер-бургомистр Гельмут Циммерер — бывший эсэсовец и весьма активный идеолог нацизма. В 1935 году он защитил диссертацию на тему, непосредственно связанную с расовой теорией. Диссертация эта от начала до конца начинена таким изуверским бредом, что после войны ее попытались засекретить, дабы не компрометировать господина обер-бургомистра. В диссертации Циммерер называет любой демократический государственный строй безумием, объявляет основой своего мировоззрения книгу Гитлера «Моя борьба», подчеркивает, что «расистское мышление должно оказать величайшее влияние на строительство государства», и высказывает немало других стопроцентно фашистских идей.

Когда в газетах появились критические корреспонденции о положении в судебных органах Вюрцбурга, обер-бургомистр встал горой на защиту своих собратьев-

гитлеровцев, протестуя против того, чтобы Вюрцбург называли «коричневым городом».

При таком обер-бургомистре разоблачать нацистов в Вюрцбурге, конечно, небезопасно. Это пришлось испытать на собственном опыте мюнхенской журналистке Петре Гейнц-Энгельман. Она приехала в Вюрцбург и осмелилась сфотографировать Шидермайра.

«Немедленно появился полицейский, — рассказывала она потом в мюнхенской вечерней газете. — Меня повели в участок. Там отняли фотоаппарат и доложили обо мне по телефону полиции-президенту (начальник городской полиции. — В. Р.). Тот прислал полицейского чиновника. «Мне Ваше дело ясно. Вы — восточный агент», — сказал этот чиновник, допросив меня...»

В конце концов журналистку все-таки отпустили. Но фотопленка, на которой был заснят Шидермайр, осталась в полиции. Мало того, не только в Вюрцбурге, но даже в поезде, вплоть до самого Мюнхена, за «опасной» журналисткой неотступно следил сыщик.

И произошла эта история уже после того, как Шидермайр был отстранен от должности и велось расследование его дела.

Как крепка в Вюрцбурге круговая порука нацистов, видно и из того, что пакет с фотокопиями документов о преступлениях Шидермайра в Польше и Чехословакии, который доктору Гертериху выслали из Польши, адресат не получил, и выяснить, где он «затерялся», так и не удалось.

Не удивительно, что, имея столько защитников, Шидермайр вначале лишь пренебрежительно пожимал плечами: «Все это чепуха и выдумки — при национал-социалистском режиме я не выполнял никаких политических функций».

Но Гертерих, а вслед за ним и некоторые газеты продолжали настаивать на своем. А главное, из Норвегии пришло подтверждение: да, гестаовец Шидермайр был осужден в Осло и сидел там в тюрьме.

Судебным властям пришлось, скрепя сердце, начать расследование. Тогда Шидермайр сказался больным. И кончилось все это тем, что Шидермайра «по болезни» досрочно отправили на пенсию.

20 июля 1963 г. в просторном зале Вюрцбургской торгово-промышленной палаты состоялась торжествен-

ная церемония. Специально прибывший из Мюнхена председатель баварской судебной палаты по административным делам профессор Фенеберг вводил в должность нового вюрцбургского судью по административным делам.

В своей речи профессор Фенеберг говорил, однако, не столько о новом судье, сколько о его предшественнике профессоре Шидермайре, который сидел тут же, в зале, на почетном месте. По словам Фенеберга, Шидермайр безукоризненно исполнял свои обязанности, оставил о себе самые лучшие воспоминания и покинул свой пост только «из-за непрерывно ухудшающегося состояния здоровья».

Некоторые западногерманские газеты обратили внимание на комплименты Фенеберга в адрес Шидермайра и сочли их бестактными хотя бы потому, что в отношении Шидермайра формально продолжалось расследование. Но это была не простая бестактность, а заранее подготовленная политическая демонстрация. Бывшие гитлеровцы хотели доказать, что именно им, и только им, надлежит вершить правосудие в Федеративной Республике, что они полные хозяева положения и что если один из них и ушел в отставку, то отнюдь не из-за своего преступного нацистского прошлого.

Что касается других военных преступников, разоблаченных д-ром Гертерихом, то с ними обошлись еще мягче. Колба временно отстранили от исполнения служебных обязанностей и начали против него расследование в административном порядке. Однако вскоре его дело было прекращено, и он вновь занял свой пост. А Эйзерта, Хэна и Аумюллера вообще не потревожили.

Зато нацисты сделали все от них зависящее, чтобы расправиться с беспокойным врачом.

Одна за другой посыпались жалобы, и в вюрцбургских судах было заведено в общей сложности 14 дел по обвинению д-ра Гертериха в оскорблении и клевете. Машина вюрцбургского правосудия заработала полным ходом: один и тот же чиновник подписывает ордер на обыск у д-ра Гертериха по одному делу, допрашивает его по другому и фигурирует в качестве судьи по третьему делу. А когда д-р Гертерих дает такому судье отвод, этот отвод отклоняется.

Неоднократно д-р Гертерих обращался в баварское

министерство юстиции с ходатайством, чтобы весь комплекс затеянных против него дел изъяли из вюрцбургских судов и передали в судебные инстанции другого города, например Мюнхена. Но ходатайства эти остались без ответа.

Влияние нацистов в Вюрцбурге таково, что ни один адвокат не решался взять на себя защиту д-ра Гертериха.

В результате ему пришлось пригласить адвоката вначале из Западного Берлина, а потом из Мюнхена.

В конечном счете, однако, большинство «оклеветанных» д-ром Гертерихом судейских чинов, в том числе и Шидермайр, довести дело до судебного разбирательства не решились. Это было бы для них слишком опасно. Ведь на открытом процессе неизбежно заинтересовались бы их биографией, и д-р Гертерих мог бы предъявить документальные доказательства преступного прошлого почтенных вюрцбургских юристов.

Поэтому на первом процессе против д-ра Гертериха выступал не «оскорбленный» им судья или прокурор, а некий адвокат Фокке. Этот Фокке давно специализировался на выгораживании разоблаченных военных преступников. Именно ему поручили защиту своего «доброе имени» и Вольперт, и Шидермайр, и Колб, и Эйзерт.

Процесс, состоявшийся в середине февраля 1963 года, превратился в подлинное издевательство над Гертерихом. Суд признал д-ра Гертериха виновным в оскорблении адвоката Фокке и клевете на него за то, что Гертерих неоднократно разоблачал этого адвоката как лжеца и защитника нацистов.

Гертериха приговорили к четырем месяцам тюрьмы и 100 маркам штрафа. Приговор был условным, причем председатель суда прямо заявил Гертериху: суд рассчитывает, что под влиянием приговора подсудимый одумается и будет впредь вести себя «благопристойно».

Нацисты не останавливались и перед террором.

В одну из зимних ночей около дома, где жил д-р Гертерих, раздались выстрелы. Пули разбили оконные стекла в его квартире. Незадолго до того мужской голос заявил ему по телефону: «Мы забыли отправить тебя в газовую камеру!» Полиция задержала стрелявших, но прокуратура отказалась завести дело «из-за пустяка». После этого подобные телефонные звонки приняла систе-

матический характер, а по почте стали приходиться анонимки с бранью и угрозами.

По ошибке нацисты начали угрожать и другому вюрцбургскому врачу со схожей фамилией — д-ру Эриху Геттериху, обещая «укокошить» его или «отправить в душегубку».

Перепуганному д-ру Геттериху пришлось дать в газете объявление, что он не имеет ничего общего с д-ром Эльмаром Гертерихом и просит поэтому не адресовать ему угрожающих писем. Это не убедило нацистов, и в конце концов врач был вынужден обратиться в полицию с просьбой защитить его.

А мужественный д-р Гертерих тем временем, несмотря на травлю и угрозы, продолжал борьбу. Он подал апелляционную жалобу и добился нового разбирательства своего дела. Состоялось оно через три месяца, во второй половине мая 1963 года. Формально речь шла о незначительном условном приговоре. Но решение суда имело принципиальное значение: если бы д-ру Гертериху удалось добиться оправдательного приговора, это было бы равносильно признанию достоверности его разоблачений.

Доктор Гертерих заявил в апелляционной инстанции, что в Вюрцбурге «господствует коричневая клика и в здании вюрцбургского суда проявляется коллегиальная снисходительность по отношению к коллегам-судьям. Из-за этого невозможно установить истину по выдвигаемым мною обвинениям и дать справедливую оценку моим выступлениям». Д-р Гертерих дал отвод судье и потребовал передать дело на рассмотрение другому составу суда, подчеркнув, что прежний опыт лишает его возможности относиться с доверием к вюрцбургской юстиции.

Эти требования также были отклонены, и прокурор пригрозил возбудить дело по обвинению д-ра Гертериха в оскорблении суда.

Все же д-ру Гертериху удалось доказать, что он прав хотя бы по существу своей продолжавшейся уже несколько лет тяжбы с Фондом имени кронпринца Рупрехта Баварского. Но, как только дело касалось нацистского прошлого вюрцбургских судей и прокуроров, судья немедленно затыкал д-ру Гертериху рот, «разъясняя», что «политические обвинения не имеют никакого отношения к данному апелляционному процессу».

Как и следовало ожидать, суд в основном подтвердил приговор первой инстанции и признал д-ра Гертериха виновным, лишь снизив меру наказания до десяти недель тюрьмы и 40 марок штрафа. Практического значения это не имело, поскольку приговор был условный. Зато д-р Гертерих должен был оплатить две трети довольно больших судебных издержек.

Словом, вюрцбургские «законники» добились своего, и д-ру Гертериху пришлось сделать из этого соответствующие выводы. Вскоре после вынесения приговора он отвез семью к родителям жены в Венгрию. Перед отъездом д-р Гертерих сообщил журналистам, что вынужден поступить так, потому что в последнее время анонимные угрозы адресовались уже не только ему, но и его жене и детям. К тому же д-ра Гертериха практически лишили возможности заниматься в Вюрцбурге врачебной практикой и зарабатывать на жизнь.

Когда появились сообщения об отъезде д-ра Гертериха в Венгрию, отдел печати социал-демократической партии, а вслед за ним некоторые газеты стали писать, что дело так оставлять не следует. Нельзя допустить, чтобы человека выжили из родного города и заставили эмигрировать, нужно навести порядок в судебных органах Вюрцбурга...

Реакцией властей на эти протесты было упорное молчание.

Тем не менее доктор Гертерих вскоре возвратился в Вюрцбург и возобновил борьбу. Он настойчиво добивался пересмотра второго несправедливого приговора, написал письмо председателю бундестага Герстенмайеру, обратился к баварскому министру юстиции Эхарду. Последнему он, в частности, писал: «Мне не под силу теперь вести в одиночку борьбу против явного возрождения злого духа национал-социализма. Я призываю Вас, господин министр, удалить или дать распоряжение об удалении из государственных органов недостойных элементов и в случае необходимости привлечь их к ответственности. Помогите предотвратить новую беду».

Д-р Гертерих находил все новые разоблачительные материалы, обращался в высшие судебные инстанции, в том числе в федеральный суд в Карлсруэ.

В конце 1963 года он издал небольшую книгу, в которой опубликовал ряд фотокопий разоблачительных до-

кументов и привел многочисленные факты о преступлениях вюрцбургских судей и прокуроров в годы нацистского режима.

В ответ на это противники доктора Гертериха стали действовать еще более бесцеремонно. Неонацистская газета «Дейче национальцайтунг унд зольдатенцайтунг» в течение полутора месяцев из номера в номер публиковала серию корреспонденций, в которых изображала доктора Гертериха «агентом коммунистов», клеветником, изменником и призывала к расправе с ним.

Активизировались и вюрцбургские суды. В конце мая 1964 года началось слушание очередного дела по обвинению доктора Гертериха в «клевете». Процесс шел по заведенному стандарту: доктор Гертериха и его адвоката судья непрерывно обрывал, отклонял их заявления и всячески поощрял противную сторону.

В начале июня д-р Гертерих с разрешения суда уехал в Варшаву на международный конгресс юристов, обсуждавший вопрос о сроках давности по делам гитлеровских военных преступников. Когда 10 июня 1964 г., в день, назначенный для продолжения процесса, д-р Гертерих не возвратился, суд немедленно вынес постановление о его аресте. Такие постановления выносятся обычно только в том случае, если подсудимый бежал и скрывается. Между тем д-р Гертерих и не думал бежать, а остановился в Западном Берлине. Он и его адвокат несколько раз просили суд отменить незаконное постановление. Ходатайства эти были отклонены. Тогда д-р Гертерих обратился с жалобой в федеральный конституционный суд, подчеркивая, что речь идет о маневре, предпринятом с целью выжить его из Вюрцбурга.

Западногерманские судебные инстанции известны своей медлительностью. Но на этот раз конституционный суд проявил необычную оперативность и немедленно объявил, что не будет рассматривать жалобу д-ра Гертериха.

В такой ситуации д-р Гертерих решил не возвращаться в Федеративную Республику. Как выяснилось позднее, это был наиболее разумный выход, ибо в Вюрцбурге его ждало нечто худшее, чем тюрьма: даже не поставив в известность его адвоката, вюрцбургские судьи решили подвергнуть д-ра Гертериха принудительной психиатрической экспертизе, проще говоря упрятать его в

сумасшедший дом. Подобный метод уже не раз применялся западногерманской юстицией по отношению к беспокойным и слишком настойчивым обвиняемым.

Из Западного Берлина д-р Гертерих уехал в Англию. Там его история была хорошо известна и к нему отнеслись с сочувствием. В конце июня известный английский философ и общественный деятель Бертран Рассел обратился с письмом к тогдашнему министру юстиции ФРГ Бухеру. В нем он указал, что преследования, которым подвергается д-р Гертерих, обратили на себя всеобщее внимание в Англии. Д-ра Гертериха, писал Бертран Рассел, травят за то, что он активно разоблачает национал-социалистов, и «можно не сомневаться, что дело дойдет до общественных протестов, если его будут преследовать и в дальнейшем». Рассел просил министра юстиции отменить ордер на арест д-ра Гертериха.

С подобным же письмом английский ученый обратился к западногерманскому послу в Лондоне фон Эцдорфу.

Через несколько дней, в начале июля, с аналогичным ходатайством выступила группа лейбористов — депутатов британского парламента. Но на эти призывы в Бонне даже не потрудились ответить.

22 июля западногерманские газеты опубликовали сообщение из Швеции: д-р Гертерих обратился к властям этой страны с просьбой предоставить ему убежище.

В Швеции история д-ра Гертериха получила такой резонанс, что некоторые западногерманские газеты стали писать о весьма неблагоприятном для Федеративной Республики влиянии этого дела на скандинавское общественное мнение.

Вот почему боннское министерство иностранных дел решило попытаться очернить д-ра Гертериха и представить его в виде профессионального клеветника и сутяги, осужденного различными судебными инстанциями. Тогда-то и появилось сообщение генерального консульства ФРГ в Гетеборге, опровергнутое вскоре самим же министерством, о чем мы уже упоминали в начале книги.

Баварский земельный суд недавно отменил обвинительные приговоры по делам д-ра Гертериха.

Однако приказ о его аресте все еще остается в силе. Западногерманской юстиции удобнее, чтобы беспокойный д-р Гертерих оставался за границей.

История доктора Гертериха — не исключение.

Писатель Иозеф Краузе из Гельзенкирхена несколько лет назад подал 81 заявление о привлечении к ответственности судей и прокуроров-нацистов. Но все без исключения расследования, начатые по его заявлениям, были постепенно прекращены.

Быть может, Краузе тоже сутяга и клеветник?

Заинтересуемся одной из его «жертв» — регирунгс-директором министерства юстиции земли Шлезвиг-Гольштейн Вернером Роде, и по сей день занимающим свой ответственный пост. При Гитлере он был прокурором особого суда в Праге, хладнокровно казнившим чехословацких граждан. Заявления о привлечении Роде к ответственности подавал не только писатель Краузе, но и западногерманский Социалистический союз немецких студентов, и чехословацкий Союз бойцов сопротивления. В опубликованном правительством Чехословакии списке военных преступников Роде фигурирует под номером А 38/88. Сообщает о преступлениях Роде и «Коричневая книга», изданная в 1965 году Национальным фронтом демократической Германии и Документационным центром архивного управления ГДР.

Установлено, что по требованию прокурора Роде было вынесено 69 смертных приговоров и казнено 110 человек. В чем заключались «преступления» этих людей? Вот несколько примеров.

Старика крестьянина Иозефа Прасека гитлеровцы заподозрили в том, что он не сдал оккупационным властям часть урожая со своего земельного участка. Обвинение было совершенно бездоказательным, так как зерна не обнаружили. Тем не менее Роде добился вынесения смертного приговора чешскому крестьянину.

Двенадцать чехов были казнены по его требованию в сентябре 1944 года за то, что слушали передачи иностранного радио.

Анна Ковар была обвинена Роде в «саботаже»: она несколько раз встречалась с евреем, которому удалось бежать из варшавского гетто. Анну Ковар казнили.

Все эти приговоры теперь стали достоянием гласности.

Каков же результат? Роде повысили в чине: произвели из обер-регирунгсрата в регирунгсдиректоры. А на соответствующий запрос представитель министерства

юстиции ответил, что о пражских приговорах министерству все известно. Было это в 1962 году.

Что же касается разоблачителя Краузе, то его, как и д-ра Гертериха, нацисты обвинили в клевете и подали на него более четырех десятков жалоб в суды. У него производили обыски, грозили ему арестом. Кончилось тем, что Краузе также был вынужден эмигрировать за границу.

А вот еще один случай. Двое активистов Социалистического союза немецких студентов, Коппель и Штреккер, собрали большой материал и организовали передвижную выставку фотодокументов, изобличающих нацистское прошлое нескольких десятков нынешних западногерманских судей и прокуроров. Одновременно они подали заявления с требованием привлечь к ответственности 43 юристов, орудовавших в гитлеровских особых и военно-полевых судах, а также в так называемой народной судебной палате. Хотя все использованные ими фотокопии воспроизводили документы, в подлинности которых не усомнился даже тогдашний федеральный прокурор ФРГ Гюде, ни один из фашистских преступников не был посажен на скамью подсудимых. Зато полиция произвела обыск в помещении Социалистического союза немецких студентов в Карлсруэ, конфисковала всю разоблачительную документацию, задержала Коппеля и в конце концов заставила его замолчать.

Что касается Штреккера, то он продолжал свою разоблачительную деятельность. Но для этого ему пришлось переехать в Англию.

Как видим, для тех, кто пытается искать справедливости у боннской Фемиды, исход один — эмиграция.

Слуга многих господ

Не часто в Федеративной Республике смеются так весело и дружно, как смеялись на закончившемся 26 января 1965 г. в Ганновере сенсационном судебном процессе. Среди присутствующих то и дело раздавались громкие взрывы хохота, милостиво улыбался председатель, смеялись адвокаты и прокурор, самодо-

вольно усмехался главный подсудимый Цех-Нентвих, дерзко шутила его бывшая невеста, бойкая Маргит, также очутившаяся на скамье подсудимых; потешал публику еще один подсудимый, гюремный надзиратель Цееман...

Тема процесса была, однако, совсем не смешной: гитлеровского военного преступника и его пособников судили за побег из тюрьмы.

Почему же такой серьезный судебный процесс западногерманская юстиция, обычно отнюдь не склонная к шуткам, превратила в фарс?

Чтобы ответить на такой вопрос, нужно разобраться в предыстории этого необычного дела. В западногерманском городе Брауншвейге суд присяжных слушал в начале 1964 года дело пяти бывших офицеров 2-го эсэсовского кавалерийского полка. Обвинялись они в истреблении в августе 1941 года в районе Пинска 5200 поляков и евреев. Процесс шел по обычному стандарту. Уцелевшие свидетели обвинения сообщали подробности массового зверского истребления беззащитных, ни в чем не повинных людей, подсудимые начисто все отрицали, а судья упорно требовал от свидетелей невозможного: не только опознать убийц и правильно назвать их фамилии, но и точно указать, какого числа, какого месяца и года и какое убийство каждый из них совершил.

Прокурор все же потребовал для четырех подсудимых по несколько лет тюрьмы, для пятого же, бывшего оберштурмфюрера СС, а ныне фабриканта Цех-Нентвиха, — высшую предусмотренную западногерманскими законами меру наказания: пожизненное заключение. Но милосердный суд, определив 20 апреля 1964 г., что собственноручное убийство Цех-Нентвихом семи человек «не может быть доказано с окончательной достоверностью», признал его виновным лишь в «соучастии в убийстве двух человек» и приговорил к четырем годам тюрьмы.

Адвокат Цех-Нентвиха заявил, что подаст кассационную жалобу, и осужденного увезли в тюрьму...

Словом, казалось, что западногерманское правосудие восторжествовало и фашистский убийца отсидит свой срок в тюремной камере. Но уже через два дня Цех-Нентвих таинственно исчез из тюрьмы, не тронув ни запора, ни решеток.

Через день без особого труда установили, что преступника выпустил из тюрьмы, отперев не только дверь

его камеры, но и пять других дверей, надзиратель Цееман. Выяснилось также, что Цех-Нентвих без малейшей помехи улетел на следующее утро со своей невестой на частном самолете из ФРГ в Швейцарию. Там он совершил посадку в Базеле, пересел в поезд и снова исчез.

Между прочим, чувствовал он себя настолько уверенно, что, выбравшись из тюрьмы, не сел сразу в ожидавшую его автомашину, а сначала зашел в ресторан и выпил кружку пива; пролетая же над Бонном, велел пилоту совершить «круг почета» над городом.

Это была сенсация. Газеты и журналы помещали фотографии беглеца, его невесты, Цеемана, тюремной камеры, публиковали подробный план тюрьмы с вычерченным на нем маршрутом побега. Судебные власти извинялись, уверяли, что проводится розыск по всей Европе, и даже обещали за поимку эсэсовца вознаграждение в размере 10 тысяч марок.

Через несколько дней министр юстиции Нижней Саксонии фон Ноттбек сообщил на пресс-конференции, что побег произошел «на любовной почве». Его организовала очаровательная невеста Цех-Нентвиха Маргит Штейнхофер. А надзиратель хоть и был, возможно, подкуплен, но помог беглецу прежде всего по старой дружбе: в 1936 году Цех-Нентвих и Цееман служили в одном и том же лагере гитлеровской трудовой повинности.

В романтической версии министра юстиции был, правда, небольшой изъян. Поймали еще одного пособника, который, безусловно, действовал не из чувства любви или дружбы. Герман Гуттек — преступник-рецидивист, у него 14 судимостей. Пришлось признать, что его, вероятно, нанял Цех-Нентвих, которому, как разъяснил министр, по закону нельзя даже в тюремной камере запретить распоряжаться своими крупными финансовыми средствами. Что же до поисков беглеца, то они якобы зашли в тупик. Словом, чувствовалось, что западногерманские власти хотят потихоньку замять неприятное дело.

Для этого существовали веские причины, так как пресса сообщала все новые любопытные подробности биографии Цех-Нентвиха.

В 1943 году он оказался в гестаповской тюрьме в Варшаве. Обвиняли его в различных преступлениях. Сам Цех-Нентвих впоследствии заявил, что был арестован за

участие в «подпольной эсэсовской организации сопротивления».

Из варшавской тюрьмы Цех-Нентвиху непонятным образом удалось выбраться с документами на имя оберштурмфюрера СС Бетхера. Под этим именем он через некоторое время появился в Швеции. Следующим этапом была Англия, куда его перебросили агенты британской разведки, заинтересовавшиеся перебежчиком-эсэсовцем. Там мнимого Бетхера передали в распоряжение известного журналиста Сефтона Дельмера, который вел антигитлеровскую пропаганду в эфире.

Очувтившись после войны в Германии, Цех-Нентвих стал уверять, что был переброшен в Англию как агент абвера (армейская разведка). Такая версия вполне допустима, если вспомнить о подозрительных обстоятельствах его бегства из Варшавы и появления в Швеции.

Сам Сефтон Дельмер писал в своих мемуарах, что, используя Цех-Нентвиха для пропаганды по радио, он никогда не доверял ему. Возможно, уже тогда Цех-Нентвих был одним из тех агентов, которые служат одновременно двум разведкам.

После окончания войны Цех-Нентвих был переведен в Германию и английские власти поручили ему допрашивать военнопленных.

Авантюрист сделал было карьеру: англичане навязали его главе правительства Рейнской провинции Леру в качестве личного референта. Позднее, когда было создано правительство земли Северный Рейн-Вестфалия, английская разведка заставила премьер-министра Арнольда присвоить Цех-Нентвиху звание посольского советника, хотя никакой дипломатической службы тогда в Западной Германии еще не существовало. Попав в правительственные круги, бывший эсэсовец погрузился в сложные интриги и стал работать уже не только на английскую, но и на несколько других разведок, попутно занимаясь спекуляцией.

Здесь, видимо, он потерял чувство меры. Его разоблачили при попытке получить с помощью подкупа доступ к секретным документам английской интендантской базы, судили и приговорили к трем месяцам тюрьмы.

Но бывший эсэсовец не унывал. После короткой отсидки он продолжал вращаться в правительственных кругах и даже завязал дружбу с Гансом Глобке — при

ближенным Конрада Аденауэра, который тогда, в конце 1949 года, как раз стал канцлером. Аденауэр принял авантюриста и впоследствии некоторое время поддерживал с ним связь через своего личного секретаря. Цех-Нентвих сообщал канцлеру о том, что делали в годы войны в эмиграции видные немецкие социал-демократы, снабжал сведениями о Лере, Арнольде и других политических деятелях. С Глобке же он так сдружился, что они перешли на «ты».

Вскоре Цех-Нентвих разбогател, приобрел шлифовальную фабрику, кинокомпанию, завязал знакомства в кругах промышленников.

И надо думать, что он процветал бы и по сей день, если бы не брауншвейгский процесс. А попал он на скамью подсудимых, видимо, потому, что некоторые бывшие соратники по СС не могли простить ему работу на англичан во время войны... Обо всем этом можно было прочесть со многими подробностями в западногерманских журналах и газетах. Писали они также, что бегство Цех-Нентвиха организовала не юная невеста, а либо одна из разведок, с которыми он был связан, либо подпольная нацистская организация, о существовании которой он не раз говорил...

Как видим, Цех-Нентвих — весьма колоритная фигура. Не удивительно, что и западногерманские судебные власти, и многие высокопоставленные лица совершенно не были заинтересованы в его поимке. Однако то, чего не смогла или не хотела сделать полиция, сумели выполнить сотрудники иллюстрированного журнала «Штерн». Два его репортера без особого труда напали на след беглеца. Оказалось, что он со своей невестой из Швейцарии перебрался в Италию, а оттуда перелетел самолетом в Афины. Репортеры поспешили в греческую столицу. Там они выяснили, что из Афин парочка перебралась в Каир. А в Каире журналисты обнаружили Цех-Нентвиха в одной из самых дорогих гостиниц, где он поселился по своим подлинным документам. Цех-Нентвих охотно дал журналистам интервью и позволил сфотографировать себя и свою даму на фоне пирамид.

Явно издеваясь над романтической версией министра юстиции, Цех-Нентвих заявил, что побег организовало некое тайное общество бывших офицеров СС и вермахта. Общество это, по его словам, имеет опорные пункты во

всех западноевропейских и в некоторых заморских странах. Уверял он также, что мог бы бежать и значительно раньше, но не делал этого, поскольку был уверен в оправдательном приговоре. Цех-Нентвих добавил, что готов вернуться в ФРГ, если по его делу состоится новое судебное разбирательство.

Нечего и говорить, что это интервью произвело сенсацию. Номер «Штерна» от 17 мая 1964 г. был нарасхват. Тираж подскочил, расходы редакции по розыску эсэсовца окупилась сторицею.

Детективный подвиг репортеров «Штерна» имел и другое следствие: узнав, что собой представляет Цех-Нентвих, египетские власти заставили его покинуть страну.

После этого газеты сообщали о появлении Цех-Нентвиха в Эфиопии, Сомали, Кении и даже в Южной Африке. Однако истина оказалась еще более сенсационной, чем все газетные слухи: Цех-Нентвиха нашли в ночь на 3 августа 1964 г... на его собственной вилле в Ремагене-на-Рейне, неподалеку от Бонна. И выследила его опять-таки не полиция, а все те же вездесущие репортеры «Штерна». Об этом издатель «Штерна» Наннен хладнокровно сообщил по телефону министру юстиции Нижней Саксонии фон Ноттбеку...

Как сообщал «Штерн», его репортерам удалось уговорить Цех-Нентвиха сесть в автомобиль и поехать с ними 7 августа «сдаваться» в Ганновер, прямо в министерство юстиции земли Нижняя Саксония. Там преступника приняли заместитель министра, руководящие чиновники и примчавшийся из Брауншвейга прокурор по его делу д-р Кинтци.

Итак, беглый преступник был водворен за решетку.

Однако в истории этой многое осталось неясным. По каким соображениям, например, Цех-Нентвих возвратился в ФРГ, почему западногерманская юстиция не смогла обнаружить его на его собственной вилле, которая была по решению прокуратуры конфискована и, стало быть, должна была находиться под надзором полиции? Неизвестно также, что делал Цех-Нентвих после обнаружения его 3 августа репортерами вплоть до момента явки в министерство юстиции 7 августа.

С некоторым запозданием министерство юстиции пустило в ход собственную версию. В соответствии с ней Цех-Нентвих объявил на первом же допросе, что возвра-

тился в ФРГ потому, что считает себя невиновным. Он подал кассационную жалобу и рассчитывает на успех. Что же до подготовки его бегства, то никакой подпольной эсэсовской организации не существует, и он все выдумал, чтобы отвлечь внимание от настоящих организаторов побега.

Словом, было видно, что в Ганновере предпринимают новую попытку замять скандал. Но печать не унималась, посыпались запросы и в ландтаге — земельном парламенте. Началась перебранка между министром юстиции фон Ноттбеком и редакцией «Штерна». Фон Ноттбек и влиятельный журнал наперебой уличали друг друга во лжи, и в конце концов министр даже пригрозил, что уйдет в отставку, однако остался на своем посту.

Тем временем в ФРГ появилась и «невеста» Цех-Нентвиха Маргит Штейнхофер, которая объявила, что поссорилась с ним, уехала из Каира в Испанию, а оттуда возвратилась в ФРГ, после того как министерство юстиции обещало ей, что до разбора в суде дела о побеге Цех-Нентвиха ее не арестуют.

Процесс по делу о сенсационном побеге состоялся в начале 1965 года и был проведен в быстром темпе, хотя обычно западногерманское судопроизводство чрезвычайно обстоятельно и медлительно: любой мало-мальски серьезный процесс длится неделями, если не месяцами.

Надо было допросить пятерых подсудимых: Цех-Нентвиха, надзирателя Цеемана, преступника-рецидивиста Гуттека, двух «невест» — бывшую, Маргит Штейнхофер, и новую, Розмари Холтбрюггеман, и, кроме того, пятнадцать свидетелей; при этом следует иметь в виду, что многие важные обстоятельства предварительным следствием выяснены не были. Тем не менее на слушание всего дела, включая прения сторон, было отведено лишь четыре заседания, и заседания эти шли четыре дня подряд в такой спешке, что допрос свидетелей был совершенно скомкан.

Желающих послушать сенсационное дело собралось значительно больше, чем мог вместить зал заседаний.

Подсудимые держали себя вызывающе, сваливали вину друг на друга, так что показания их резко расходились между собой. Но ни судья, ни прокурор не прилагали сколько-нибудь серьезных усилий, чтобы установить истину.

Подсудимый Цех-Нентвих, пользуясь тем, что судья, как отмечалось в газетных отчетах, «обладал чувством юмора», продолжал и в зале суда играть роль великосветского льва, богатого фабриканта, друга и приятеля многих высокопоставленных особ. Когда ему задавали вопросы, касавшиеся его темного прошлого, он либо отказывался отвечать, либо отшучивался, вызывая в публике хохот. А когда допрос коснулся обстоятельств побега, он не моргнув глазом, заявил, что бежать его уговорили Цееман и Маргит, а сам он, собственно говоря, ни при чем.

Из показаний подсудимых и свидетелей постепенно вырисовывалась любопытная картина нравов западногерманского правосудия: суровое к простым людям, беспощадное по отношению к антифашистам и демократам, оно становится предупредительным и любезным, когда имеет дело с военными преступниками, в особенности если они богаты и обладают связями.

До побега Цех-Нентвих пребывал в тюрьме на особо привилегированном положении. Камера его зачастую оставалась незапертой, он разговаривал из тюрьмы по телефону, принимал не только своего адвоката, но и любых других посетителей, получал письма и пакеты без просмотра их тюремной администрацией. Паспорт его не приобщили к делу, и адвокат смог без труда передать его Цех-Нентвиху вместе с другими документами и 50 тысячами швейцарских франков. Вопреки тюремному уставу после вынесения приговора Цех-Нентвиха не перевели из камеры для подсудимых, что значительно облегчило побег.

В тюрьме Цех-Нентвих пускал пыль в глаза и администрации и заключенным, рассказывал о своих связях, о том, что на его фабрике якобы работает тысяча человек (в действительности всего 34). Перед носом заместителя директора тюрьмы Лаармана он помахал письмом Аденауэра с соболезнованием по поводу кончины отца, после чего рассказал Лаарману, что собирается уволить своего прокурора (коммерческого директора), который якобы получает 4800 марок в месяц, и намекнул, что может пригласить его на этот пост.

А надзирателю Цееману авантюрист сообщил даже, что после вынесения приговора ему в тюрьму звонил... канцлер Эрхард и обещал добиться пересмотра дела. Это

была, конечно, выдумка, вызвавшая на суде дружный хохот публики, как и фантастический оклад прокуриста, но письмо Аденауэра оказалось подлинным.

Многих заключенных Цех-Нентвих тоже обещал выгодно устроить на своем предприятии, раздавал им свои визитные карточки — одну из них через некоторое время нашли у пойманного после ограбления банка преступника, незадолго до того отбывшего очередной срок в брауншвейгской тюрьме.

Цееман сразу же проникся почтением к «господину из хорошего общества», освободил его от работы и «создал условия», передавая письма и посылки. Цееман и вывел его из тюрьмы, после того как «барин» наобещал ему золотые горы. Все было тщательно подготовлено. Настолько тщательно, что Цех-Нентвих даже получил от Цеемана небольшую пилу, которой он должен был перепилить решетку окна своей камеры. Но «барин» Цех-Нентвих заявил надзирателю: «Я сюда не полезу, не буду же я пачкать свой костюм...»

Свидетеля — заместителя директора тюрьмы Лаармана спросили, почему Цех-Нентвиху были обеспечены столь привилегированные условия.

«А как же, — ответил чиновник. — С фабрикантами и вообще с богатыми людьми мы обращаемся иначе, чем с прочими. Мы принимаем во внимание индивидуальный стиль жизни подсудимого и имеем на это право по закону.

Мы часто беседовали с ним, — продолжал заместитель директора тюрьмы. — В конце концов я ведь обязан интересоваться заботами и нуждами моих заключенных. Господину Цех-Нентвиху зачастую нужно было звонить по телефону, ведь в качестве директора фабрики он должен быстро принимать важные решения...»

И этого тюремного деятеля не только не привлекли к ответственности, но даже не наложили на него административного взыскания!

Не принял суд никаких мер и против адвоката Цех-Нентвиха Кана, поверив ему на слово, что он не знал содержимого пакета, переданного им своему подзащитному.

А когда брошенная «невеста» Маргит Штейнхофер пыталась что-то рассказать о нацистских связях своего бывшего «жениха», председатель суда сразу оборвал ее: «В данном процессе это нас не интересует».

Через несколько дней суд объявил приговор: Цех-Нентвиху 10 месяцев тюрьмы, Цеману — 18 месяцев с зачетом предварительного заключения. Остальные отделились еще легче: от 3 до 6 месяцев тюремного заключения условно. Поистине смехотворное наказание.

Так что не зря смеялись участники процесса, а судебные отчеты газет были полны юмористических деталей.

Но над кем, собственно, смеялись господа юристы? Не над собою ли? Ведь вся эта постыдная история с двумя процессами фашистского убийцы Цех-Нентвиха, с его голливудскими похождениями сопровождалась скандальным саморазоблачением западногерманской юстиции.

Коричневый заповедник в Шлезвиг-Гольштейне

Почему именно в Шлезвиг-Гольштейне, самой северной земле Федеративной Республики Германии, такое засилье бывших гитлеровцев в аппарате юстиции? Понять это можно, лишь вспомнив о некоторых событиях двадцатилетней давности...

Весна 1945 года. В Карлсхорсте 8 мая подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии. Повсюду, где к этому моменту остатки вермахта не прекратили сопротивления, — в Норвегии, на Курляндском полуострове, к югу от Праги, — они складывают оружие. Отгремели выстрелы, замолкли орудия. Разбойничья империя Гитлера перестала существовать. Кончился, наконец, фашистский кошмар, причинивший человечеству столько страданий...

Но что это? В земле Шлезвиг-Гольштейн, на самой границе Германии с Данией, в городе Фленсбурге все еще развеваются флаги со свастикой, по улицам маршируют вооруженные патрули дивизии «Великая Германия». Здесь, с благословения английских оккупационных властей, обосновалось «правительство» гроссадмирала Деница, объявившего себя преемником Гитлера. Оно разместилось на территории военно-морского училища в пригороде Фленсбурга Мюрвиге. Британские войска не всту-

пили туда. Представители английского и американского командования ведут переговоры с Деницем. В его распоряжении даже остается фленсбургская радиостанция. И еще 12 мая — через четыре дня после безоговорочной капитуляции Германии — Дениц, а вслед за ним гитлеровский фельдмаршал Буш обращаются к немцам по этому радио со своими указаниями.

Гитлеровцы чувствуют себя настолько уверенно, что продолжают расстрелами поддерживать «боеспособность» капитулировавших войск. Особенно свирепствуют ближайšie подчиненные Деница — флотские командиры.

Радио разнесло весть о новоявленном правительстве Деница, и в Шлезвиг со всех сторон хлынули десятки тысяч гитлеровцев — большие и малые «фюреры», офицеры вермахта, чиновники, гестаповцы, эсэсовцы. Особенно старались прорваться туда те, кто в панике бежал от Советской Армии. Фашисты узрели в Шлезвиге не только прибежище. Геббельс до последнего своего дня пророчествовал, что англосаксы вот-вот передерутся с русскими коммунистами, и «третья империя» будет спасена. И у многих гитлеровцев голос фленсбургского радио возродил надежду: быть может, западные державы и впрямь сохранят какое-то нацистское правительство без Гитлера в качестве будущего потенциального союзника против русских.

Трудно сказать, как развивалась бы дальше вся эта фантасмагория, если бы не решительная позиция Советского правительства и давление со стороны возмущенной общественности западных стран.

Конец наступил 23 мая 1945 г. Во Фленсбурге появилась английская военная полиция. Дениц вместе со своими «министрами», генералами и адмиралами попал в лагерь для военнопленных. Интернировали и довольно много других нацистов. Но еще больше их осталось на свободе.

Значительная часть этой нацистской братии так и осела в Шлезвиге, тем более что гитлеровцы всегда чувствуют себя там особенно уютно. Хотя Гитлер и начал свою карьеру в Баварии, но на парламентских выборах 1933 года во всей Германии один только избирательный округ Шлезвиг-Гольштейн дал нацистской партии 51 процент голосов, то есть абсолютное большинство.

Вот почему Шлезвиг-Гольштейн еще задолго до на-

Ших дней получил название коричневого заповедника. Название это не устарело и до сих пор. Особенно отчетливо нацистское засилье чувствуется в области юстиции.

Начать с того, что, хотя в Шлезвиг-Гольштейне бывших активных, занимавших высокие посты нацистов собралось больше, чем в любой другой земле ФРГ, ландтаг именно этой земли еще 14 марта 1951 г. первым принял закон о завершении денацификации, то есть массовой проверки бывших членов национал-социалистской партии. Из всех таких законов, принятых в различных землях ФРГ, шлезвиг-гоольштейнский — наиболее либеральный и милостивый к нацистам.

Бывшие гитлеровские юристы чувствуют себя поэтому в Шлезвиге уверенно и вольготно. Характерны в этом смысле судьбы некоторых высших представителей гитлеровской юстиции, о которых мы расскажем.

Один из них, Франц Шлегельбергер, был в «третьей империи» статс-секретарем министерства юстиции. А с начала 1941 до августа 1942 года он исполнял обязанности министра, да и позднее неоднократно замещал министра Тирака в его отсутствие.

Преступлениям Франца Шлегельбергера нет числа. Именно он после захвата Польши в 1939 году составил проект «уголовного законодательства по делам поляков и евреев», которое фактически ставило их вне закона и лишало самых элементарных правовых гарантий. Оно предписывало импортированным из «рейха» немецким судьям осуждать людей на каторгу или смерть по самым пустяковым делам, по любому подозрению, оно предоставляло судьям «право» передавать обвиняемых вообще без суда в лапы гестапо.

В феврале 1942 года Шлегельбергер подписал злоеший указ «Мрак и туман». В результате применения этого указа люди, заподозренные в политической неблагонадежности, бесследно исчезали без всякого следствия и суда.

Известны и случаи, когда Шлегельбергер отправлял на расстрел в гестапо людей, которым суды вынесли недостаточно суровые, по мнению Гитлера, приговоры. Фюрер отблагодарил Шлегельбергера, приказав выдать ему единовременно «за верную службу» сто тысяч марок.

Шеф Шлегельбергера Тирак покончил самоубийством в лагере для интернированных в октябре 1946 года, когда узнал, что ему предстоит держать ответ перед американским военным трибуналом. Главным подсудимым на Нюрнбергском процессе гитлеровских юристов, послужившем основой для известного фильма американского режиссера Стенли Крамера, оказался Шлегельбергер. Нервы у него были покрепче, чем у Тирака; не был он также похож и на главного подсудимого в фильме Крамера. Впрочем, быть может, Шлегельбергер уже тогда почувствовал, что отношение американских властей к нацистам вскоре изменится.

На Нюрнбергском процессе Шлегельбергера приговорили к пожизненному тюремному заключению. Однако уже 1 февраля 1951 г. Шлегельбергер был выпущен из тюрьмы как «неизлечимо больной». «Болезнь» не мешает, однако, Шлегельбергеру, которому уже за восемьдесят, здравствовать и по сей день.

Из тюрьмы Шлегельбергер приехал в Киль и поселился у своего сына. Денацификация подходила в это время к концу; шлезвиг-гольштейнская юстиция зачислила господина статс-секретаря в пятую категорию — «наименее виновных», и ему назначили министерскую пенсию в размере 2849 марок в месяц.

Только в 1958 году эта история стала достоянием гласности. В результате настоячивых протестов общественности министерство финансов прекратило выплату пенсии Шлегельбергеру. Он немедленно опротестовал это решение в земельном административном суде. Там же распорядились не только возобновить выдачу пенсии, но и полностью выплатить ее за прошлое.

Административный суд мотивировал свое решение тем, что у Шлегельбергера, когда он занимал один из высших постов в юстиции национал-социалистского режима, ...«отсутствовало понимание неправомочности совершаемых им действий»!

Министерство финансов опротестовало решение административного суда. Но земельный министр юстиции Бернгард Леверенц поддержал своих судей. Поддержал, несмотря на то что в Западном Берлине тем временем были обнаружены секретные архивы гитлеровской «народной судебной палаты», свидетельствовавшие о неизвестных прежде тяжких преступлениях Шлегельбергера.

В 1961 году корреспонденты журнала «Шпигель» обстоятельно расспросили Леверенца о порядках в его ведомстве. Интересовались они и делом Шлегельбергера. Министр не пытался отрицать, что Шлегельбергер совершил тяжчайшие преступления. Не отрицал он и того, что через несколько лет после вынесения Шлегельбергеру обвинительного приговора стали известны новые факты о его преступлениях. Тем не менее министр юстиции пустился в путаные юридические рассуждения с целью доказать, что пенсию назначили вполне законно и аннулировать это решение невозможно.

Корреспонденты «Шпигеля» приводили, со своей стороны, выдержки из Основного закона и другие вполне обоснованные с правовой точки зрения доводы против выплаты пенсии нацистскому преступнику, но Леверенц ни на шаг не отступил.

В разговоре с министром юстиции корреспонденты «Шпигеля» не коснулись, однако, одного весьма существенного, хотя и не связанного с юриспруденцией обстоятельства. Леверенц был при Гитлере военно-морским судьей в Киле. После войны он сделал быструю карьеру: в 1950 году его избрали председателем земельной организации партии свободных демократов, а в 1954 году он стал земельным министром юстиции и прослыл на этом посту надежным покровителем нацистов. Вскоре он сделался также заместителем премьер-министра земли фон Хасселя.

Военно-морским судьей, только в более высоком чине, чем Леверенц, был при Гитлере в Киле и сын Шлегельбергера — Гартвиг. В послевоенные годы, он, как и его коллега Леверенц, сделал карьеру в правительстве земли Шлезвиг-Гольштейн и стал министром внутренних дел.

Трогательная забота министра юстиции Шлезвиг-Гольштейна о бывшем гитлеровском чиновнике имеет, таким образом, весьма прочные и глубокие корни.

По поводу пенсии Шлегельбергера в 1961 году был сделан запрос в бундестаге, а жалоба министерства финансов перешла в высшую инстанцию — федеральный суд. С тех пор прошло без малого пять лет. Но Франц Шлегельбергер по-прежнему исправно получает пенсию, а Гартвиг Шлегельбергер обеспечивает «демократический» порядок в Шлезвиг-Гольштейне на посту министра внутренних дел.

Не хуже Шлегельбергера устроился и другой подсудимый Нюрнбергского процесса юристов — Эрнст Лауц. Это преступник такого же калибра, как Шлегельбергер.

Эрнст Лауц стал членом нацистской партии еще в 1923 году. Среди немецких юристов он приобрел печальную известность своим свирепым фанатизмом. Гитлер назначил его поэтому обвинителем со званием оберрейхс-анвальта — старшего имперского прокурора — в высший суд по политическим делам — так называемую народную судебную палату.

На любом процессе Лауц неизменно требовал для подсудимых смертного приговора. Специальностью его стали обвинения в «пораженчестве». Достаточно было доноса о том, что подсудимый выразил сомнение в скорой победе, чтобы Лауц отправил его на плаху.

Сохранилась документация 393 дел, по которым Лауц добился смертных приговоров. В действительности их было гораздо больше: в конце войны, когда нацистские «фюреры» казнили своих подданных направо и налево, пытаясь подавить любое проявление недовольства, смертные приговоры выносились, словно на конвейере. Лауц даже не успевал сам подписывать их, так что это часто приходилось делать его заместителю Яагеру. Этот субъект, не менее беспощадный, чем его шеф, во время поражения нацизма укрылся все в том же Фленсбурге. Вскоре после войны Яагер стал там прокурором и благополучно прослужил до 31 мая 1959 г. Только после того, как о его прошлом стали очень уж настойчиво вспоминать в печати, Яагера досрочно отправили на пенсию.

Что же касается самого Лауца, то особенно зловещую репутацию он приобрел во время процесса участников заговора 20 июля 1944 г. Лауц произносил на этом процессе неистовые, кровожадные речи, благодарил бога за спасение фюрера и требовал немедленной казни для всех подсудимых. Он настаивал при этом, чтобы всех их не расстреляли, а повесили. И всех заговорщиков действительно повесили на доставленных со скотобойни крюках. После казни Лауц в полном прокурорском облачении сфотографировался около трупов. С тех пор он получил кличку «Мясник».

Тем не менее американские юристы, судившие в Нюрнберге нацистских юристов, были достаточно снисходительны к Лауцу. «Мясник» отделался десятью го-

дами тюремного заключения. В 1951 году его выпустили одновременно со Шлегельбергером. И хотя Лауц был одиозной фигурой даже в глазах людей, настроенных в достаточной мере реакционно, он, так же как и бывший статс-секретарь, получил в Шлезвиг-Гольштейне пенсию.

Постепенно обнаружилось много новых материалов о преступлениях бывшего гитлеровского прокурора. В разное время на него завели 14 дел. Но ни одно из них не было доведено до суда.

Мировая печать в свое время немало писала о деле профессора-убийцы Вернера Хейде. Оно характерно для атмосферы, царящей в земле Шлезвиг-Гольштейн.

Хейде был одним из главных руководителей первой гитлеровской программы организованных массовых убийств.

Еще в 1924 году Гитлер в книге «Моя борьба» писал о необходимости осуществлять строгий «расовый отбор». Уже тогда он задумал уничтожить всех, кто может испортить «чистоту германской крови», насильственно устранить «носителей умственного и физического вырождения».

Захватив власть, фюрер сразу же начал претворять в жизнь свои человеконенавистнические планы. 14 июля 1933 г. был издан закон о принудительной стерилизации; на массовые убийства в условиях мирного времени гитлеровцы не осмелились пойти. Но, решив начать войну, Гитлер в июле 1939 года созвал секретное совещание и приказал разработать программу «смерти из милости». Впоследствии она была также названа благозвучным древнегреческим словом «эутаназия» — «приятная смерть».

Программу разработали быстро, с привычным для нацистов коварством. Было приказано создать специальную организацию для планирования и руководства убийствами под наименованием «Имперское объединение лечебных и попечительских учреждений». Для ее финансирования предусмотрели вторую организацию под маркой благотворительного фонда. Кроме того, появилась автоколонна «Гекрат» для перевозки «больных», то есть для доставки жертв. Фактически все эти организации находились в руках СС, а их штаб обосновался в Берлине, на Тиргартенштрассе, 4, отчего и получил кодовое обозначение «Т-4».

Главным экспертом штаба «Т-4» назначили профессора Вернера Хейде. Биография его такова. Сразу же после захвата Гитлером власти Хейде вступил в нацистскую партию и вскоре после этого — в СС. Был он тогда рядовым врачом университетской клиники в Вюрцбурге. А через два года Хейде — уже начальник нового, невиданного до тех пор учреждения, «Управления расовой политики». В следующем году он получает благодарность за проведенные им над узниками концентрационных лагерей «исследования по биологии наследственности».

В СС ему дают чин за чином. Наряду с карьерой в СС Хейде делает карьеру в «науке». К моменту назначения его главным экспертом он в 37 лет — ординарный профессор, заведующий кафедрой и заведующий отделением университетской клиники.

На Тиргартенштрассе Хейде сразу же проявляет кипучую энергию. Когда возникла проблема, как быстрее и с наименьшими хлопотами убивать жертвы, Хейде предлагает использовать углекислый газ.

Испытания провели в Бранденбургской тюрьме. В переоборудованную душевую привезли четырех душевнобольных. Присутствовать пригласили высокопоставленных партийных деятелей, чинов СС, врачей. По случаю прибытия высоких гостей в тюрьме даже вывесили флаги. «Эксперимент» удался на славу, через 22 секунды жертвы были мертвы.

Таков был первый опыт, послуживший началом массовых убийств.

Тюрьму сочли, однако, слишком людным местом для подобных целей и для выполнения программы переоборудовали небольшой замок Графенек в Швабских Альпах. В нем помещался приют одной из общественных филантропических организаций. Приют закрыли, а замок реквизировали «для государственных надобностей»...

Секретный указ о создании «Имперского объединения» Гитлер подписал 21 октября 1939 г., но датировал он его задним числом 1 сентября — первым днем войны. Впрочем, еще 17 октября, то есть за несколько дней до подписания указа, в Графенек поспешила комиссия из штаба «Т-4» и приступила к делу. В самом замке поселили «персонал», проще говоря убийц. Часть комнат отвели под контору. За высоким забором в 300 метрах от

здания замка построили тщательно продуманную фабрику смерти.

Прибывшие попадали сперва в приемный барак, рассчитанный на 100 человек. Стремясь держать жертвы в неведении до последней минуты, врачи подвергали их фиктивному медицинскому осмотру. Из приемного барака смертников вели в массивное каменное здание. После короткого ожидания в раздевалке, украшенной большим портретом Гитлера, жертвы попадали в газовую камеру, замаскированную под обычную душевую. Рассчитана она была на 50 человек. Рядом помещалась «врачебная комната». Сидя там, палачи нагнетали углекислый газ в рожки мнимых душ и наблюдали в глазок за предсмертными муками своих жертв.

Тут же, в соседнем здании, оборудовали крематорий, а напротив — гараж для закрытых автобусов транспортной колонны «Гекрат», свозившей жертвы со всех концов страны.

Всю обширную усадьбу Графенек оградили шлагбаумами и таблицами с надписью «Опасность эпидемических заболеваний», расставили часовых.

Программу убийств сразу же стали осуществлять в массовых масштабах. Вскоре помимо Графенек организовали еще три фабрики смерти в других местах. Штаб «Т-4» быстро разросся. Одних только врачей — «экспертов» и «обер-экспертов», отбиравших жертвы и непосредственно руководивших убийствами, было 37 человек. Были химики, обеспечивавшие бесперебойную работу душегубок, многочисленные чиновники, секретари, регистраторы.

Словом, «Т-4» внешне стал напоминать солидное бюрократическое учреждение. Создали даже несколько фиктивных бюро записи актов гражданского состояния, рассылавших на обычных казенных бланках липовые свидетельства о причинах смерти. Посылали и трогательные соболезнования родным. Убийства проводились в форсированном темпе, чтобы, как говорилось в инструкции, «обеспечить целесообразную эксплуатацию оборудования». Ради быстроты «эксперты» производили отбор жертв заочно — на основании анкет, поступавших со всех концов гитлеровского рейха. Простой крестик красным карандашом против фамилии означал смертный приговор.

Жертвами программы «Т-4» стали далеко не только душевнобольные и старики из приютов для престарелых. В категорию смертников зачисляли и многих политических противников фашистского строя, в первую очередь коммунистов.

В дальнейшем палачи придумывали различные усовершенствования. Например, перед входом в душегубку «больной» должен был раскрыть рот и показать зубы. После этого ему прямо на голую грудь ставили большим номератором четырехзначную цифру.

Когда убийство заканчивалось, палачи по цифрам на трупах сразу определяли, у кого из жертв есть во рту золотые зубы. Их тут же выламывали — нужно ведь было как-то окупать расходы!

Так уже в первый год войны, за несколько лет до начала планомерного истребления миллионов людей в концентрационных лагерях, гитлеровцы тщательно, до малейших деталей, организовали свою первую фабрику смерти.

Как ни засекречивали программу «Т-4», тайное постепенно становилось явным. Во многих случаях свидетельства о смерти вызвали подозрения: как не сомневаться в том, что человек скончался от приступа аппендицита, если у него много лет назад была удалена слепая кишка; или как поверить в смерть после длительной болезни, если за неделю до того человек прошел обстоятельное обследование и был признан здоровым. По стране поползли зловещие слухи, многие родственники стали подавать заявления в судебные органы. Там их клали под сукно. Но слухи множились, и в 1941 году операцию на некоторое время пришлось приостановить.

Эсэсовский профессор Вернер Хейде играл руководящую роль и в другой, не менее преступной программе. В ходе ее уничтожали «неполноценных» узников концентрационных лагерей. Их попросту зачисляли в разряд «лишних едоков». Это называлось «особой обработкой 14-Ф-13». Такими «неполноценными» опять-таки оказывались в первую очередь политические заключенные.

Накануне гибели «третьей империи» Хейде из Германии перекочевал в маленький датский городок Граастен. Там о прошлом солидного медика никто не подозревал. Но скрыться ему все же не удалось. Вместе с другими немцами его задержали и отправили сперва в погранич-

ный город Фленсбург, а оттуда в английский лагерь для нацистов. Туда попало большинство высокопоставленных нацистских чиновников, окопавшихся во Фленсбурге, так что в лагере собралось «избранное общество». Хейде чувствовал себя превосходно среди своих единомышленников. Он даже читал им лекции на медицинские темы. Но через некоторое время Хейде, как и некоторых других военных преступников, разоблачили и отправили в тюрьму. Вначале он выступал в качестве свидетеля на процессе врачей-убийц фабрики смерти в Гадамаре. Ему пришлось признать, что по программе «эутаназии» было умерщвлено 70—100 тысяч человек. (В действительности, как показали документы, фигурировавшие на Нюрнбергском процессе, число жертв достигло 275 тысяч).

После этого Хейде должен был в 1947 году предстать в Нюрнберге на главном процессе врачей-убийц уже не в роли свидетеля, а в качестве одного из подсудимых. Ему удалось, однако, бежать во время перевозки из британской зоны оккупации в американскую и скрыться. Появился он снова в Шлезвиге. Некоторое время жил в деревне, а в 1949 году осмелел и приехал во Фленсбург. Может показаться, что это было с его стороны крайне неосторожно. Ведь в небольшом городе, да и в соседнем Киле у него было множество знакомых из числа бывших интернированных нацистов. Но Хейде хорошо знал, что делает. Фашистская братия держала в руках всю администрацию. Она приняла профессора-убийцу с распростертыми объятиями.

Властям Хейде мог предъявить только временное удостоверение личности на имя несуществующего доктора Заваде, которое он купил на черном рынке в Киле. Врачебного диплома на это имя у него, конечно, не было. Тем не менее в конце 1949 года тогдашний обер-бургомистр Фленсбурга Древис устроил его врачом в городскую спортивную школу. У Хейде-Заваде нашлись приятели и в судебном ведомстве, и в управлении социального страхования. Вскоре он сделался самым популярным медицинским экспертом не только во Фленсбурге, но и в Киле.

Хейде-Заваде разбогател, стал членом «высшего общества» Киля и Фленсбурга, обзавелся хорошей виллой, автомашиной.

Инкогнито Хейде было прекрасно известно шлезвигскому «обществу», и в первую очередь судейским чинам. Дело в том, что в 1947 году, после побега Хейде, союзные судебные власти выдали ордер на его арест, а в 1952 году федеральная прокуратура подтвердила ордер и включила имя Хейде вместе с подробным описанием его внешности в список разыскиваемых преступников. И когда шлезвигские судьи и прокуроры притворялись, что не знают, с кем имеют дело, они совершали серьезное служебное преступление. Тем не менее убийца на протяжении десяти лет выступал экспертом на многих судебных процессах — уголовных и гражданских. Нетрудно себе представить, какие он выносил заключения, когда какой-нибудь бывший заключенный фашистского концлагеря требовал выплаты компенсации или пенсии. Но именно таких заключений и ждали от эксперта господина судьи. Ведь почти все они еще недавно творили суд и расправу в империи Гитлера.

И Хейде благоденствовал. Да и зачем было беспокоиться, если он находился под защитой своеобразной круговой поруки, связавшей целую группу чиновников, в том числе высокопоставленных представителей юстиции.

Весьма показателен в этом смысле эпизод с профессором Крейцфельдом. Этот медик, как и Хейде, психиатр. Но человек он иного склада. В свое время профессор Крейцфельд наотрез отказался участвовать в программе «эутаназии» и не побоялся в кругу знакомых назвать ее массовым убийством. Жена его во время войны была заключена в концентрационный лагерь и пробыла там несколько месяцев. Выручил ее некий адвокат, обладавший связями в нацистских верхах.

Профессор Крейцфельд прекрасно знал, конечно, профессора Хейде. Но, столкнувшись после войны в Киле с «доктором Заваде», он счел «неэтичным» сообщить о нем судебным властям.

Однако в конце 1954 года произошел инцидент, положивший предел сдержанности профессора. Крейцфельду пришлось выступить в качестве эксперта в земельном суде по социальным делам. Его заключение не понравилось судье, и тот обратился за помощью к старшему эксперту — доктору Заваде. И доктор Заваде дал заключение по тому же делу совсем в ином духе. Узнав об этом, профессор Крейцфельд написал на имя председателя зе-

мельного суда Буреша объяснительную записку. В ней он подробно разъяснил, на чем основывалась его экспертиза, и попутно раскрыл инкогнито мнимого доктора Заваде.

Буреш давным-давно знал, кем на самом деле является старший эксперт. Но он вовсе не хотел разоблачать его. Ситуация сложилась трудная. И все же выход нашелся. Через несколько дней профессора Крейцфельда посетил тот самый адвокат с большими нацистскими связями, который во время войны вызволил жену профессора из концентрационного лагеря. В память оказанной им тогда услуги он попросил Крейцфельда, чтобы тот согласился считать свою объяснительную записку не официальным документом, а частным письмом. Профессор дал согласие. А в конце января 1955 года он получил ответ от Буреша. Судья сообщал, что в его служебные обязанности не входит давать ход делу, о котором уважаемый профессор Крейцфельд упоминает в своем письме.

Разоблачили Хейде в 1959 году, и то лишь после того, как о нем в официальной форме было сообщено самому премьер-министру земли Шлезвиг-Гольштейн фон Хасселю (нынешнему министру обороны). Отмахнуться от этого разоблачения было невозможно, поскольку оно исходило от видного лица — директора Кильской университетской клиники профессора Рейнвейна.

Тем не менее прошло еще несколько месяцев, пока, наконец, 5 ноября 1959 г. во Фленсбург поступило из кильской земельной прокуратуры распоряжение задержать Хейде-Заваде. Но об этом преступника заранее предупредили по телефону, и он вовремя укатил из города на своей машине. Несмотря на исчезновение Хейде, фленсбургская прокуратура не торопилась. Лишь через четыре дня, после того как в письменном столе мнимого доктора Заваде обнаружили врачебный диплом на имя Хейде, последовало распоряжение о розыске.

Преступления Хейде были широко известны по всей стране. В печати появились подробные сообщения. Они приобрели сенсационный характер, когда неожиданно 12 ноября Хейде собственной персоной в сопровождении адвоката пришел во Франкфурте-на-Майне в полицию.

Он заявил, что не чувствует за собой никакой вины, что личность его хорошо известна в самых высоких инстанциях, и спокойно дал себя арестовать.

О деле Хейде заговорила тогда не только западно-германская, но и зарубежная печать. В Киль и Фленсбург поспешили корреспонденты крупнейших газет и журналов. Назревал скандал. Земельный министр внутренних дел Лемке (ныне он премьер-министр земли Шлезвиг-Гольштейн) публично заверил, что в будущем любое заявление будет проверяться самым тщательным образом. Зато его коллега министр юстиции Леверенц сохранял хладнокровие.

Когда обер-прокурор земли Фосс и председатель суда по социальным делам Буреш согласились было на беседу с прибывшим в Киль шеф-репортером «Франкфуртер рундшау», известным журналистом Фолькмаром Хофманном, Леверенц дернул их, scomандовав на привычном для него морском жаргоне: «Задраить люки!».

Но корабль шлезвигской юстиции уже дал основательную течь. 20 ноября 1959 г. Хофманн опубликовал в своей газете большую корреспонденцию. В ней он бросил высшей земельной администрации тяжелое обвинение:

«Даже премьер-министр Кай Уве фон Хассель и министр культов Остерло, а может быть, и весь кабинет знали в течение нескольких месяцев, что под именем доктора Заваде скрывается разыскиваемый в судебном порядке, занимавшийся эутаназией врач и штандартенфюрер СС профессор Вернер Хейде. Знали, но не сочли нужным вмешаться».

Для такого утверждения у журналиста имелись достаточно веские основания. Хофманн установил, например, что профессор Кильского университета Рейнвейн еще 6 июля 1959 г. добился официального приема у фон Хасселя, чтобы обратить его внимание на порядки в шлезвигской юстиции. Во время беседы он упомянул и о том, кто скрывается под именем доктора Заваде.

Чтобы спасти свою репутацию, фон Хассель обратился в суд и обвинил газету и ее шеф-репортера в клевете. В результате процесса репортера приговорили условно к шести месяцам заключения за «политически вредные рассказы», а редакции запретили упоминать в связи с делом Хейде имя фон Хасселя.

Полностью замять скандал все же не удалось.

По требованию социал-демократической фракции в ландтаге была создана парламентская комиссия для расследования дела Хейде.

Но произошло это с опозданием на несколько недель. А тем временем бывшие нацисты в прокуратуре и судах энергично заметали следы. Еще 24 ноября 1959 г. было официально объявлено, что следствие по делу о содействии бегству Хейде прекращается.

Однако сам Хейде допустил ставшую для него роковой ошибку: он дал арестовать себя не в Шлезвиге, а в главном городе земли Гессен, Франкфурте-на-Майне. Генеральный прокурор этой земли Фриц Бауэр — человек с антифашистским прошлым. Он настойчиво и мужественно разоблачает нацистских преступников.

Франкфуртская прокуратура могла, однако, заняться лишь самим Хейде и дать ход делу о его преступлениях при нацистском режиме. Что же касается разоблачения тех, кто в течение десяти лет укрывал преступника, то это входило не в ее компетенцию, а в ведение судебных властей земли Шлезвиг-Гольштейн.

Здесь же продолжали предпринимать все меры к тому, чтобы затянуть дело до бесконечности, пока о нем в конце концов забудут общественность и печать.

Юстиция и администрация земли постоянно чинили помехи комиссии ландтага, созданной для расследования дела Хейде, оказывали на нее нажим; нужные документы исчезали, вызванные свидетели сказывались больными или попросту не являлись. Да и многие члены самой комиссии вовсе не были заинтересованы в разоблачении столпов земельной юстиции. Комиссия собиралась редко и работала целых полтора года. Не удивительно, что интерес к ней постепенно стал остывать.

Вот как описывал 17 ноября 1960 г. корреспондент «Франкфуртер рундшау» атмосферу очередного заседания комиссии:

«Уныло и без малейшей внутренней заинтересованности участников проходило в течение послеобеденных часов восемнадцатое заседание кильской парламентской комиссии. За год интерес к ней утрачен и дело приближается к концу».

На это заседание пришло всего 16 слушателей, в том числе несколько чиновников, непосредственно замешанных в деле. Среди немногочисленной публики восседал и сам Хейде с супругой.

Лишь в июне 1961 года комиссия представила ландтагу свой доклад. В отношении преступлений Хейде она

подтвердила то, что уже было известно из газет и по данным следствия, которое велось во Франкфурте: Хейде обвиняется в убийстве не менее ста тысяч человек.

Но основной своей задачи комиссия не выполнила: она не сумела или не захотела выяснить, кто предупредил 5 ноября 1959 г. Хейде об аресте и кто из высокопоставленных деятелей покрывал убийцу. Правда, в выводах комиссии было зафиксировано, что помимо двух судейских чинов, в отношении которых уже давно велось следствие, о подлинном имени и биографии мнимого доктора Заваде знали не менее 20 должностных лиц. Но ведь еще 14 января 1960 г. фон Хассель, выступая по телевидению, признал, что о Хейде знало примерно 20 человек. Себя он, конечно, исключил из этого числа.

Однако ни один из этих двух десятков судейских чиновников в конечном счете не понес наказания. Двоих, правда, отдали под суд, но суда не было и по сей день: его отложили до суда над самим Хейде под предлогом, что только тогда точно выяснится степень их вины. Забегая немного вперед, скажем, что процесс Хейде так и не состоялся, а потому и эти два судебных деятеля не попали на скамью подсудимых.

К началу 1963 года было, наконец, готово обвинительное заключение по делу «Т-4». Но из числа многочисленных соучастников Хейде удалось привлечь к ответственности только троих — врача Боне, управляющего делами штаба «Т-4» Тильмана и оберрегирунгсрата Хефельмана, который в личной канцелярии Гитлера занимался делопроизводством, связанным с программой «Т-4».

Казалось, что хоть и с запозданием, но процесс состоится и тайное станет явным. Однако это тайное было, видимо, настолько скандальным, что то и дело возникали странные помехи и процесс откладывался. Чувствовалось, что идет какая-то закулисная борьба, что невидимые силы пытаются любыми средствами не допустить публичного судебного разбирательства.

В августе 1963 года бежал один из подсудимых — доктор Боне. Собственно, не бежал, а уехал, потому что, как с удивлением узнали читатели газет, в заключении оставался лишь один Хейде, а остальных освободили до суда «по состоянию здоровья». Боне, числившийся под надзором полиции и, конечно, не имевший заграничного

паспорта, все же сумел уехать в Аргентину. Гессенская прокуратура потребовала выдачи преступника, но Боне до сих пор живет в Латинской Америке.

А в начале сентября 1963 года генеральный прокурор Гессена Бауэр сообщил газетам о попытке освободить Хейде из тюрьмы в Лимбурге (Шлезвиг-Гольштейн). И тут полиция не смогла обнаружить лиц, готовивших побег. Бауэру пришлось добиться перевода Хейде в Бутцбах, в тюрьму, расположенную в окрестностях Франкфурта-на-Майне...

Наконец через год после составления обвинительного заключения газеты сообщили, что процесс начнется 18 февраля 1964 г. Но 13 февраля произошла очередная сенсация: один из троих оставшихся обвиняемых, Фриц Тильман, «выпал» с восьмого этажа административного здания в Кельне. Официально смерть Тильмана была квалифицирована как самоубийство. Но никаких важных причин для того, чтобы накануне суда лишать себя жизни, у Тильмана не было. Ведь на процессе ему ничего серьезного не угрожало: он принадлежал к числу так называемых «преступников за письменным столом», притом второстепенных. А западногерманские суды никогда не выносят строгих приговоров такого рода подсудимым. Но Тильман, как бывший управляющий делопроизводством «Т-4», знал очень много о злодеяниях людей, и по сей день пребывающих в полном благополучии, знал, возможно, о таких личных связях Хейде, которые сохранились и после войны. Словом, показания Тильмана могли быть опасными для многих, могли помочь распутать клубок преступлений, связанных с делом «Т-4».

Полиция ограничилась тем, что разыскала в уборной восьмого этажа пиджак Тильмана. Тем самым, по мнению комиссии, было доказано, что смерть произошла в результате падения именно с этого этажа. На этом расследование закончилось. Выяснить, не была ли эта смерть насильственной, блюстители порядка сочли излишним.

А на следующий день был найден мертвым в своей тюремной камере сам Хейде. И эта смерть была объявлена самоубийством. Сообщение об этом самоубийстве было воспринято с большим скептицизмом, тем более что произошло оно через сутки после не менее странного «самоубийства» Тильмана. Выяснились и другие многозначительные факты. Среди тюремных служителей, имев-

ших доступ к Хейде, находились закоренелые нацисты: Штриппель, служивший надзирателем в концлагере Бухенвальд, и Бааб, бывший эсэсовец из франкфуртского гестапо. Оба они обладали, конечно, богатым опытом по «ликвидации» неугодных людей. Кроме того, при вскрытии трупа Хейде в его желудке нашли остатки каких-то таблеток. Было высказано предположение, что это лекарство. Возникает вопрос: нужно ли человеку, решившему покончить с собой, принимать перед этим лекарство?

Не удивительно, что иностранная печать и многие западногерманские газеты усомнились в самоубийстве Хейде. А генеральный прокурор Гессена Бауэр, узнав о гибели преступника, прямо заявил: «Возникает подозрение, что существует молчаливый сговор с целью не допустить процесса».

Когда, несмотря на то что уцелел лишь один подсудимый — Хефельман, процесс по настоянию прокуратуры все же начался, произошло третье самоубийство: в водах Кильского залива был найден труп шлезвиг-гольштейнского министра культов Остерло. Обстоятельства и этой смерти также остались не выясненными до конца. Известно, что утром 19 февраля Остерло вышел из дому и отправился на службу, но до министерства так и не дошел. Жена министра могла лишь сообщить, что в последние дни муж ее утратил душевное равновесие.

Напомним, что речь идет о том самом Остерло, которого газета «Франкфуртер рундшау» наряду с фон Хасселем обвинила в том, что он знал, кто скрывался под фамилией доктора Заваде. Если фон Хассель подал в суд жалобу на редакцию и на автора корреспонденции, то Остерло промолчал. Возможно, он имел веские причины даже после смерти Хейде опасаться процесса и нервы его сдали. Тем более, что министр культов вообще пользовался прочной репутацией сторонника и защитника нацистов.

Но вернемся к процессу. После сенсационной «черной серии» самоубийств публика постепенно утратила интерес к делу. Ведь страшные факты, связанные с деятельностью «Т-4», были известны уже давно. А единственный оставшийся подсудимый Хефельман, хотя и обвинялся в соучастии в убийстве 15 тысяч человек, все же был лишь второстепенной фигурой.

Как констатировала не без иронии «Штутгартер цайтунг», в качестве последнего подсудимого Хефельман пользовался прямо-таки трогательной заботой, причем отнюдь не только со стороны своих защитников.

Не менее внимательно относились к нему и председатель суда, и прокуроры. А он, со своей стороны, охотно давал показания, тем более что сам действительно был «лишь» аккуратным управляющим делами имперской комиссии, ведавшей в личной канцелярии Гитлера организациями, занимавшимися детской «эутаназией» — уничтожением детей, объявленных дефективными или неизлечимо больными.

На процессе допрашивали свидетелей из числа лиц, так или иначе связанных с этим комплексом преступлений. В большинстве своем это были люди типа бывшего адъютанта Гитлера Видемана, который первым делом поправил судью и подчеркнул, что его стаж в нацистской партии более длительный, чем указано в судебных документах.

Все они дружно заявляли, что считали «эутаназию» вполне законной, поскольку она проводилась по повелению фюрера и поскольку органы юстиции санкционировали ее, что, кстати говоря, соответствовало действительности.

В связи с этим гессенская прокуратура объявила, что намерена привлечь к ответственности тогдашних высших деятелей юстиции. Но сделать это ей до сих пор так и не удалось.

На процессе подтвердилось, в частности из показаний, которые Хейде дал еще в 1947 году, перед первым своим побегом, что постепенно медицинский отбор жертв, направляемых на фабрики смерти, превратился в фикцию, что транспорты смертников составлялись по произволу эсэсовцев и фактической целью «эутаназии» стала ликвидация «излишних едоков». Да и Хефельман признал, что уже с февраля 1940 года врачи по сути дела не участвовали в отборе жертв.

Приказ о прекращении программы убийств, отданный в 1941 году, оказался фикцией. В действительности и в дальнейшем, в особенности в конце войны, в лечебницах и приютах продолжалось истребление пациентов, объявляемых неполноценными и дефективными.

Процесс неоднократно прерывался, как только Хе-

фельман заявлял, что чувствует себя неважно. В конце июля 1964 года процесс был прекращен, председатель суда объявил, что медицинская комиссия тщательно обследовала подсудимого Хефельмана, в результате чего «судопроизводство откладывается на неопределенный срок ввиду неблагоприятного состояния здоровья подсудимого».

Остается добавить, что д-р Хефельман до сих пор здоров, процесс же похоронен раз и навсегда. Пропал впустую колоссальный материал о преступлениях нацистов — 84 тысячи листов предварительного следствия плюс материалы 48 судебных заседаний, в ходе которых было допрошено 76 свидетелей...

Теперь высокопоставленные укрыватели нацистских убийц в шлезвиг-гольштейнских судах могли чувствовать себя в полной безопасности. Впрочем, они и до прекращения процесса вели себя по-прежнему. Взять хотя бы случай, который произошел в том же кильском земельном суде по социальным делам, где столько лет состоял старшим экспертом Вернер Хейде. Председателя этого суда д-ра Буреша сняли и привлекли к ответственности за укрывательство профессора-убийцы. Казалось бы, это должно было послужить уроком его преемнику д-ру Вальтеру Титгену.

Но ровно через год после того, как д-р Титген заменил д-ра Буреша, он в аналогичной ситуации поступил точно так же, как и его предшественник. В июне 1962 года к нему поступил запрос из Союза демократических борцов сопротивления с просьбой сообщить, верно ли, что земельный судья по социальным делам Эрнст Элерс был штурмбаннфюрером СС и служил в эйнзацгруппе Б.

Через несколько дней Титген официально сообщил, что в шлезвиг-гольштейнском суде по социальным делам судья Эрнст Элерс не работает.

Но председатель Союза борцов сопротивления Шварц не успокоился, а послал вторичный запрос Титгену: не знает ли он человека со схожей фамилией, не работает ли он в другом судебном учреждении Килия?

Титген аккуратно ответил, что один бывший судья по социальным делам Элерс умер, а другой состоит бургомистром населенного пункта Зюдербаруп.

Между тем Титген близко знаком с бывшим эсэсовским штурмбаннфюрером Эрнстом Элерсом, так как тот

работает в одном из соседних кабинетов в качестве судьи, правда не по социальным, а по административным делам. К тому же Элерс и Титген — члены одного и того же кильского «Академического общества Фризия», стало быть, они в молодости состояли в одной и той же студенческой корпорации.

Шварцу в конце концов все же удалось разыскать Эрнста Элерса и добиться привлечения его к дисциплинарной ответственности с отстранением от работы. Но для этого ему пришлось официально обратиться уже к самому министру юстиции Левверенцу. Тот в отличие от Титгена стал после скандала с Хейде несколько осторожнее и «нашел» Элерса, прошлое которого ему было, конечно, хорошо известно. Но если министр понял, что Элерса не укроешь, поскольку о скандальной истории заговорила пресса, то покровителя эсэсовца д-ра Титгена он постарался выгородить: этому, мол, просто в голову не пришло, о ком могла идти речь. В результате Титген в отличие от Буреша остался на своем посту и не получил даже административного взыскания.

Ранее мы упоминали, что гитлеровцы в 1945 году расстреливали во Фленсбурге своих солдат и матросов даже после того, как была подписана безоговорочная капитуляция Германии.

Например, 9 мая 1945 г. военно-морской суд приговорил ефрейтора Иоганна Зюсса к расстрелу за «подрыв дисциплины». Вина этого молодого человека заключалась в том, что он советовал товарищам кончать войну. 11 мая, то есть через два дня после подписания акта о капитуляции в Карлсхорсте, вице-адмирал Бернхард Рогге, командовавший не существующим уже соединением учебных кораблей, утвердил приговор, и Зюсса немедленно расстреляли.

Дикая расправа эта — не исключение. Как сообщила 16 июля 1965 г. газета «Франкфуртер рундшау», на фленсбургских кладбищах обнаружено 145 могил солдат, похороненных примерно 8 мая 1945 г. Среди них немало жертв военно-полевых судов. Установлено, например, что один обер-фельдфебель авиации был расстрелян «за разложение оборонной мощи» даже 14 мая. Описания этих расстрелов появились летом 1965 года почти во всех крупных западногерманских газетах и вызвали большое негодование.

Как и во время скандала, связанного с разоблачением Хейде, все тот же земельный министр юстиции Леверенц попытался замять это дело. Не отвечал он и на вопрос, почему не привлечены к ответственности адмирал Рогге и другие виновные.

Лишь когда родственники некоторых казненных стали требовать расследования, а газеты эти требования поддержали, Леверенцу поневоле пришлось нарушить заговор молчания. Как писала 26 июля 1965 г. газета «Штутгартер цайтунг», «массовые атаки прессы заставили министерство юстиции раскрыть карты (но не все), чтобы противодействовать слухам, связанным с делом Рогге». Оказалось, что родители расстрелянного ефрейтора Зюсса на протяжении нескольких лет тщетно пытались узнать что-либо о судьбе сына. Только в 1952 году они получили извещение из управления по ликвидации дел вермахта о том, что ефрейтор Зюсс был расстрелян во Фленсбурге, и лишь после этого обер-прокурор Фосс подтвердил факт расстрела Зюсса «во исполнение законного приговора суда».

Тем самым Фосс сознательно укрывал преступника Рогге: приговор, который утвердил Рогге, вовсе не был законным ни в смысле общепринятых представлений о правосудии, ни с формально-юридической точки зрения. Германия бозоговорочно капитулировала, и тем самым был положен конец деятельности всяких военно-полевых судов. Мало того, в условиях частичной капитуляции, подписанной представителем Деница в штабе фельдмаршала Монтоммери еще 4 мая, значилось, что всякий приговор немецкого суда, предусматривающий более двух лет тюремного заключения, должен быть утвержден английской военной администрацией.

Между тем Рогге утвердил преступные смертные приговоры не только ефрейтору Зюссу, но и трем другим немецким военнослужащим. Обер-прокурор Фосс все это знал, но не привлек к ответственности ни Рогге, ни военно-морского судью Констабеля, который вынес смертный приговор Зюссу.

Быть может, Рогге попросту нельзя разыскать? Напротив, он большой человек в Шлезвиге. Рогге, как и многие другие бывшие гитлеровцы, продолжал свою карьеру в Федеративной Республике Германии. До 1962 года он был командующим Кильским военным округом

бундесвера, а затем вышел в отставку, после чего был приглашен на пост главного консультанта по гражданской обороне при земельных правительствах Шлезвиг-Гольштейна и Гамбурга.

Видимо, Фосс не считал возможным тревожить столь важную персону из-за такого пустяка, как расстрел каких-то там матросов и солдат двадцать лет назад. Да и судья Констабель — уважаемый человек: теперь он нотариус и адвокат в небольшом шлезвигском поселке Мельдорфе.

Делу о фленсбургских расстрелах так бы и не дали хода, если бы один из служащих западноберлинского справочного бюро по делам бывшего вермахта в январе 1965 года не натолкнулся случайно на приговор о расстреле ефрейтора Зюсса.

Служащий сразу понял, что приговор был незаконным, и тут же послал его в Людвигсбург, в Центральное ведомство по расследованию национал-социалистских преступлений. Людвигсбургские чиновники переслали приговор во Фленсбург с предложением начать следствие. Об этом узнали газеты и телеграфные агентства. Посыпались запросы в земельное правительство и в министерство юстиции. В отношении адмирала Рогге пришлось все же начать предварительное следствие. При этом представители правительства не скрывали своего недовольства «бестактностью» прессы, а также дали понять, что не может быть и речи о привлечении к ответственности за попустительство преступнику такого уважаемого деятеля, как бывший обер-прокурор Фосс, который к этому времени уже успел уйти на пенсию.

Прошло несколько месяцев, и 6 января 1966 г. все тот же министр юстиции Леверенц официально объявил о прекращении следствия по делу Рогге.

Верно, подтвердил министр, что Рогге утвердил приговор о расстреле ефрейтора Зюсса, отклонил его ходатайство о помиловании и приказал привести приговор в исполнение.

Верно также, что налицо «грубое несоответствие между установленной военно-полевым судом степенью вины и превосходящим всякие разумные масштабы наказанием».

Но, утверждал министр Леверенц, «тщательное расследование, произведенное фленсбургской прокуратурой,

не дало доказательств того, что лица, принимавшие участие в вынесении смертного приговора и приведении его в исполнение, действовали из низменных побуждений».

А в таком случае привлечь к судебной ответственности Рогге, Констабеля и других невозможно.

Точно так же закончилась попытка привлечь к ответственности виновника другого расстрела. Жертвой его стал 6 мая 1945 г. комендант поезда гротадмирала Деница капитан-лейтенант Асмус Епсен. Поезду этому удалось в разгар боев за Берлин уйти из Потсдама и прибыть в ночь на 3 мая 1945 г. в пригород Фленсбурга Сэруп.

Поезд строго охранялся отрядом морской пехоты. Еще бы! Ведь он был доверху набит разным добром господ адмиралов и генералов, узревших во Фленсбурге последнее прибежище. Было в нем также множество ящиков со спиртными напитками и отборной гастрономией.

Наутро Епсен узнал, что Дениц накануне отправил своего заместителя генерал-адмирала фон Фридебурга на самолете к британскому фельдмаршалу Монтгомери подписывать частичную капитуляцию. Знал он, конечно, и о смерти фюрера. Война, стало быть, закончилась. Епсен посоветовал своим морским пехотинцам расходиться по домам, чтобы не попасть в плен, а сам отправился к жене, которая жила в 20 километрах от Сэрупа — в Нойкирхене. На следующее утро к Епсенам ворвались жандармы. Они произвели обыск и арестовали капитан-лейтенанта. 5 мая военно-полевой суд приговорил его к расстрелу за «дезертирство и грабёж». Дениц утвердил приговор, и 6 мая Епсена расстреляли.

Расстрел Епсена был самым настоящим убийством. Не было дезертирства, поскольку уже была подписана капитуляция. Не было и грабежа; при обыске у Епсенов не нашли казенных вещей, а продуктами, находившимися в поезде, как выяснилось, воспользовались голодные беженцы.

Дело об убийстве Епсена было возбуждено еще в 1950 году. Дениц тогда отсидивал свой срок в тюрьме Шпандау по приговору Нюрнбергского международного трибунала и категорически отказался дать какие-либо показания.

В 1956 году Дениц вышел на свободу. Но об убийстве Епсена вспомнили только осенью 1965 года в связи

с делом Рогге. Вспомнили крайне неохотно, лишь по настоянию семьи Епсена, требовавшей его посмертной реабилитации, и ряда газет. Шлезвигское министерство юстиции заявило, что никаких документов, кроме копии приговора, якобы не сохранилось, а без них ничего установить нельзя. Уже в начале ноября 1965 года новый фленсбургский обер-прокурор Фроберг официально прекратил следствие против Деница с мотивировкой, аналогичной той, которая была пущена в ход, чтобы выручить Рогге: отсутствуют, дескать, «низменные побуждения», стало быть, факта убийства не было.

Впрочем, даже вынесение судом обвинительного приговора гитлеровцу не означает еще в Шлезвиг-Гольштейне, что осужденный действительно будет отбывать наказание. Пример тому — история осуждения и помилования богатого помещика барона Франца фон Руффина.

12 апреля 1945 г. фон Руффин, командовавший тогда в чине майора эсэсовским егерским полком, приказал расстрелять на месте, даже без военно-полевого суда, фельдфебеля Клюгеля за то, что тот ночью без приказа отошел со своим взводом на 250 метров. Перед смертью Клюгель обозвал фон Руффина величайшей и грязнейшей свиньей и попросил товарищей отомстить за него. Один из них сообщил после войны родителям Клюгеля об обстоятельствах гибели их сына. Те в 1957 году обратились в любекский суд. Сперва судебные чины вообще отклонили их жалобу, но через три года, в августе 1960 года, суд над фон Руффином все-таки состоялся и, хотя прокурор отказался от обвинения, присяжные тем не менее приговорили убийцу... к 18 месяцам тюрьмы.

Тогда начался второй этап судебной волокиты: даже такой мягкий приговор был обжалован, а когда и это не помогло, фон Руффину в 1963 году дали отсрочку в отбытии наказания «для организации уборки урожая в его поместье». Но влиятельные покровители помещика во главе с принцем Фердинандом Шлезвиг-Гольштейнским-Зонденбургским-Глюксбургским стали ходатайствовать

о его «помиловании». А министр юстиции Леверенц, ссылаясь на необходимость рассмотреть это ходатайство, тем временем не спешил с выполнением приговора.

Но тут произошла осечка: Леверенц заболел, и замещавший его министр финансов, видимо, недостаточно знакомый с практикой шлезвиг-гольштейнской юстиции, внял протестам общественности и в сентябре 1964 года отправил, наконец, фон Руффина в тюрьму.

Барон просидел там, однако, не восемнадцать, а всего-навсего пять месяцев: Леверенц, выздоровев, в начале марта 1965 года «помиловал» фон Руффина, выпустил его из тюрьмы и дело закрыл. Напрасно газеты напоминали, что помиловать осужденного и выпустить его досрочно закон разрешает только после того, как он отсидит не менее двух третей срока наказания, то есть в данном случае год. Протесты эти Леверенц игнорировал.

Дело фон Руффина кажется, однако, пустяком, если его сравнить с делом одного из самых кровавых гитлеровских злодеев — бывшего группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции Рейнефарта.

В августе 1944 года он руководил зверским истреблением жителей Варшавы, приводя в исполнение чудовищный приказ Гимmlера о поголовном расстреле варшавян. Страшные преступления его давно известны. Кинорежиссеры из ГДР супруги Торндайк даже поставили документальный фильм о Рейнефарте и его злодеяниях. Тем не менее этот военный преступник долгое время, вплоть до осени 1961 года, состоял депутатом шлезвиг-гольштейнского ландтага. С 1951 по 1963 год он был бессменным бургомистром курортного города Вестерланд на острове Зильт.

Вестерланд находится в районе деятельности все той же фленсбургской прокуратуры. В эту прокуратуру поступали все материалы о преступлениях Рейнефарта и требования привлечь его к ответственности.

Но фленсбургские юристы были верны себе. Вынужденные начать следствие против Рейнефарта, осенью 1958 года они прекратили его, поверив эсэсовцу на слово, что он вообще не был в Варшаве во время массовых расстрелов, и объявив все документы и свидетельские показания «коммунистическими фальшивками».

Но материалы, разоблачающие Рейнефарта, продолжали непрерывно поступать. Как сообщали западногер-

манские газеты, в прокуратуре скопились целые горы документов по делу Рейнефарта. А дело осталось без движения.

В 1962 году одно из военных издательств ФРГ выпустило документальное исследование западногерманского военного историка Краннгальса о варшавском восстании 1944 года. Из него явствует, что именно Рейнефарт был специально послан со своей полицейской бригадой для выполнения чудовищного приказа Гимmlера. Эта бригада в первую очередь занималась массовыми расстрелами; сохранилась запись, свидетельствующая о том, что именно Рейнефарт отдал приказ об уничтожении всех жителей Варшавы, включая женщин и детей. Есть запись одного из его телефонных разговоров, в ходе которого он докладывает командующему армией об истреблении десяти тысяч поляков. Существует даже фотоснимок, сделанный английским летчиком. На нем видны командный пункт Рейнефарта и неподалеку от него горы горящих трупов. По показаниям польских свидетелей, в этом месте только за один день 5 августа было расстреляно 17 200 жителей Варшавы — мужчин, женщин, детей.

Только после получения материалов, явившихся результатом этих исследований Краннгальса, фленсбургская прокуратура объявила, что возобновляет следствие. Но это были пустые слова.

Прошли годы, а Рейнефарта никто не тревожит; дальше заверения о том, что следствие «возобновлено», фленсбургская прокуратура не пошла.

Главу о шлезвиг-гольштейнской юстиции нетрудно было бы увеличить вдвое и больше, приводя все новые факты, упоминая все новые имена гитлеровских преступников, которых их единомышленники в органах суда и прокуратуры укрывают от заслуженного наказания.

Можно было бы, например, рассказать еще об одном профессоре-убийце. Вернер Катель специализировался на организации убийств маленьких детей. Он «усыплял»

их навеки. Хотя преступления Кателя стали известны еще в 1948 году, это не помешало ему на протяжении долгих лет заведовать кафедрой педиатрии Кильского университета и руководить там университетской детской клиникой. Он ушел на пенсию по возрасту и по сей день занимается медицинской практикой. Этот господин чувствует себя настолько уверенно, что, неоднократно выступая в печати, пытался теоретически «обосновать» допустимость «эутаназии». Он даже написал на эту тему в 1962 году «научную» работу.

Словом, примеров можно привести много. Но и без того очевидно, что в Шлезвиг-Гольштейне речь идет не об отдельных лицах, а о налаженной системе покровительства военным преступникам. Эта система работает почти бесперебойно и по сей день. Если изредка и случаются осечки и срывы, то их быстро устраняют дружными усилиями, в которых участвуют не только юристы, но и правительственные инстанции.

Мы так подробно рассказали о деятельности юстиции этой земли отнюдь не в силу ее исключительности. Напротив, если кое-где, например в прокуратуре земли Гессен, стиль работы иной, и там добросовестно подходят к разбору дел нацистских преступников, то именно такой подход представляет собой скорее исключение.

В Шлезвиг-Гольштейне же покровительство военным преступникам осуществляется наиболее последовательно. Но значение столь опасного явления выходит за пределы одной этой земли. В большинстве земель Западной Германии происходит, по сути дела, то же самое.

Палачи из Освенцима

Проклятое это место известно всему миру. Освенцим был самым большим из сотен гитлеровских концентрационных лагерей. Там погибло свыше четырех миллионов людей многих национальностей, граждан 23 стран Европы.

Людей травили ядовитыми газами, расстреливали, живо сжигали, пытали, пока не наступала смерть, вонзали в сердце шприц со смертоносным фенолом, вешали,

топили, морили голодом, голых обливали на морозе водой, превращая в ледяные столбы; младенцам на глазах у матерей разбивали головы о каменную стену, топтали их коваными сапогами. Палачи изобрели даже собственный профессиональный жаргон. Например, больных, изможденных голодом, превратившихся в полуживых скелетов заключенных называли «мусульманами»; придумали «охоту на зайцев»: у заключенного сбивали с головы фуражку, а когда он, наклонялся, чтобы поднять ее, всаживали в затылок пулю. Круглые сутки дымились, распространяя зловоние, крематории гигантской фабрики смерти. Освенцим стал страшным олицетворением фашистских преступлений.

После войны появилась литература об Освенциме на польском, русском, чешском, сербско-хорватском, немецком, французском, английском и других языках; о нем повествуют кинофильмы, вспоминают в своих мемуарах уцелевшие заключенные. Сам освенцимский лагерь превращен в музей.

На Нюрнбергском процессе главных военных преступников Международный военный трибунал уделил особое внимание этому лагерю смерти. Суд допросил первого коменданта Освенцима Рудольфа Гесса. Среди основных документов обвинения фигурировало обстоятельное сообщение об Освенциме Советской Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

Рудольф Гесс был выдан Польше. 2 апреля 1947 г. польский суд приговорил его к смертной казни. Гесс был повешен в Освенциме, на месте своих злодеяний. Вслед за тем в Кракове состоялся суд над преемником Гесса Артуром Либегеншелем и 39 другими эсэсовцами и гестаповцами из Освенцима. По приговору, вынесенному 22 декабря 1947 г., 23 бандита были казнены, 16 приговорены к каторжным работам, один оправдан.

В том же году американский военный трибунал в Нюрнберге судил «фюреров» главного хозяйственного и административного управления СС. Это управление руководило всеми концлагерями, в том числе и Освенцимом. Начальник его Освальд Поль и трое других подсудимых были приговорены к смертной казни, остальные 11 обвиняемых — к каторжным работам.

Несколькими десятками убийц, осужденных на этих процессах, круг освенцимских преступников, конечно, далеко не ограничивается. Если жертв было четыре миллиона, то палачей — не менее шести тысяч. Часть их погибла во время крушения «третьей империи», другие поумирали за истекшие годы, третьи бежали за границу, главным образом в Южную Америку. В наши дни, по подсчетам западногерманской печати, более двух тысяч из них живут в Федеративной Республике Германии.

Тем не менее первый в Федеративной Республике процесс по делу палачей из Освенцима начался только 20 декабря 1963 г. во Франкфурте-на-Майне.

Чем объяснить, что западногерманская юстиция с таким многолетним опозданием занялась двумя десятками из двух тысяч убийц, преступления которых так хорошо известны во всем мире?

Вот как попыталась в первый день процесса ответить на этот вопрос швейцарская буржуазная газета «Нойе цюрихер цайтунг»: «После процессов военных преступников, которые суды союзных держав провели в первые годы после окончания войны, в течение ряда лет ничего не предпринималось; разве что начинали следствие в отношении отдельных эсэсовцев, хорошо известных своей исключительной садистской свирепостью. И чаще всего зависело от случая, попадали ли эсэсовские палачи на скамью подсудимых или нет».

Утверждение это в общем правильно. После того как по Парижским соглашениям 1954 года западные державы отказались от всякого дальнейшего судопроизводства на территории ФРГ, за исключением дел их собственных военнослужащих, входящих в компетенцию военных судов, западногерманские суды сами крайне неохотно брались за расследование преступлений гитлеровцев, особенно если они были совершены за пределами Германии.

Органы прокуратуры начинали расследование лишь в тех случаях, когда этого настойчиво требовали организации бывших заключенных гитлеровских концлагерей, лица, пострадавшие при фашизме, или отдельные антифашисты, подкрепляя свои заявления точными данными. К чему это зачастую приводило, мы видели на примерах злоключений доктора Гертериха или нашумевшего дела Хейде.

Явная пассивность юстиции, а во многих случаях и прямое покровительство, оказываемое гитлеровским преступникам, стали вызывать негодование и протесты со стороны антифашистски настроенной части общественности и прессы ФРГ. Весьма неприятный для Западной Германии резонанс такая позиция судебных органов получила и за границей. Критика становилась все более настойчивой, в особенности после того, как в Германской Демократической Республике начали систематически публиковать и направлять в ФРГ документальные материалы, разоблачающие многих благоденствующих там нацистских бандитов.

В Бонне зачастую отказывались принимать разоблачительные материалы, поступавшие из ГДР и других социалистических стран. Все же в декабре 1958 года в ФРГ было создано Центральное ведомство по расследованию национал-социалистических преступлений. Для характеристики этого ведомства, достаточно сказать, что его бывший руководитель Эрвин Шюле сам был не так давно разоблачен как военный преступник, судимый в свое время в Советском Союзе. Мы не будем подробно останавливаться на этом случае, так как он достаточно широко освещался в советской печати.

В частности, и Освенцимский процесс состоялся отнюдь не по инициативе этого ведомства, хотя материалы для него, так сказать, лежали на поверхности. Следствие началось в результате случайного стечения обстоятельств. Вот как это произошло.

Один из оставшихся в живых немецких заключенных Освенцима, Эмиль Вулкан, пробираясь из концлагеря домой попал 8 мая 1945 г. в освобожденный за три дня до того Советской Армией город Вроцлав (тогда Бреслау). Около догоравшего здания эсэсовского суда Вулкан подобрал и унес с собой толстую папку с бумагами. Впоследствии ему, как и большинству других бывших узников фашизма, долгое время не удавалось получить в Федеративной Республике Германии причитающуюся по закону компенсацию. Измученный судебной волокитой, Вулкан обратился за помощью к франкфуртскому журналисту Гнелке. В разговоре с ним он упомянул о папке, найденной им в Бреслау и хранившейся у него уже 13 лет. Гнелка попросил показать ее. Оказалось, что в папке содержались составленные с педантической

аккуратностью списки людей, расстрелянных в Освенциме, с подписями составлявших эти списки палачей. Гнелка передал списки в редакцию газеты «Франкфуртер рундшау», а та вручила их генеральному прокурору Гессена Фрицу Бауэру, который немедленно начал следствие, поручив его трем молодым прокурорам.

Разыскать преступников было в общем не очень трудно. Все они, или почти все, жили в ФРГ не таясь, под собственными фамилиями. Следователи сообщили впоследствии журналистам, что они сразу отсеивали из круга подозреваемых рядовых солдат-эсэсовцев из охраны лагеря и привлекали к ответственности только тех, чья вина казалась им очевидной.

В результате на скамье подсудимых оказалось только 22 человека.

Следствие продолжалось около пяти лет. О нем неоднократно сообщали в печати, из-за границы поступали разоблачительные документы. Многие из бывших узников Освенцима изъявили желание выступить в качестве свидетелей обвинения. От их имени были выдвинуты частные обвинители — крупные юристы, один из ФРГ — Ормонд, другой из ГДР — профессор Кауль.

Материалы дела в окончательном виде содержали до 17 тысяч страниц протоколов допросов свидетелей и обвиняемых и 4 тысячи документов — официальных списков казненных, рисунков и записей, сделанных заключенными, телеграмм коменданта лагеря, требований на склад о выдаче фенола для смертельных впрыскиваний, путевок шоферам с распоряжением «забрать трупы казненных» и других «деловых бумаг».

К процессу готовилась не только прокуратура, но и обвиняемые. В Западной Германии услуги квалифицированного адвоката стоят недешево, а большинство обвиняемых были людьми небогатыми. Тем не менее откуда-то нашлись средства для оплаты 18 адвокатов, многие из которых пользуются широкой известностью.

Вообще защита военных преступников в ФРГ организована великолепно. Некоторые высококвалифицированные юристы избрали ее своей специальностью и составили себе на этом немалое состояние и громкое имя. Особенно знаменит адвокат Ганс Латернзер. Впервые он приобрел известность своим наглым поведением еще на Нюрнбергском процессе главных военных преступников,

где выступал в роли защитника гитлеровского генерального штаба и верховного командования вермахта.

Потом Латернзер стал участвовать в других процессах военных преступников, все больше преуспевая на этом поприще. Занимается он и литературной деятельностью. Из-под его пера вышло много статей и две книги, в которых он выступает в защиту военных преступников, объявляя все процессы по их делам неправомерными, а их самих — невинными жертвами произвола победителей.

На Франкфуртском процессе Латернзер фактически возглавил всю защиту и начал атаку еще задолго до первого заседания. После того как были отклонены различные его протесты, направленные на срыв процесса, он заявил отвод президенту франкфуртской судебной палаты Форестеру на том основании, что среди его родственников есть лица, пострадавшие при гитлеровском режиме. Правая печать немедленно поддержала Латернзера, и Форестеру пришлось отказаться председательствовать на процессе. Место его занял председатель земельного суда Ганс Гофмейер.

Наконец, 20 декабря 1963 г., после долгих проволочек, процесс начался. Печать заранее много писала о нем, и на открытие собралось более двухсот журналистов, фоторепортеров и операторов телевидения.

Поскольку помещение франкфуртской судебной палаты сочли слишком тесным, для процесса был отведен зал заседаний «Рэмэра» — старинной городской ратуши. Зал этот довольно вместителен, но мало пригоден для таких целей. Скамьи для подсудимых не было. Их усадили на мягких, обитых бархатом креслах депутатов городского собрания, лицом к судьям и присяжным заседателям и рядом с адвокатами. Тут же, чуть ли не вплотную с подсудимыми, разместили журналистов, за ними — публику, в проходах сгрудились фоторепортеры.

Все подсудимые, за исключением одного, были офицерами или унтер-офицерами СС. Чем занимались они, какие функции выполняли в Освенциме?

Мулка и Хэкер состояли, сначала первый, за ним второй, адъютантами коменданта лагеря. В германской армии адъютанты обладали довольно широкими правами и обязанностями. А в концлагере, где не полагалось штаба, адъютант был правой рукой коменданта.

Богер, Брод, Дилевски и Шоберт служили в так называемом политическом отделении — лагерном гестапо.

Лукас, Франк и Шац были врачами, Капезиус заведовал лагерной аптекой. Но на фабрике смерти все обычные понятия смешались. Эсэсовцы с дипломами врачей не утруждали себя лечением заключенных, да это от них и не требовалось. Они отправляли в газовые камеры тяжело заболевших и вконец истощенных от голода узников, они участвовали в «селекциях», то-есть сортировке вновь прибывших — направо на работу, налево — сразу «на газ», на смерть.

Клер, Нойберт, Хантль, Шерпе числились санитарями. Однако и их профессия не соответствовала привычному значению этого слова. Клер, например, убил тысячи людей впрыскиваниями фенола в область сердца, причем зачастую отбирал жертв по собственному усмотрению. Подобные же функции выполняли и остальные «санитары».

За скромными наименованиями должностей других подсудимых также скрывалось страшное содержание. «Раппортфюрер», то-есть составитель донесений, Кадук оказался одним из самых чудовищных, даже по масштабам Освенцима, садистов.

Убийцей был и «блокфюрер» (начальник блока) Барецки. Однажды он ударами плети погнал заключенного на заряженную током высокой напряженности лагерную ограду из колючей проволоки и наблюдал за его агонией. В другой раз, заметив, что при выгрузке из прибывшего эшелона у одной из женщин тут же на перроне начались роды, он застрелил мать, а новорожденного швырял ногами, как футбольный мяч.

Так что, каковы бы ни были должности остальных подсудимых: надзирателя за арестованными Шторка, просто надзирателя Шлаге, начальника лагеря для «взятых под охрану заключенных» Гофмана, кладовщика вещевого склада Брейтвизера, все они в той или иной форме принимали участие в истязаниях, издевательствах, убийствах.

Не составлял исключения и единственный подсудимый неэсэовец — Беднарек. Он числился «функциональным заключенным», то-есть заключенным, выполнявшим определенные обязанности, в данном случае обязанности «капо» — надзирателя. Подобно многим

другим «выдвиженцам», которых лагерное начальство подбирало из числа заключенных-уголовников, Беднарек своей кровожадностью и садизмом ничем не отличался от самых беспощадных эсэсовцев.

Если бы не полицейские, которые сидели рядом с подсудимыми, содержащимися под стражей, зал, по словам одного из журналистов, больше напоминал бы пресс-конференцию, чем судебное заседание.

Многие корреспонденты, особенно иностранцы, удивлялись отсутствию скамьи подсудимых, а главное тому, что из двадцати двух подсудимых только десятерых доставили из тюрьмы. Остальные же приехали — некоторые на собственных автомашинах — в суд с таким видом, словно они не преступники, а скучающие зрители. Подсудимый доктор Лукас вовсе не явился, прислав записку, что нездоров.

Орган западногерманских профсоюзов «Вельт дер арбайт» резонно спрашивал, почему женщину, заподозренную в убийстве любовника, держали до суда в течение двух лет в тюрьме, а эсэсовца, зверски умертвившего сотни людей, оставляют на свободе под залог 50 тысяч марок. Не потому ли, что в западногерманском государстве к гитлеровским преступникам склонны относиться с величайшей снисходительностью?

Вот как отозвалась на пресс-конференции об обстановке Франкфуртского процесса госпожа Алкан — генеральный секретарь Объединения бывших французских узников Освенцима:

«Вся атмосфера этого суда возмущает меня. И не только меня одну. Мы, пережившие нацистское варварство, ведь сами в свое время столкнулись с судом или с тем, что нацисты именовали судом. Конечно, методы, к которым тогда прибегали по отношению к обвиняемым — противникам нацистского режима, не годятся для правового государства. Но то, как нацистские преступники совершенно свободно, смеясь, прохаживаются в кулуарах суда среди журналистов, адвокатов и своих бывших жертв, не может не удивлять. Приветливый тон по отношению к подсудимым на этом Освенцимском процессе, эта забота о них во время заседаний мне попросту непонятны. Прокуроры, представители частного обвинения, защитники обязаны вставать, когда хотят что-то сказать или задать вопрос, а «господа» подсудимые дают пока-

зання или отвечают на вопросы в большинстве случаев сидя.

Я наблюдала, как один из прокуроров поднялся и потребовал, чтобы подсудимые во время заседания не читали газет, не сосали конфет и не начинали нахально смеяться каждый раз, когда один из них в наглом тоне отказывался отвечать на вопрос частного обвинителя, представляющего миллионы жертв Освенцима.

Терпение, проявляемое судом по отношению к постоянным помехам, создаваемым некоторыми защитниками во главе с Латернзером, иногда прямо-таки вызывает раздражение...»

И все же, несмотря на такую атмосферу, освенцимское дело не принадлежало к числу тех многочисленных западногерманских процессов, в ходе которых суд заранее становился на сторону подсудимых, вместе с адвокатами всячески помогал им и вытаскивал из беды, превращая судебные заседания в постыдный фарс.

Нет, судья Гофмейер вел дело с формальной точки зрения достаточно аккуратно и добросовестно. Но по своему существу процесс с самого начала не соответствовал масштабам тех массовых преступлений, в которых обвинялись подсудимые. Западногерманская Фемида, как всегда на подобных процессах, отказалась рассматривать это дело как единый комплекс массовых планомерно совершавшихся преступлений. Официально оно называлось даже не Освенцимским процессом, а «делом Мулки и других» — по имени главного подсудимого, бывшего адъютанта Рудольфа Гесса. Это означает, что с юридической точки зрения оно было зачислено в разряд обычных уголовных дел.

Заняв такую позицию, суд максимально сузил рамки процесса. Срывалась любая попытка обвинения привлечь к ответственности и тех, кто стоял за спиной убийц, кто руководил ими или находился в числе их фактических соучастников. Особенно энергично суд отводил любые свидетельства и документы, говорившие о том, что некоторые концерны, в первую очередь ИГ Фарбен-индустри, беспощадно эксплуатировали рабский труд узников, обрекая многие тысячи их на гибель.

У нас нет и не может быть «показательных процессов», у нас не существует «политической юстиции», у нас правовое государство, неустанно твердила буржуазная

печать и повторял председатель суда. Гофмейер больше всего боялся внести в процесс какую бы то ни было «политику». Для него это было обычное уголовное дело, которое рассматривалось в соответствии с обычными уголовно-процессуальными нормами.

И надо сказать, что такой подход вполне одобряла даже та часть западногерманской печати, которая, вообще говоря, настроена против нацистов и требует судебного преследования их. Взять хотя бы гамбургский еженедельник «Цайт», известный своими либеральными взглядами. В корреспонденции из зала суда, опубликованной 8 мая 1964 г., «Цайт» хвалил Гофмейера за то, что он «человек основательный и добросовестный по отношению к каждому, независимо от того, кто он — карманный вор или массовый убийца».

Вот именно: Гофмейер, как, впрочем, и все другие западногерманские судьи на подобных процессах, подходил к делу так, как если бы разбиралась всего лишь карманная кража.

Буржуазные комментаторы признают, что «доброе старое» уголовное законодательство не предусматривало таких чудовищных преступлений и что к ним с обычной меркой подходить нельзя. Но ничего не поделаешь — закон есть закон. И, поскольку новых законов нет, надо руководствоваться прежними.

При этом они сознательно и последовательно игнорируют международноправовые акты: Устав Нюрнбергского трибунала, который был специально выработан для таких дел, как освенцимское, резолюции Организации Объединенных Наций об ответственности за военные преступления и другие акты.

Вот и на Франкфуртском процессе разбиралось не дело группы военных преступников, виновных в массовом истреблении десятков и сотен тысяч людей в фашистском лагере смерти, а просто «уголовное дело Мулки и других». Впрочем, правосудие ФРГ вообще не признает понятия военных преступлений. В лучшем случае западногерманские юристы говорят, что военных преступников судили союзные оккупационные державы на основании выработанных ими самими норм, судили до тех пор, пока считали это необходимым. А когда они перестали проводить процессы военных преступников и впоследствии передали на основе Парижских соглашений

1954 года все правосудие в ведение юстиции Федеративной Республики, восстановилась «нормальная» ситуация. И западногерманские суды судят по праву ФРГ, которое никаких военных преступлений не знает.

Однако на Франкфуртском, как и на других процессах, судьи не пожелали использовать даже ту возможность, которую им предоставляло уголовное право ФРГ. В нем, конечно, существует понятие преступного сговора («комплот»), то есть совместных преступных действий группы лиц, заранее сговорившихся между собой. Наличие такого сговора рассматривается как отягчающее вину обстоятельство, причем разбирается все преступление в целом, конечно с учетом индивидуальной вины каждого из подсудимых.

Но суд не пошел по этому пути, а прибег к весьма выгодному для большинства подсудимых методу: он разбирал преступления каждого подсудимого совершенно изолированно от других, словно эти люди не были членами одного и того же преступного сообщества, а действовали в одиночку.

Исходя из обычных уголовно-процессуальных норм, судьи пытались с абсолютной точностью установить, когда именно, в какой день и час, где и при каких обстоятельствах данный подсудимый совершил то или иное убийство и какими мотивами он при этом руководствовался.

Между тем совершенно очевидно, что в условиях лагеря смерти, где заключенный мог уцелеть только благодаря счастливому стечению обстоятельств, восстановить такие факты, притом через 20 лет, исключительно трудно, почти невозможно. Тем более что подсудимые упорно отпирались, а адвокаты использовали всякую лазейку и организовали в полном смысле слова травлю свидетелей обвинения.

Защитник то и дело допытывался у свидетелей:

«Вы сказали «и тогда подсудимый застрелил женщину». Ответьте, из чего он стрелял? Как он стрелял? Сколько было выстрелов? Куда попали пули? Сразу ли женщина скончалась или не сразу? На каком расстоянии вы стояли?».

Свидетель чаще всего терялся, задумывался, силился вспомнить, сбивался — ведь прошло 20 лет. Другие отвечали:

— Если бы вы побывали в Освенциме, вы бы знали, что смотреть на это было запрещено...

— Ах, так, — перебивал адвокат, — стало быть, свидетель сам признает, что не мог точно видеть то, что показывает на суде...

Подобные сцены повторялись чуть ли не при каждом допросе.

Позиция, занятая судом, привела к тому, что процесс невероятно затянулся. А главное, она с самого начала до крайности осложнила и затруднила работу обвинения. Прокурорам и частным обвинителям приходилось вникать в мельчайшие детали, выдвигать все новых свидетелей, представлять все новые документы. Работа частных обвинителей затруднялась и тем, что по наущению адвокатов многие подсудимые попросту отказывались отвечать на их вопросы.

Создалась парадоксальная ситуация: разбирались чудовищные преступления; на скамье подсудимых оказались бандиты, по сравнению с которыми профессиональные гангстеры-убийцы кажутся малыми детьми, вина подсудимых очевидна, о ней знает весь мир, ее подтверждают сотни документов, сотни свидетелей. Тем не менее процесс велся так, что газете «Штутгартер цайтунг» пришлось однажды констатировать: «Обвинению было труднее, чем защите».

И действительно, если судья упорно подчеркивал, что он далек от всякой политики, хотя и не отрицал, что преступления «Мулки и других» выходят за рамки нормальных человеческих представлений, то защита заняла иную позицию. Полностью используя преимущества, которые ей дал избранный судом метод ведения дела, стремясь абсолютно точных, до мельчайших деталей, доказательств каждого отдельного преступного акта, адвокаты в то же время непрерывно прибегали к политическим аргументам, позаимствованным из арсенала неонацистской пропаганды.

На первом же судебном заседании, едва только судья Гофмейер объявил о начале процесса, адвокат Латернзер поднялся со своего места и потребовал удалить частного обвинителя профессора Кауля. Латернзер мотивировал это тем, что Карл Фридрих Кауль, как член Социалистической единой партии Германии, не может считаться независимым юристом, так как обязан выпол-

нять указания своей партии. К тому же полномочия его якобы не в порядке.

Защищая одного из подсудимых — Капезиуса, Латернзер «осудил» союзные державы. Они, дескать, не обеспечили восстановления правосудия в Германии, а преследовали иные, политические цели. А если это так, то суду нечего заниматься «преодолением прошлого» и нечего опасаться того, что «внутренняя и иностранная пропаганда может обрушиться на суд».

Латернзер пускал в ход и совсем низкие методы. Он потребовал, чтобы суд игнорировал выступления частного обвинителя Ормонда, поскольку им якобы руководят «ненависть и лихорадка возмездия», так как Ормонд — еврей.

А в одной из своих речей Латернзер договорился до того, что назвал Освенцимский процесс «кощунственным».

Прибегали защитники и к юридическому крючкотворству. Федеративная Республика Германии, заявляли они, является правопреемницей Третьей империи. А раз так, то франкфуртский суд не правомочен судить обвиняемых за их проступки в Освенциме. Они действовали там не как частные лица, а по приказу государственной власти, от имени которой теперь выносит свои решения суд. Тем самым, по утверждению защиты, претендующая на преемственность государственная власть сама устраивает над собой суд.

До какого цинизма доходила защита, видно, пожалуй, лучше всего из тех аргументов, которые пустил в ход Латернзер, когда окончательно выяснилось, что некоторые подсудимые принимали участие в «селекциях» — отборах прибывавших в лагерь заключенных: одних немедленно уничтожали в газовых камерах, других сначала отправляли на работы.

«Ну и что? — заявил адвокат. — Тем самым они спасли много жизней. Ведь Гитлер приказал уничтожать всех без исключения евреев. И если они хоть часть отправляли не в газовые камеры, а на работу, то тем самым они спасали их от немедленного уничтожения, то есть совершали гуманный акт».

Каким извращенным мышлением нужно обладать, чтобы придумать такое «оправдание»! Недаром некоторые журналисты называли Латернзера «адвокатом сатаны»...

Особенно оскорбительные выпады позволяли себе адвокаты по адресу свидетелей, прибывших из социалистических стран. Этим свидетелям, утверждали они, вообще нельзя верить, так как они — люди «несвободные» и ими «руководят извне».

Страшные пытки и издевательства претерпел в Освенциме от Богера и других садистов Стефан Боратынский из Польши. Однажды Боратынского чуть было не отправили на расстрел у «Черной стены». Уцелел он только потому, что в этот день обреченных оказалось слишком много — палачи устали от казней.

Показания его полностью изобличали Богера и других эсэсовцев. Тогда Ганс Латернзер и другие адвокаты попытались дискредитировать Боратынского. Они начали допытываться, в какой гостинице Боратынский остановился, кто еще там живет из лиц, причастных к процессу, не сговаривался ли он с другими свидетелями, не получал ли от кого-либо указаний, что следует говорить на суде.

Этот провокационный допрос вызвал возмущение в публике, а когда он закончился, Боратынский попросил разрешения кое-что добавить к своим показаниям.

«То, что я здесь сейчас пережил, было очень неприятно, — сказал он, — и напомнило мне Освенцим: там достаточно было двум заключенным поговорить между собой, чтобы эсэсовцы сразу же заподозрили заговор...» Так бывший узник оценил обстановку этого «образцового» суда!

Действительно, чего только не предпринимали защитники, чтобы помешать нормальному ходу дела!

В ноябре 1964 года во Франкфурте, неподалеку от места суда, открылась выставка фотографий и документов, полученных из Освенцима, Праги и из других мест и наглядно свидетельствовавших об ужасах лагеря смерти. Выставка эта сразу привлекла тысячи посетителей. Тогда адвокаты Латернзер, Штейнакер и Штольтинг потребовали, чтобы выставку немедленно закрыли. Она якобы «отрицательно воздействует» на общественное мнение и «оказывает давление» на защитников. Адвокаты дошли до того, что потребовали допросить генерального прокурора земли Гессен Бауэра и частных обвинителей на процессе о том, как смели они участвовать в организации выставки.

Выставку закрыть, правда, не удалось. Однако защитники добились, чтобы из числа экспонатов были удалены фотографии подсудимых Богера, Кадука, Лукаса, Мулки и Клера. Упорно возражала защита также против выезда суда на место преступления, то есть в Освенцим, как того потребовали частные обвинители. Выезд все же состоялся в декабре 1964 года. Но даже на территории лагеря смерти, у «Черной стены», в застенках политического отделения, возле рвов, где сжигались трупы, адвокаты упорно отрицали очевидное.

Например, когда судья Гофмейер начал диктовать очередную запись для протокола: «Суд отправляется осматривать ров, где сжигались трупы...», один из адвокатов потребовал исправить текст: «...где якобы сжигались трупы».

А когда директор освенцимского музея профессор Смолень, сорвав траву, показал, что почва здесь перемешана с пеплом сожженных трупов, адвокат Штейнакер заявил: «Я не уверен, пепел ли это. Нужно пригласить специалистов, пусть сделают экспертизу. Если здесь сжигали трупы, то почему не сгорели березки, растущие по краям рва?».

Но березки были посажены позднее, после войны. Однако Штейнакер и это поставил под сомнение. Он потребовал, чтобы эксперты проверили и возраст деревьев...

В качестве главного оправдательного аргумента адвокаты выдвигали пресловутый тезис о «вынужденном выполнении приказаний», который столько раз выручал военных преступников в западногерманских судах. Этот довод очень часто фигурирует на процессах нацистских убийц. Адвокаты и подсудимые обычно уверяют суд, что любой отказ от зверской расправы над беззащитными жертвами привел бы к гибели самого отказавшегося. Соответствуют ли эти заявления действительности?

На суде давал показания по этому поводу крупный американский юрист Майкл Мусманно, член верховного суда штата Пенсильвания. После войны он был главным обвинителем на Нюрнбергском процессе гитлеровских зондеркоманд, истреблявших мирное население на оккупированных территориях Советского Союза и Польши.

Американский юрист перечислил ряд фамилий эсэсовцев, которые отказались выполнять приказания об

убийствах и остались невредимы. Некоторых, правда, отправили на фронт. Этого-то и боялись другие гитлеровцы. Как сказал американский судья, трусливые убийцы знали, что в концентрационном лагере в ответ на свои выстрелы они услышат только предсмертные вопли и стоны женщин и детей, в то время как на фронте раздадутся ответные выстрелы.

Было много и других свидетельств, опровергавших довод о «вынужденном выполнении приказаний». Свидетель инженер Эрнст Мартин просидел в концлагере Маутхаузен с 1941 года до самого освобождения, работая писарем у лагерного врача. Он показал, что некоторые врачи этого лагеря неоднократно отказывались принимать участие в убийствах.

В лагере Ораниенбург организовали специальные «курсы» для санитаров: в течение двух недель их обучали на трупах, как «ликвидировать» узников, вводя им шприц с фенолом в область сердца. На бандитском жаргоне эсэсовцев это называлось «отшприцевать». Но из 80 или 100 санитаров только семеро согласились стать палачами.

Да и о каком «выполнении приказаний» могла идти речь, если такие садисты, как Богер, Барецки, Дилевски, Штарк и другие, по собственной инициативе пытали и убивали первые попавшиеся им под руку жертвы, если эсэсовские врачи и старший санитар Клер отправляли больных людей в газовые камеры и на «отшприцевание» фенолом ради того, чтобы «освободить место» в санчасти!

Ссылались защитники и на такой «юридический» довод, как «отсутствие у подсудимых субъективного сознания вины в момент совершения преступлений».

Словом, адвокаты не брезговали ничем, лишь бы убедить своих клиентов от заслуженной кары. Следует, кстати, отметить, что один из адвокатов, Штольтинг, — сам военный преступник. Польская печать в 1964 году сообщила, что он во время гитлеровской оккупации Польши орудовал там в качестве прокурора особого суда, неизменно требуя для поляков смертных приговоров за самые незначительные проступки. Эти сообщения были опубликованы и некоторыми западногерманскими газетами. После этого президиум Объединения лиц, преследовавшихся при нацизме, предъявил на пресс-конференции

документы, свидетельствующие о преступлениях Штольтинга. Но никто не привлек гитлеровца к ответственности, не заинтересовалась его прошлым и коллегия адвокатов. И до самого конца процесса он с неослабевающим рвением продолжал защищать своих бывших коллег.

Методы, которыми проводился процесс, определили и поведение подсудимых. Хорошо подготовленные опытными адвокатами, они держались уверенно, упорно отрицали все, широко используя также стандартный прием нацистских преступников — в трудные моменты «терять» память...

Тон задал вызванный первым «главный» подсудимый Роберт Мулка. Мулка, бывший адъютант Рудольфа Гесса, — теперь владелец крупной гамбургской экспортной фирмы. В 1960 году его арестовали. Он внес залог в сумме 50 тысяч марок, был выпущен и продолжал как ни в чем не бывало руководить своей фирмой.

Мулка ездил на суд из Гамбурга в комфортабельном купе ночного экспресса. Он аккуратно совершал эту поездку три раза в неделю, пока суд не вынес решения взять его под стражу.

Элегантно одетый немолодой солидный господин в очках обстоятельно, с чувством собственного достоинства изложил свою биографию, стараясь все время играть на «патриотических» чувствах и антикоммунизме.

Для начала он подчеркнул, что еще девятнадцатилетним юношей пошел в 1914 году добровольцем на войну. В 1918 году, когда не стало кайзера, лейтенант Мулка не снял мундира, а последовал призыву тогдашних руководителей армии Гренера и Гинденбурга и вступил в балтийский «ландсвер» — белогвардейские отряды, пытавшиеся отторгнуть Прибалтику от Советской России.

Превознося собственные «заслуги», Мулка хвастливо рассказывал, как «боролся против наступления коммунизма на Запад», как «помогал освободить Ригу от большевиков». Правда, впечатление от этого патриотического повествования было несколько испорчено: судья напом-

лил Мулке, что тот присвоил в Риге 70 тысяч рублей и был за это осужден к 8 месяцам тюрьмы. Отсидев их, впрочем, Мулке не пришлось, но приговор впоследствии все же отразился на его карьере. Когда Гитлер стал создавать свой вермахт, Мулка немедленно вступил в него в чине обер-лейтенанта, но вскоре был изгнан из офицерского корпуса за то, что скрыл судимость.

Пытаясь ослабить впечатление от этого неприятного эпизода, Мулка жаловался: «Я внутренне страдал от того, что германский народ ведет войну, а я остаюсь в стороне, хотя еще в силах оказать ему помощь; поэтому я поступил в СС».

На фронт Мулка, впрочем, не спешил: сперва он пребывал в Дрездене, затем в Берлине, а потом был направлен в Освенцим.

Перейдя к рассказу о службе в Освенциме, Мулка перестал разыгрывать из себя патриота. Он перешел на роль простака, который, прослужив два года в СС, якобы даже не знал, чем там занимаются. «В январе 1942 года я не имел представления, что такое Освенцим. О том, что это концлагерь, я узнал, лишь когда явился к Гессу», — уверял Мулка судей.

Более того, эсэсовец был шокирован, когда увидел, что заключенные ходят в полосатых робах. И вообще ему не понравился «весь тон разговоров старых эсэсовцев из полка «Мертвая голова», которые несли там карательную службу».

Он «ничего не видел, ни о чем не докладывал, ничего не приказывал», — продолжал нагло лгать Мулка.

Видимо, оценив подобное «простодушие», уже через три месяца его назначил своим адъютантом комендант лагеря Рудольф Гесс, тот самый Гесс, который впоследствии, ожидая суда и зная, что ему не избежать виселицы, откровенно писал в своей автобиографии:

«Я командовал в Освенциме до 31 декабря 1943 года и считаю, что за это время там с помощью газа и путем сожжения было казнено и уничтожено не менее двух с половиной миллионов человек; еще минимум полмиллиона погибли от голода и болезней».

А адъютант его, Мулка, ничего об этом не знал, ни к чему не был причастен и упорно утверждал на суде, что сам он «никогда не заходил ни в одну газовую камеру и вообще не имел к ним ни малейшего отношения».

Когда речь зашла о филнале Освенцима — лагере смерти Биркенау, все узники которого подлежали уничтожению, Мулка заявил, не моргнув глазом: «Это был лагерь для перевоспитания, ведь существуют же враги государства».

А когда судья Гофмейер прямо спросил его: «Ну, а виселицы?» — Мулка сделал вид, что не понял вопроса.

Один из свидетелей показал, что заключенные содержались в чудовищных условиях: в бывшую конюшню, рассчитанную на 52 лошади, помещали 700 и больше человек. Люди умирали там сотнями.

Когда Гофмейер спросил Мулку, почему он как адъютант не принял никаких мер в связи с этим, тот ответил: «Ко мне жалоб не поступало!».

— Чем же все-таки занимался господин адъютант? — поинтересовался судья.

— Культурным обслуживанием гарнизона, — ответил Мулка и пояснил, что в Освенциме ежедневно устраивались концерты и спектакли и играл «превосходный лагерный оркестр»...

Мулка якобы не знал о том, что оркестр из заключенных существовал не только для увеселения лагерного начальства, но и для других целей.

Когда, например, ловили бежавшего узника, ему вешали на грудь дощечку с надписью «Ура! Я снова здесь» и ставили на тележку, которую тащили к виселице через весь лагерь несколько заключенных. А «превосходный оркестр» шел впереди страшного шествия и играл нежный романс «Вернись!»...

Как ни запирался Мулка, все же свидетели обвинения доказали, что он принимал личное участие в «селекциях» и совершал другие преступления. Тогда, наконец, его взяли под стражу.

Убедившись, что суд терпеливо выслушивал самую явную ложь Мулки, остальные подсудимые при помощи защитников стали придерживаться той же тактики.

После Мулки допрашивали его преемника Карла Хэкера, который был адъютантом последнего коменданта Освенцима — Бэра и одновременно командовал караульной ротой.

Хэкер отпирался не менее упорно, чем Мулка. Он утверждал, что «заключенных в Освенциме ни в коем случае не убивали».

Гофмейер напомнил ему, что он был правой рукой Бэра.

— Только фиктивно, — спокойно ответил Хэкер.

— А командиром роты?

— Только на бумаге.

Уверял он также, что не читал никаких телеграфных распоряжений, не отдавал никаких приказов, ничего не подписывал, не оформлял никаких документов.

— Что ж, ваши коменданты, видимо, очень заботились о спокойствии своих адъютантов? — иронически спросил судья.

— Так точно, — не моргнув глазом ответил Хэкер.

Не менее нагло лгал и подсудимый, которому, казалось бы, терять нечего: хауптштурмфюрера СС Франца Гофмана еще американский военный суд приговорил к пожизненному заключению за убийства заключенных в концлагере Дахау.

В Освенциме Гофман специализировался на истреблении цыган. А на суде матерый убийца елейным тоном повествовал о том, как он устроил для цыганских детей площадку «с песочком, чтобы малыши могли поиграть»:

— Разрешите, господин председатель, я покажу, где была площадка.

Гофмейер разрешил, и Гофман ткнул пальцем в то место на плане лагеря, где помещались «милые цыганские детки». Так же умильно сообщал он, что проводил с цыганами спортивные занятия:

— Мы занимались вольными движениями, господин председатель.

Председатель суда возразил:

— Господин Гофман, здесь нет ни одного человека, который мог бы вам поверить. То, что там происходило, было штрафной муштровкой.

— Нет, только движения на вольном воздухе, — и Гофман залился слезами, словно школьник, которого незаслуженно обидела строгая учительница.

Слезы все-таки не помогли.

— Куда делись 50 цыганских детей, которые помещались в основном лагере? — спросил судья.

— Я уже позабыл...

Но в лагерных документах около каждой фамилии стояла пометка: «Б/II Ф». Председатель спросил, что это означает. И Гофману пришлось разъяснить:

— Биркенау, цвайте фойерштелле (второй крематорий)...

Еще один подсудимый, Артур Брейтвизер, который сам признал, что был «начальником» над ядовитым газом «циклон-Б», утверждал на суде: «Я обрабатывал газом только одежду, чтобы дезинфицировать ее».

А лагерный аптекарь Виктор Капезиус, производивший зверские «эксперименты» над заключенными и занимавшийся «селекциями», уверял: «Когда меня видели заключенные, они рыдали от радости и бросались мне на шею».

О Капезиусе стоит рассказать несколько подробнее. Сын врача, немец из Румынии, окончивший в 1931 году венский фармацевтический институт, он стал вскоре владельцем аптеки, одним из коммерческих агентов «ИГ Фарбениндустри» в Румынии, быстро разбогател, купил дом в Бухаресте. Его знали как образованного, обходительного человека, энергичного дельца и доброго отца семейства. Жена Капезиуса была наполовину еврейка, и среди клиентов и знакомых его было много евреев. Как человек с высшим образованием, он числился офицером запаса. Когда началась война, его призвали в армию и назначили заведовать аптекой военного госпиталя.

В 1943 году Гитлер подписал с Антонеску новый договор, предусматривавший, в частности, что румынские немцы могут при желании вступать в германскую армию; Капезиус немедленно перешел в СС, получил звание капитана, затем майора. В декабре того же года его направили в Освенцим на должность начальника аптеки.

Там он сразу энергично взялся за «дело» и вместе с другими врачами участвовал в «селекциях»: направо — на работу, налево — на смерть. При этом ему не раз встречались и старые знакомые — румынские евреи.

Вот что показал на суде свидетель Иозеф Глюк. До войны он был владельцем небольшой текстильной фабрики в Клуже, клиентом и близким знакомым Капезиуса, через которого закупал красители. В мае 1944 года Глюка арестовали и вместе с женой, двумя маленькими детьми, семидесятилетней матерью и другими родственниками отправили в Освенцим.

«Когда нас выгрузили на перрон, все должны были промаршировать перед эсэсовским офицером, — вспо-

минал он на суде. — Тот показывал, кому становиться направо, а кому налево. К моему великому удивлению эсэсовский офицер оказался моим знакомым. Это был доктор Капезиус. Когда я проходил мимо Капезиуса, со мной вместе были господа Шул и Эренфельд. Они тоже были с ним знакомы. Все трое мы сразу узнали его на перроне. Сперва мы подумали, что нам повезло.

Первым к Капезиусу подошел Шул. Капезиус спросил его: «Вы хотите работать?». Шул сказал, что слишком стар для работы. Тогда Капезиус показал пальцем налево. После Шула подошел Эренфельд. Капезиус обратился к нему по-венгерски: «А, вы тоже здесь? Хотите работать?». Эренфельд ответил утвердительно, и Капезиус послал его направо. Меня он тоже спросил по-венгерски: «Хотите работать?». Я ответил: «Да!». Он больше ничего не сказал и показал направо.

После «селекции» мужчин очередь дошла до женщин. Здесь он ничего не спрашивал, а лишь указывал движением руки, кому куда становиться. Моя жена и ее сестра попали направо. Жена перед этим рассталась с детьми, потому что было такое распоряжение, и передала их моей матери. Мою сестру, которая отказалась отдать своих детей, а также мою мать и обоих детей я уже больше никогда не видел.

Те, кого поставили направо, должны были затем совершить под строгой охраной довольно большой переход. Нас привели в душевую и велели раздеться донага. Тех, кто раздевался недостаточно быстро, эсэсовцы били плетью. Меня тоже... Капезиус зашел и в душевую, но ни со мной, ни с Эренфельдом не разговаривал. Еще в дверях он закричал: «Быстрее, быстрее!»—и начал бить плетью заключенных, которые стояли поближе к нему...»

Таким предстал в Освенциме перед своими старыми знакомыми доктор Капезиус, обходительный делец с высшим образованием.

«Селекциями» на перроне преступления Капезиуса не ограничивались. Вместе со зловещим доктором Менгеле, который теперь, по слухам, скрывается в Парагвае, Капезиус отобрал 1200 детей и отправил их в газовую камеру. Он лично наблюдал за посадкой детей в грузовики, сам силой вталкивал плакавших ребятшек в машины.

Занимался Капезиус и садистскими «эксперимента-

ми» над заключенными: подмешивал в кофе наркотики и, постепенно увеличивая дозу, проверял, сколько может человек выдержать. Некоторые заключенные после такого эксперимента умирали.

Убийства для «бизнесмена» Капезиуса были источником наживы: он приказал одному из заключенных, работавших в аптеке, Шевчику, принести золотые зубные протезы, выломанные из челюстей людей, погибших в газовых камерах, и присвоил их.

Другой бывший заключенный, Сикорский, также работавший в аптеке, показал под присягой:

«Однажды Капезиус дал мне четыре литра спирта, хранившегося в аптеке, а я должен был дать ему за это бриллиант... Под конец войны Капезиус собрал на чердаке аптеки не менее пятнадцати чемоданов, наполненных золотыми зубами...».

После войны Капезиус попал в английский лагерь для военнопленных. О службе в Освенциме он, конечно, умолчал. Как медика его вскоре освободили, и он устроился в Штутгарте на работу в аптеке. Тут ему снова улыбнулось счастье. Впрочем, дело, видимо, было не в везении, а в содержимом пятнадцати чемоданов, хранившихся на чердаке освенцимской аптеки. Как бы то ни было, уже в 1950 году он перебрался в Геппинген, купил там центральную аптеку и развернул дело на широкую ногу. Штат предприятия вырос до 15 человек, потом рядом с аптекой возник косметический салон, затем филиал в другом городе. Капезиус снова сделался богатым человеком, богаче, чем был в Румынии; он стал приобретать недвижимость, арендовал даже охотничьи угодья. В Геппингене он принадлежал к «сливкам» местного общества, состоял членом различных светских клубов и позволял себе такое дорогое удовольствие, как охота в Африке.

На суде Капезиус с помощью адвокатов яростно отрицал все факты, уверяя, что свидетели все перепутали и что работавшие в аптеке под его началом заключенные по злобе оговаривают его — ведь они поляки...

Не сознавались и остальные подсудимые. Лишь если свидетели обвинения один за другим изобличали их, если появлялись документы за их подписью, они в отдельных случаях сквозь зубы, с недомолвками признавали тот или иной факт.

И не было в ответах подсудимых, во всей манере держаться ни малейшего намека не то что на раскаяние, но даже на смущение. Постепенно они вполне освоились и стали чувствовать себя совершенно непринужденно. Те, кто находился на свободе, перед началом заседаний собирались оживленной группой в кулуарах, советовались с адвокатами, болтали между собой и со знакомыми. Когда фотографы снимали их, большинство прятали лица за папками для бумаг или портфелями, и это тоже служило поводом для острот. На заседаниях они держали себя так развязно, что Гофмейер часто бывал вынужден призывать их к порядку.

«...Моя сердечно любимая Марианночка! Дорогие мои девочки! Этими строками я хочу закончить сегодняшней чудесный день бабьего лета. Хочется, чтобы для вас этот день прошел так же спокойно и гармонично, как и для меня, — в тихом одиночестве, с милыми мыслями о моих дорогих женщинах».

Не правда ли, нежное письмо? А вот еще одно, написанное той же рукой:

«Когда ты, моя душечка, в этот день отправилась на выборы, у тебя, наверно, возникло воспоминание о таком же дне четыре или восемь лет назад. Тогда мы проделали этот путь вдвоем, чтобы затем совершить нашу обычную семейную прогулку. Пошла ли ты сегодня с нашими девочками той же самой дорогой? Что касается формальной стороны выборов, то я уже выполнил свою обязанность, отправив в прошлую среду избирательный бюллетень по почте».

Можно подумать, что автор писем не только любящий отец семейства, но и человек, хорошо сознающий свой гражданский долг. А между тем, письма эти были адресованы из тюрьмы и писал их самый неистовый садист, самый свирепый из двух десятков палачей, что очутились на скамье подсудимых во Франкфурте-на-Майне. Имя его — Вильгельм Богер. В Освенциме он был заместителем начальника так называемого политического отдела.

ния. В этом отделении орудовали самые беспощадные, самые отъявленные палачи. Обязанностью их было обеспечивать «порядок», предотвращать мятежи, побеги заключенных, ловить беглецов. Этим и занимался Богер. Он разъезжал по лагерю на велосипеде и выискивал очередную жертву.

Как только ни называли этого садиста: сатана, тигр, освенцимский дьявол и даже «ангел смерти», ибо убийство было излюбленным его занятием. Он не спеша расстреливал из мелкокалиберного ружья у «Черной стены» одного за другим десятки польских заключенных. Общее число людей, убитых им собственноручно, выражается в сотнях.

Польскую чету с тремя детьми в возрасте от трех до десяти лет Богер перестрелял из пистолета — сначала детей, потом родителей. Двадцатидвухлетнюю словацкую заключенную Лилли Тофлер он застрелил за то, что она написала любовную записку заключенному и отказалась назвать его. Шестидесятилетнего польского ксендза Богер схватил на кухне, сунул его голову в котел с водой и держал до тех пор, пока старик не захлебнулся. Большого польского генерала Длугочевского Богер стащил с нар и затоптал насмерть. Пятнадцатилетнюю девочку, только что прибывшую с очередным эшелоном, он вытащил из толпы на перроне, отвел в сторону, избил так, что она потеряла сознание, изнасиловал, а потом зверски убил, наступив сапогом на горло и прикончив выстрелами из пистолета...

Десятки таких эпизодов приводятся в обвинительном заключении, в показаниях свидетелей.

Одним из самых страшных «рационализаторских предложений» этого садиста были изобретенные им «качели Богера».

О них стало известно из показаний другого подсудимого, Перри Брода, тоже гестаповца из политического отделения. В 1945 году, попав в плен к англичанам, он явился к начальнику следственного отдела лагеря для военнопленных и предложил сообщить об ужасах Освенцима. Он написал о них подробно, на 56 страницах, выражая свое отвращение и возмущение, но умолчав о собственной роли. Эта «исповедь» сохранилась и фигурировала на процессе.

Вот как Брод описал экзекуцию на «качелях Богера»:

«Внезапно из комнаты раздались странные приглушенные стоны. Вошедшему в комнату представилась картина, непривычная даже для видавших виды людей концентрационного лагеря. Два стола стояли в метре друг от друга. Жертва должна была сесть между ними на пол, согнуть колени и сложить на них руки. Руки прикрепляли наручниками к ногам. Между коленями и локтями просовывали толстую железную штангу и клали ее обоими концами на столы, так что жертва беспомощно повисала головой вниз. Затем заключенного начинали избивать толстым кнутом из воловьей кожи по заду и голым пяткам. Удары были такими сильными, что жертва каждый раз совершала почти полный оборот вокруг штанги. И после каждого такого оборота следовал новый сильнейший удар. Когда вопли истязуемого становились слишком громкими, садист-гестаповец надевал ему на лицо противогаз. Тогда раздавались только сдавленные стоны. Время от времени противогаз снимали и спрашивали, сознается ли, наконец, допрашиваемый. Его обвиняли в хранении оружия.

Примерно через 15 минут конвульсивные движения жертвы прекратились. Человек не мог уже отвечать и только слабо качал головой, когда с него снимали противогаз и требовали сознаться. Штаны его стали темно-красными, и кровь капала с них на пол. В конце концов голова бессильно свесилась — наступил обморок. Но гестаповца это не смутило. Со злой усмешкой он вытащил из кармана бутылочку с едко пахнущей жидкостью и сунул ее узнику под нос. Через несколько минут тот пришел в сознание. Так как его зад был настолько иссечен, что удары вряд ли смогли бы еще вызвать страдания, инквизитор применил новую пытку. Он накапал жертве в нос кипяток. Жгучая боль была, вероятно, неопишуемой. Гестаповец достиг своей цели: на очередной вопрос, который он задал с издевательской самоуверенностью, истязуемый утвердительно кивнул.

Тогда штангу сняли со столов и опустили одним концом на пол. Жертва соскользнула и штангу вытащили. Только с трудом удалось стащить наручники с распухших, ставших фиолетовыми кистей рук. Заключенный валялся на полу безжизненным телом. Он был не в силах реагировать на окрики и требования встать, подписать у стола свое «признание». И снова на его бритую голову, на

спину посыпались удары воловьего ремня, его стали топтать сапогами. Наконец, он с величайшим трудом приподнялся и непослушными, едва шевелившимися пальцами подписал „показания”».

Эти страшные подробности подтвердили многие свидетели. Они сообщили о дальнейших «усовершенствованиях», введенных Богером. Он счел «качели» слишком примитивными и заказал в мастерских, где работали заключенные, две деревянные подставки, снабженные съемными стальными штангами. Это позволило сделать пытку еще более мучительной.

Богер проявлял поистине дьявольскую изобретательность. В своей комнате он установил тиски, которыми давил пальцы жертв, и другие орудия пыток. Один из свидетелей обвинения, бывший заключенный Пауль Зейдель, изготовил для суда небольшую модель страшных «качелей». Когда ее демонстрировали на суде, на лице Богера появилась довольная усмешка: воспоминания были явно приятны ему...

На вопрос судьи о показаниях Зейделя Богер спокойно ответил: «Конечно, свидетель, со своей точки зрения, давал довольно объективные показания...».

Дальше он изложил «свою точку зрения». «Когда кровь начинала выливаться из штанов, задача усиленного допроса была выполнена. Я не убивал, а выполнял приказания».

Богер и теперь, через 20 лет, не ведает сомнений. Он и на суде не скрывал, что считает свои поступки абсолютно правильными, и даже давал советы нынешнему западногерманскому правосудию: «Я придерживаюсь мнения, что во многих случаях телесные наказания следовало бы применять и сегодня, например в современном законодательстве для молодежи».

На душе у него спокойно. Недаром он писал об этом из тюрьмы жене и повторял потом на суде: ему не в чем упрекнуть себя.

Что ж, матерый фашистский бандит, который совсем молодым вступил в нацистскую партию, стал штурмовиком, эсэсовцем, а во время службы в гестапо приобрел известность своим «умением» допрашивать, конечно, не способен испытывать даже тени раскаяния.

Для того, кто знает, что означали в свое время для нацистов слова «Гитлер внутри нас», в этом нет ничего

удивительного: Гитлер был и есть внутри Вильгельма Богера!

А вот другой верный выученик Гитлера — Ганс Штарк. Среди подсудимых он самый молодой. Отец его служил в полиции. Ганс плохо учился, и старый полицейский обратился поэтому в начале 1937 года в эсэсовский полк «Мертвая голова» с просьбой зачислить Ганса в СС, хотя тому исполнилось всего 16 лет. Парень был не по годам крепкий, и его охотно приняли. Ганс быстро прошел эсэсовскую муштру и стал охранником в концентрационных лагерях Ораниенбург, Бухенвальд, Дахау, Освенцим. Он бил палкой прибывавших заключенных, чтобы приучить их к «порядку», сам вызывался расстреливать и однажды с тремя другими эсэсовцами расстрелял 20 или 30 русских «комиссаров» — сколько их было точно, Штарк «позабыл».

Когда в Освенциме решили построить первую газовую камеру и начали «опыты» с «циклоном-Б», Ганс охотно принял в них участие. До войны «циклон-Б» считался дезинфицирующим средством. Это был безобидный на вид коричневый порошок; он выделял газ, убивавший насекомых. Концентрацию газа усилили, с тем чтобы травить им людей. Первый «эксперимент» произвели над советскими военнопленными, заключенными в камерах 11-го блока, известного под названием «блока смерти».

Когда в новую газовую камеру в первый раз отправили свыше 200 человек, они поняли, что их ждет, начали страшно кричать и бросились к двери. Но дверь выдержала. Предсмертная пытка продолжалась четверть часа...

Ганс вместе с другими эсэсовскими палачами спокойно поглядывал в глазок в ожидании конца.

Штарк очень старался и был на хорошем счету у начальства. Когда он попросил дать ему отпуск для окончания образования, его в декабре 1941 года откомандировали в Германию на курсы по подготовке солдат-фронтовиков на аттестат зрелости. От товарищей по курсам он скрывал, где служит. Через три месяца Штарк благополучно сдал экзамены и возвратился в Освенцим. Там все шло по-прежнему.

Один из свидетелей показал на суде: «Мы видели, как Штарк лопатой убил двух заключенных. Еще одного заключенного, по имени Исаак, он застрелил. Перед этим

он заставил Исаака утопить собственного отца и еще одного заключенного в большой яме с водой. Исаак сошел с ума и стал дико кричать. Тогда Штарк вытащил пистолет...».

Так проходили «трудовые будни» Ганса Штарка в течение нескольких лет.

Решив, видимо, не без основания, что в Освенциме он достаточно ознакомился с юридической практикой национал-социалистского режима, Штарк попросил направить его для учебы на юридический факультет. Начальство вновь пошло навстречу исполнительному подчиненному.

Стать юристом Гансу все же не удалось. На фронте дела быстро ухудшались, и Штарк в конце войны попал в одну из эсэсовских частей. Ему удалось уцелеть и скрыться. Когда все улеглось, он приехал домой и, получив в конце концов диплом, но не юриста, а учителя, стал преподавать в сельскохозяйственном училище, обзавелся семьей.

В 1959 году Штарка арестовали. Следователь вскоре отпустил его, решив, что он не сбежит. В начале процесса Штарк, как и Мулка, три раза в неделю ездил в суд, но только не дорогим экспрессом, а скромным пригородным поездом. По вечерам он спокойно возвращался домой, сделав по дороге хозяйственные покупки...

После окончания допроса подсудимых 24 февраля 1964 г. суд начал заслушивать показания свидетелей. Их оказалось значительно больше, чем ожидали в начале процесса. Тогда упоминалось о 200—250 свидетелях. В действительности приехало 356 человек из 20 стран. Многие приезжали по собственной инициативе со всех концов света. Голландец де ла Пенья, случайно увидев на экране телевизора фотоснимок Освенцимского перрона, когда там производилась очередная «селекция», сразу узнал эсэсовского врача Лукаса. Это так потрясло его, что он решил ехать во Франкфурт. Имена других свидетелей упоминались на процессе, и суд вызывал их.

Первым давал показания 62-летний венский врач Отто Волькен. В лагерь он попал здоровым, крепким человеком; когда его освободили советские солдаты, он весил всего 38 килограммов. Впрочем, другие узники весили еще меньше, а многие из спасенных, несмотря на всю заботу о них, через несколько дней умирали. Одна из

выживших молодых женщин при освобождении весила 25 килограммов.

«Люди в Освенциме, — говорил старый врач, — постепенно превращались в животных. Жизнь там была хуже, чем в аду».

Свидетели подробно описывали расстрелы у «Черной стены», допросы в застенках политического отделения, гибель в газовых камерах, смерть от истощения. Когда, казалось, все уже стало известно, все сказано, выходил очередной свидетель и сообщал новые страшные факты.

Вот дает показания свидетель из Чехословакии Филипп Мюллер. В Освенциме он был в одной из команд заключенных, которые сжигали трупы: «Нас заставляли выкапывать рвы длиной сорок метров, шириною шесть и глубиной два с половиной метра. По концам рвов были углубления. В них стекал жир из сжигаемых тел. Бывало, что у матерей отнимали детей. Эсэсовцы скручивали им ручки за спиной, подводили к яме и живыми швыряли в кипящий жир. Я сам это видел...».

В другой раз допрашивали свидетельницу Эллу Лингенс — референта австрийского министерства социального обеспечения. Попав в Освенцим, она работала врачом в околотке для женщин-заключенных.

«Жизнь мне спас врач-эсэовец Роде, но одновременно он убил тысячи людей, — говорила она на суде. — Роде показалось, что мы учились с ним вместе в Марбургском университете, что я его коллега. Я, конечно, не разувяряла его — ведь от этого зависела моя жизнь».

По наблюдениям Эллы Лингенс, средняя продолжительность жизни признанных работоспособными заключенных, которые не попадали сразу в газовые камеры, не превышала в лагере четырех месяцев. За зиму 1943—1944 года умерло 10 тысяч женщин — примерно треть узниц женского лагеря.

Особенно невыносимыми были условия в «санчасти». На четырех больных приходились одна кровать, одно одеяло. Калорийность пищи не превышала 700—800 калорий в день — четверть того, что нужно для нормального питания. И больные женщины умирали одна за другой. Свиристествовали тиф, цынга, дизентерия, холера.

«Я сталкивалась с болезнями, о которых слыхала, когда была студенткой, но полагала, что они уже не существуют», — продолжала свидетельница.

Однажды она проходила мимо большого костра, на котором сжигали трупы. Внезапно она заметила, как один из эсэсовцев с силой швырнул в огонь какой-то сверток. Это был ребенок, живой ребенок. Она не хотела, не могла поверить этому. Она убеждала себя: это, должно быть, собака, несчастная собака. Но нет, это была не собака, а маленькое человеческое дитя, живое дитя...

В зале воцарилась мертвая тишина...

Прокуроры расспрашивали о так называемых медицинских экспериментах, которые эсэсовские врачи проводили над живыми людьми. И тут снова возникли перед судом чудовищные картины. Эсэсовцы-врачи «заинтересовались» одним заключенным-горбуном и решили отправить его скелет в музей. Чтобы скелет оказался в хорошем состоянии, живого человека посадили в бочку и залили ее различными едкими кислотами...

Показания свидетелей изобличали одного подсудимого за другим. Те упорно отпирались, адвокаты яростно набрасывались на свидетелей, чтобы сбить их с толку и дискредитировать показания. Но факты оказывались неумолимыми, и суду пришлось постепенно отправить в тюрьму почти всех подсудимых, которые еще пребывали на свободе, так что к концу процесса на положении «вольнотружеников» остались только трое.

Процесс тянулся чрезвычайно медленно. Но, наконец, после завершения судебного следствия обвинение смогло с полной доказательностью, на основе бесспорных данных потребовать для шестнадцати подсудимых из 20 (двое в ходе процесса заболели, и дела их были выделены в отдельное производство) высшей меры наказания, установленной в ФРГ, — пожизненного заключения. Двоих было предложено приговорить к длительному заключению в каторжной тюрьме, одного — оправдать за недостаточностью улик и в отношении еще одного — прекратить дело из-за незначительности его вины.

На прения сторон и последние слова подсудимых, которые почти все вновь клялись в своей невинности, потребовалось около 30 заседаний. Долго совещался суд. Наконец, через 20 месяцев после начала процесса, 19 августа 1965 г., на 182-м судебном заседании судья Гофмейер начал оглашать судебный приговор. Только шесть подсудимых — Богер, Беднарек, Барецки, Клер,

Кадук и Гофман — были приговорены к пожизненному заключению. Впрочем, Гофман к этой же высшей мере наказания был уже приговорен на другом процессе за злодеяния в концлагере Дахау.

Значительно легче отделались остальные палачи. Бывший адъютант коменданта лагеря Мулка был осужден на 14 лет, его преемник Хэкер, для которого частный обвинитель потребовал тысячекратного пожизненного заключения, был осужден всего на 7 лет каторжной тюрьмы, садист-аптекарь Капезиус — на 9 лет. Врачей-эсэсовцев Франка и Лукаса приговорили: первого — к семи годам, второго — к трем годам и 3 месяцам тюрьмы; а третьего врача-садиста, Шаца, суд оправдал, хотя для него и для Франка обвинение требовало пожизненного заключения. Гестаповцев из политического отделения Дилевского и Броада суд приговорил: первого — к пяти, второго — к четырем годам тюрьмы. Странную меру наказания — 10 лет заключения в тюрьме для несовершеннолетних — суд применил к одному из самых беспощадных злодеев, Штарку. Сделано это было на том основании, что ему не было еще 21 года, когда он начал службу в Освенциме.

Из остальных пяти подсудимых двоих оправдали, а трое получили небольшие сроки тюремного заключения. Ввиду того что всем подсудимым было полностью зачтено предварительное заключение, помимо двух оправданных из зала суда был отпущен на свободу еще и эсэсовец Гантль.

Такой приговор можно в лучшем случае признать компромиссным.

В самом деле, с одной стороны, суд отверг чисто политическую аргументацию защиты, ее требования по «принципиальным» соображениям вообще отказаться от всякого наказания фашистских убийц.

Отклонил суд также и довод о «вынужденном выполнении приказаний». Такая позиция суда в этом вопросе имела существенное значение, поскольку на других процессах нацистским преступникам именно под этим предлогом неоднократно выносились оправдательные приговоры.

Но судья Гофмейер в своей пространной мотивировке приговора сделал один далеко идущий политический вывод, который отнюдь не соответствует действитель-

сти: во всех преступлениях, всех зверствах были повинны якобы только СС и гестапо; если убийство совершал военнослужащий вермахта, его отдавали под суд; не была причастна к зверствам эсэсовцев и тогдашняя германская юстиция... Таким образом, налицо явная попытка реабилитировать гитлеровский вермахт, судебное ведомство и вообще весь государственный аппарат «третьей империи».

Суд не принял во внимание большинство показаний о преступлениях подсудимых. Имеющими значение для дела были признаны только факты, досконально подтвержденные многочисленными, точно совпадающими свидетельскими показаниями. Понятно, что в подобном деле таких фактов по причинам, о которых мы уже говорили, оказалось немного.

Боле того: суд использовал в пользу подсудимых все возможности, имеющиеся в уголовном законодательстве ФРГ, где наряду с понятием убийства из низменных побуждений (Mord), за которое, при отсутствии смягчающих вину обстоятельств, полагается высшая мера наказания, существуют, как и в других странах, понятия соучастия в убийстве и содействия при убийстве, предусматривающие, естественно, более мягкие наказания.

И вот под «содействие при убийстве» были подведены страшные преступления таких, например, бандитов, как Капезиус, который «оказал содействие в массовых убийствах не менее чем в 4 случаях в отношении не менее двух тысяч человек в каждом отдельном случае», или доктор Франк, «содействовавший массовым убийствам не менее чем в 6 случаях в отношении не менее тысячи человек в каждом отдельном случае», как это было отмечено в приговоре. В результате благодаря спасительному термину «содействие» за убийство многих тысяч беззащитных людей преступникам придется отсидеть лишь несколько лет. Да и придется ли?

А чего стоит применение к садисту Штарку, одному из немногих подсудимых, сознавшихся в некоторых своих преступлениях, закона о правонарушениях несовершеннолетних! Даже с чисто формальной точки зрения это было недопустимо, потому что значительную часть убийств Штарк совершил, уже будучи совершеннолетним.

Щедро использовались в приговоре и такие формулировки, как «участие подсудимых в расстрелах без явного рвения и без личной заинтересованности» или «невозможность с полной достоверностью доказать, что подсудимый безоговорочно одобрял все меры по истреблению заключенных» и т. п. В результате такой подсудимый оказывался уже не соучастником, а только лицом, «оказавшим содействие».

Через два дня после вынесения приговора прокуратура заявила, что опротестует его в отношении восьми подсудимых. Заявили о своем намерении подать кассационные жалобы и адвокаты обвиняемых, приговоренных к высшей мере наказания.

Но, еще не дождавшись решения высшей инстанции, франкфуртские власти стали выпускать на свободу одного осужденного за другим. В январе 1966 года, менее чем через пять месяцев после вынесения обвинительного приговора, вышел из тюрьмы Роберт Мулка под тем предлогом, что у него нарушилось кровообращение и его здоровье может пострадать от дальнейшего пребывания в тюремной камере.

Сообщение об этом, промелькнувшее в некоторых газетах, вызвало лишь формальный протест прокуратуры. Поэтому не удивительно, что в феврале того же года были выпущены на свободу еще двое осужденных убийц — Перри Брод и Ганс Штарк.

Таков этот продолжавшийся 20 месяцев самый крупный из всех западногерманских процессов нацистских преступников.

Несмотря на все его недостатки, процесс тем не менее сыграл известную положительную роль, всколыхнув мировую общественность, напомнив об ужасах фашистского режима. Через двадцать лет после войны, когда многое стерлось из памяти старшего поколения и выросла молодежь, не знающая ужасов прошлого, такое напоминание было отнюдь не лишним. Даже буржуазные газеты Запада, такие, например, как «Нью-Йорк геральд

трибюн», «Фигаро», отводили процессу немало места, и тон корреспонденций напоминал те времена, когда боннские преемники фюрера еще не считались одним из наиболее надежных оплотов «свободного мира».

Много писали о процессе и в Западной Германии, особенно вначале. Ему посвящались радио- и телевизионные передачи, он обсуждался на общественных диспутах. Тысячи людей посещали выставку документов об Освенциме, которая в конце 1965 года демонстрировалась также и в Западном Берлине.

Постепенно, однако, к процессу привыкли, интерес к нему стал ослабевать. Как писала 29 мая 1965 г. газета «Франкфуртер рундшау», «процесс прижился» в городе Франкфурте; он постепенно стал таким же атрибутом города, как городские учреждения, музей, театр. Когда закончилось судебное следствие и должны были начаться прения сторон, репортеры этой газеты опросили на улицах Франкфурта некоторых его жителей, известны ли им имена главных подсудимых. Примерно половина опрошенных ничего не могла ответить. «Полицейский, которого мы спросили насчет Мулки, посоветовал нам навести справку в адресном столе, — сообщил репортер газеты. — Одна из продавщиц считает, что Мулка и Клер — политические деятели, молодой рабочий решил, что Богер — спортсмен-лыжник, элегантно одетая дама приняла Богера и Кадука за писателей. Только одна женщина, лет сорока пяти, исхудалая и рано поседевшая, знала все подробности, вплоть до мельчайших деталей. На руке этой женщины был вытатуирован номер концентрационного лагеря Терезиенштадт».

Есть в ФРГ немало людей, которые реагировали на процесс так, словно шел не 1965, а 1942 или 1943 год.

Преподаватель Нордзейской гимназии в Бюзуме (Шлезвиг-Гольштейн) Курт Флейшауэр говорил в дни процесса отстающим ученикам, вызывая их к доске: «Сегодня мы поиграем в Освенцим. Посмотрим, кто сегодня попадет в газовую камеру и около чьей фамилии потом появится крестик».

В той же гимназии заведующий учебной частью Альфред Эндригкайт в связи с процессом разъяснял ученикам: «Американцы после окончания войны смонтировали в концлагерях газовые камеры, чтобы возвести напраслину на немцев».

На уроке химии Эндригкайт однажды рассказал, как изготавливается мыло, поясняя при этом, что в качестве сырья для него необходимы жиры. К своим пояснениям он добавил: «Тем самым доказано, что в «третьей империи» из евреев мыла не варили. Ведь евреи не были жирными».

По-разному был воспринят и приговор. В социалистических странах он вызвал негодование своей мягкостью. Протестовали против него объединения жертв фашизма, бывших узников нацистских концлагерей. Да и многие буржуазные газеты Запада сочли его чрезмерно снисходительным. Так, парижская «Монд» писала о «чудовищном несоответствии между преступлениями и тем, что за отсутствием более подходящих слов называют веземдием».

Но немало газет, в особенности в Англии, были вполне удовлетворены приговором.

В самой Западной Германии резких критических откликов было немного. Если некоторые газеты, такие как, например, «Франкфуртер рундшау», и писали об излишней мягкости приговора, то в целом так называемая большая печать единодушно хвалила процесс, превознося его как пример образцового суда, достойного «правового государства».

Что касается официального Бонна, то он игнорировал процесс, как бы поддерживая тем самым тезис о том, что разбиралось всего-навсего уголовное дело «Мулки и других». Несмотря на приглашения, ни один руководящий деятель ФРГ не побывал и на Освенцимской выставке.

Здесь следует еще раз коснуться политической атмосферы в Западной Германии.

У всякого, кто знаком с материалами освенцимского дела, невольно возникает законный вопрос: как могли гитлеровские палачи, садисты, убийцы спокойно благоденствовать в условиях боннской «демократии» 20 лет, несмотря на то что почти всегда окружающие довольно точно знали или во всяком случае догадывались о прошлом этих людей? В том-то и дело, что вся обстановка в этой стране способствует тому, что преступления, совершенные при гитлеровском режиме, фактически преступлениями не считаются, а укрывательство нацистских преступников расценивается чуть ли не как гражданский

долг. И обстановка эта характерна не только для Шлезвиг-Гольштейна, о котором мы рассказывали в предыдущей главе, но, как показывают биографии «героев» освенцимского дела, и для всей страны.

В разгар процесса журнал «Штерн» опубликовал серию обстоятельных, снабженных фотографиями статей о нескольких главных подсудимых, снабдив ее общим заглавием «Люди, как ты и я».

Журнал сам не делает выводов, но идея этой серии статей достаточно понятна: обстоятельства и вся обстановка гитлеровского режима привели к тому, что обычные рядовые люди стали тяжкими преступниками. А когда война окончилась, они вновь, как ни в чем не бывало, включились в нормальную жизнь общества.

Согласиться с такой точкой зрения нельзя. Следует сказать, к чести немецкого народа, что большинство его представителей не принимало активного участия в преступлениях гитлеровцев. В Освенциме и других концентрационных лагерях наряду с немцами-палачами и садистами были и немцы-заключенные, принимавшие участие в движении сопротивления узников. А сколько героических дел совершили немецкие подпольщики-антифашисты, о скольких их подвигах можно было бы рассказать! Молодая девушка Орли Вальд была в 1936 году арестована гестапо по обвинению в подпольной антифашистской деятельности. Из тюрьмы она попала в концентрационный лагерь Равенсбрюк. В 1942 году она потребовала, чтобы ее отправили с очередной партией еврейских женщин в Освенцим. Там ее, как немку, не отправили сразу в газовую камеру, а послали работать. Она дожила до освобождения, хотя и участвовала в подпольной организации узников. После девяти лет несказанных страданий Орли вышла на свободу смертельно больной, но дух ее не был сломлен, и она успела написать небольшую книгу о своих переживаниях, полную глубокого трагизма и в то же время непобедимой веры в человека.

В связи с освенцимским делом вновь возникает вопрос: останутся ли безнаказанными те две тысячи проживающих в ФРГ палачей из этого лагеря смерти, о которых сообщала печать?

В конце процесса в газетах промелькнуло сообщение, что различные судебные инстанции страны ведут рассле-

дования в отношении 326 бывших эсэсовцев и гестаповцев из Освенцима.

А пока в том же Франкфурте-на-Майне 14 декабря 1965 г. начался так называемый «малый Освенцимский процесс». На скамье подсудимых оказались три эсэсовца — Бургер, Эрбер и Нойберт.

Процесс этот особого внимания не привлек. Обстановка была примерно такая же, как и на первом суде. Например, бывший штурмбаннфюрер СС Вильгельм Бургер на первом же заседании залился слезами жалости к самому себе: он старый, большой, в России во время войны обморозился, у него большая печень. Для чего нужен был газ «циклон-Б», которым он распоряжался в Освенциме, он не знает; кажется, для дезинфекции одежды...

Снова перед судом прошли картины селекций, пыток, казней. Эсэсовец Эрбер отправил в газовую камеру десять австрийских женщин, предварительно присвоив их драгоценности. В приемной книге он велел заклеить их фамилии и приказал под теми же номерами зарегистрировать десять новоприбывших заключенных из следующего транспорта.

Третий подсудимый, Нойберт, систематически руководил селекциями.

«Он был весел, в превосходном настроении: отбирая жертвы для газовой камеры, он жевал яблоко», — рассказывал о Нойберте свидетель Вольгейм.

«Когда однажды в бараках, где обычно содержали заключенных, захотели разместить скот, представитель ветеринарного ведомства не разрешил: для коров помещение было непригодным», — сообщил суду другой свидетель, венский врач д-р Волькен. «В Освенциме каждый знал, что лагерь предназначен исключительно для истребления людей», — убежденно заявил он.

Знали все, кроме трех подсудимых, которые, так же как их коллеги на предшествующем процессе, все отрицали, а свидетелей объявляли лжецами, по злобе оговаривающими милосердных эсэсовцев.

Итак, из 326 привлеченных к ответственности на скамье подсудимых пока оказались только трое. Если дело пойдет и дальше в таком же темпе, то большинство остальных 323 подсудимых, видимо, скорее предстанет перед божьим судом, чем перед человеческим.

...Нет, прошлое в Федеративной Республике Германии

не преодолено и преодолевать его не собираются — таков главный и весьма неутешительный вывод, который приходится сделать из результатов обоих Освенцимских процессов.

Поставщики ада

Если на Освенцимском процессе западногерманская Фемида вела себя внешне вполне добродушно и соблюдала юридические приличия, то на процессе двух ближайших подручных Эйхмана — Крумея и Хунше — ее повязка сползла в сторону и богиня правосудия ободряюще подмигивала подсудимым.

Процесс этот происходил в том же Франкфурте-на-Майне, закончился тогда же — в 1965 году, да и главный защитник подсудимых был все тот же Латернзер. Что же касается подсудимых, то они принадлежали к числу самых отъявленных гитлеровских злодеев. Герман Крумей был заместителем Эйхмана и имел чин оберштурмбаннфюрера СС; Отто Хунше, дипломированный юрист, был ответственным чиновником в имперском главном управлении безопасности и состоял «юридическим советником» Эйхмана. Вместе с последним оба они и прибыли в марте 1944 года в Будапешт в качестве руководителей одной из «зондеркоманд» СС. Единственная задача их заключалась в том, чтобы организовать истребление 800 тысяч венгерских евреев, которых до того щадили хортистские власти. В то время как Эйхман осуществлял «общее руководство», Крумей был основным исполнителем операции, а Хунше подводил под нее «юридическую базу» в переговорах с венгерскими властями.

Людей свозили со всех концов страны в Будапешт, а оттуда отправляли в Освенцимский лагерь смерти.

Хунше совместно с Крумеем и другими бандитами занимался организацией этих железнодорожных транспортов в освенцимский ад. В общей сложности до 15 июля туда отправили в вагонах для скота 437 тысяч человек. Часть погибла еще в дороге; 300 тысяч были немедленно по прибытии в лагерь умерщвлены в газовых камерах; уцелели лишь немногие.

Чтобы скрыть место назначения транспортов, Крумей и Хунше приказали заготовить тысячи открыток, из которых явствовало, что поезда прибыли в какой-то Вальдгейм; смертников, попавших в эшелоны, заставляли собственноручно писать на этих открытках, что у них все в порядке.

Бандиты занимались грабежом и вымогательством валюты, золота и драгоценностей у старшин еврейской общины, обещая им пощаду. Но лишь немногим состоятельным людям они дали возможность откупиться и выпустили их в Швейцарию, остальных же отправили в душегубки.

Злодеяния их были, конечно, известны широкому кругу лиц. Тем не менее после окончания войны они даже не сочли нужным скрыться. Во время денацификации обоих зачислили в категорию так называемых «попутчиков», и они стали полноправными гражданами Федеративной Республики. Хунше занялся адвокатской практикой, а Крумей, ухитрившийся получить как «беженец» кредит в размере 12 тысяч марок, открыл магазин аптекарских товаров.

Если бы не начатые властями поиски Эйхмана, бандиты, наверно, благоденствовали бы и по сей день. Но и после их разоблачения прокуратура почему-то привлекла сначала к ответственности только одного Хунше, и то лишь в связи с одним его преступлением, хотя к этому времени уже были хорошо известны все злодеяния обоих эсэсовцев в Венгрии.

Преступление, вменявшееся в вину Хунше, заключалось в том, что уже после того, как венгерские власти, испугавшись приближения советских войск, категорически запретили с 15 июля 1944 г. отправку эшелонов со смертниками в Освенцим, он угрозами и обманом ухитрился все же отправить туда еще один эшелон. В него погрузили 1200 человек, половина которых сразу же попала в газовые камеры.

Это дело слушалось в 1962 году. Суд признал Хунше виновным в «содействии в убийстве» 600 человек и приговорил к 5 годам тюрьмы. Но адвокаты подсудимого сумели добиться отмены и без того мягкого приговора Высшим федеральным судом и передачи дела на новое рассмотрение.

Что касается Крумея, то предварительное следствие

по его делу тянулось шесть лет; следовательно, собиравший материал в течение четырех лет, был внезапно отстранен, и дело было передано другому, который вел его еще два года.

Наконец, 27 марта 1964 г. в переполненном зале, в присутствии более сотни немецких и иностранных журналистов, начался процесс обоих гитлеровцев.

Дело двух убийц, которых некоторые газеты называли «поставщиками ада», было совершенно очевидным. И суд предусмотрел для слушания всего 20 заседаний.

Получилось, однако, иначе. Председатель суда Шмидт открыто блокировался с защитниками и подсудимыми. Вместе с ними Шмидт вел в оскорбительной форме допросы свидетелей обвинения, оказывал на них явное давление, сбивал с толку, задавал провокационные вопросы. Одна из свидетельниц, не выдержав, даже воскликнула: «Неужели здесь я — обвиняемая?». Прокурор Шмидт то и дело обрывал, мешал им задавать нужные вопросы.

Защита во главе с Латернзером постоянно уводила суд от существа дела, издевалась над свидетелями обвинения, иногда попросту срывала заседания.

Как с удовольствием констатировали реакционные западногерманские газеты, Латернзер и компания «вывели из строя» двух прокуроров, доведя их до сердечных припадков своими наглыми выпадами и открытым саботажем судопроизводства.

Подсудимые самозабвенно лгали. Оба они упорно утверждали, что понятия не имели о существовании лагерей смерти и о причинах высылки туда евреев. Крумей, например, твердил, что считал Освенцим большим оборонным заводом.

Когда было доказано, что в сейфе Хунше в Берлине хранился протокол секретного совещания, на котором Гитлер утвердил план «окончательного решения еврейского вопроса», то есть поголовного истребления всех евреев, Хунше заявил, что, быть может, протокол и хранился у него, но он его никогда не читал!

Процесс затянулся на целых девять месяцев. В феврале 1965 года суд вынес приговор, согласно которому Отто Хунше был оправдан, а Герман Крумей приговорен к пяти годам каторжной тюрьмы. Однако уже через пять дней после окончания процесса Крумей очутился на

свободе: судьи не только полностью зачили ему предварительное заключение, но вдобавок простили те несколько месяцев, которые убийце еще следовало отсидеть в тюрьме.

Основанием для этого позорного приговора послужило то, что ни Крумей, ни Хунше лично никого в Будапеште не убивали, а «лишь» выполняли распоряжения свыше.

Чтобы придать приговору видимость объективности, судья Шмидт все же счел доказанным, что Крумей, стремясь обеспечить бесперебойную отправку в Освенцим эшелонов со смертниками, обманывал свои жертвы на счет ожидавшей их участи. Но, признав это, судья нашел для Крумея смягчающие обстоятельства. Без тени смущения в приговоре утверждалось, что Крумей не раз проявлял «черты человечности». В своем стремлении обелить убийцу Шмидт договорился до того, что Крумей, дескать, действовал «не по внутреннему убеждению, а из слабости».

Судья Шмидт не удовольствовался тем, что уберег от каторжной тюрьмы двух гитлеровских бандитов, виновных в гибели сотен тысяч невинных людей. Своим приговором он пытался создать «юридический прецедент», который мог бы использоваться в аналогичных случаях. «Нельзя исходить при доказательстве виновности из принадлежности к эйнзацкоманде Эйхмана, — утверждал Шмидт, — а лозунги и такие термины, как заместитель или юридический советник Эйхмана, ничего не значат».

Но со времени Нюрнбергских процессов всему миру известно, что «эйнзацгруппы» и «эйнзацкоманды» СС были созданы специально для поголовного истребления людей по расовому и политическому признакам. Это было документально доказано на Нюрнбергском процессе главных военных преступников. Допрошенный 3 января 1946 г. на Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля бывший начальник III управления главного имперского управления безопасности и начальник эйнзацгруппы «Д» Отто Олендорф показал, что одна лишь его эйнзацгруппа за двенадцать месяцев, с июня 1941 по июнь 1942 года, уничтожила 90 тысяч человек. Число жертв других эйнзацгрупп было еще больше. Несколько позднее американский военный трибунал провел в Нюрн-

берге специальный процесс эйнзацгрупп. В официальной американской классификации нюрнбергских процессов он фигурирует как дело № 9. Обвинялись 22 начальника и офицера этих эйнзацгрупп и эйнзацкоманд. Несмотря на то что приговор был вынесен 10 апреля 1948 г., то есть уже тогда, когда американские власти начали относиться к нацистам с большой снисходительностью, 14 подсудимым были вынесены смертные приговоры.

Вот что сообщает в своей книге о деятельности эйнзацгрупп американский генерал Тейлор, главный обвинитель на нюрнбергских процессах: «Эйнзацгруппы были особыми частями СС, которые сопровождали германскую армию во время ее нападения и оккупации Советского Союза. Задача их заключалась в обеспечении «политической безопасности» в оккупированных областях. СС понимала под этим немедленное и поголовное истребление всех евреев в оккупированных областях, а также таких групп, как коммунистические функционеры и цыгане...»

Следует еще добавить, что эти отряды убийц устраивали резню не только в оккупированных областях Советского Союза, но и в Польше, а впоследствии в Венгрии и Румынии.

Достаточно хорошо известны и подробности их преступлений. В указанном выше приговоре американского военного трибунала, например, говорится: «Факты в такой чудовищной степени превосходят представления нормального человеческого мозга, что только самое тщательное юридическое расследование и самое подробное проведение процесса смогли проверить и подтвердить их подлинность. Обвинение говорит об убийствах, — к сожалению, со времен Каина люди убивали своих братьев, — но в данном деле убийства достигали таких фантастических масштабов и настолько превосходили границы правдоподобия, что их нужно было подтверждать стократно повторяющимися доказательствами».

Позднее десятки процессов в Советском Союзе и Польше, а также процесс Эйхмана дали тысячекратные доказательства того, что совершали чудовищные гитлеровские эйнзацкоманды и эйнзацгруппы.

Тем не менее западногерманский судья осмелился утверждать, что принадлежность к зондеркоманде и чин заместителя Эйхмана «ничего не значат»!

Этот издевательский приговор вызвал бурю возмущения во всем мире. Не только прогрессивная печать, но и многие консервативные газеты Запада, такие как «Нью-Йорк геральд трибюн», «Орор», «Фигаро» и др., сообщая о приговоре, характеризовали его как «скандал», «позор», «фарс».

Мюнхенская газета «Зюддейче цайтунг» в передовой статье, посвященной этому приговору, задавала такой вопрос: «Сумело ли бы подобное правосудие доказать виновность хотя бы самого Эйхмана?»

Прокуратура, правда, опротестовала приговор, но протест был положен под сукно, а оба преступника смогли спокойно возвратиться к своим «мирным занятиям»

Неуязвимые

В обоих германских государствах распространено выражение: «убийцы за письменным столом». Это те проживающие в ФРГ нацистские преступники, которые, непосредственно не участвуя в убийствах, были организаторами и руководителями истребления миллионов жертв гитлеровского режима, разрабатывали расистские законы, выносили неправосудные приговоры, готовили кадры профессиональных убийц.

Вина их, конечно, ничуть не меньше, чем вина непосредственных исполнителей преступлений. Но западногерманская юстиция смотрит на дело иначе. Для нее убийца — только тот, кто непосредственно убивал. Судья, обрешенный на смерть ни в чем не повинного человека, эсэсовский чиновник, сгонявший людей в гетто и затем отправлявший их в лагерь смерти, юрист, разрабатывавший смертоносные расистские законы, промышленник, требовавший от СС все новых партий рабов и эксплуатировавший их до смерти, — все они, по мнению западногерманского правосудия, не убийцы. В отдельных, исключительных случаях, под давлением неопровержимых улик, таким людям власти нехотя предъявляют обвинение в соучастии в убийстве, но обычно преступники либо отделиваются очень мягким наказанием, либо их полностью оправдывают.

Западногерманская юстиция строго соблюдает при этом табу о рангах: если «убийца за письменным столом» занимает в Федеративной Республике высокий пост или видное общественное положение, он вообще практически неуязвим.

Всему миру известны имена бывшего статс-секретаря Ганса Глобке и бывшего федерального министра Теодора Оберлендера. Оба они были приговорены заочно Верховным судом ГДР к пожизненному заключению. Но власти ФРГ категорически отказались привлечь к ответственности двух этих преступников, хотя в их распоряжение были предоставлены те же разоблачительные материалы, на основе которых Глобке и Оберлендер были осуждены в ГДР.

Глобке и Оберлендер по сей день благополучно здравствуют в Федеративной Республике Германии и получают высокие пенсии. Оберлендер вплоть до последних парламентских выборов был депутатом бундестага, да и теперь занимается политической деятельностью в правящей христианско-демократической партии. А Глобке постоянно приглашается на крупные процессы нацистских убийц в качестве особенно «авторитетного» свидетеля защиты.

Неуязвимыми оказались, как известно, и другие высокопоставленные военные преступники — генералы Хойзингер, Ферч, Шпейдель, федеральный генеральный прокурор Френкель.

Имена этих «преступников за письменным столом» хорошо известны. Им посвящены многочисленные статьи, брошюры, даже книги. Поэтому здесь пойдет речь только о бывшем министре правительства ФРГ Крюгере и нынешнем статс-секретаре Виалоне, имена которых реже упоминались в нашей прессе.

*

Немного есть в Бонне людей, которые занимали бы такие высокие посты, как Ганс Крюгер. В 1957 году он стал депутатом бундестага, в 1960 году — членом президиума парламентской фракции и членом правления Христианско-демократического союза.

В течение нескольких лет Ганс Крюгер возглавлял «Союз изгнанных», объединяющий реваншистские землячества. Эти землячества — большая сила в ФРГ. В одном только «Землячестве судетских немцев» около 350 тысяч человек. Наряду с так называемыми солдатскими союзами, объединяющими бывших гитлеровских вояк, они служат важной опорой для западногерманских реваншистов и милитаристов.

Землячества обладают хорошо организованным разветвленным аппаратом, ведущим активную реваншистскую пропаганду. В их распоряжении 350 газет и журналов с общим тиражом более двух миллионов экземпляров. Землячества вовлекают в свои ряды и молодежь: в отрядах «немецкой молодежи Востока», созданных по образцу и подобию «гитлерюгенд», состоят 160 тысяч юношей и девушек.

Землячества регулярно устраивают свои встречи на манер нацистских слетов. Собрания эти проходят в обстановке разнузданной антикоммунистической пропаганды. Ораторы призывают к возвращению «утраченной родины», восстановлению границ «третьего рейха».

Возглавляя эту реваншистскую деятельность землячеств, Крюгер делал все, чтобы не допустить нормализации отношений между обоими германскими государствами. Главную свою задачу он видел в проведении пропаганды ненависти к Германской Демократической Республике. Советское предложение о подписании мирного договора с Германией Крюгер охарактеризовал как «грубое покушение на Германию», которое якобы лишает Бонн «права на бесспорные немецкие области».

В 1961 году Крюгер потребовал добиться «малого воссоединения», под которым он подразумевал захват ГДР. В качестве следующего шага он рекомендовал «возвращение» областей Западной Польши.

Позднее Крюгер писал, что примирение с Польшей не может произойти «на основе признания существующего положения» и что вообще «бессмысленно вести с коммунистическими представителями Польши переговоры по важнейшим спорным вопросам».

Реваншистское рвение Ганса Крюгера было вознаграждено. В боннском кабинете, сформированном в октябре 1963 года после отставки Аденауэра, он возглавил министерство по делам перемещенных лиц, которым ру-

ководил до него военный преступник Геодор Оберлендер, превративший его в центр реваншистской пропаганды и диверсионной деятельности, направленной в первую очередь против ГДР.

Уже через несколько дней после своего назначения Ганс Крюгер заявил в Западном Берлине, что «наиболее важной задачей федерального правительства является воссоединение Германии в границах 1937 года. Включение меня — председателя «Союза изгнанных» — в состав кабинета министров укрепляет меня в этом убеждении».

Так Ганс Крюгер продолжал и на официальном министерском посту пропагандировать свою ультрареваншистскую программу. Но 25 ноября 1963 г. генеральный прокурор ГДР Иозеф Штрейт направил канцлеру Эрхарду письмо с подробной информацией о том, что Крюгер — бывший активный нацист и военный преступник. В Бонне отказались принять письмо. Тогда 6 декабря на пресс-конференции в Берлине была оглашена биография боннского министра и предъявлены соответствующие документы, обнаруженные в гитлеровских архивах. Вот что из них стало известно.

В нацистскую партию Ганс Крюгер вступил в 1933 году. Еще за 10 лет до этого, в 1923 году, он принял участие в первой предпринятой Гитлером попытке мятежа — в мюнхенском «пивном путче».

В 1936 году нацистское начальство одобрительно отмечало, что «Крюгер безусловно стоит на позициях национал-социалистского мировоззрения». С тех пор одна хвалебная характеристика следовала за другой: отмечалось, что его «политическая надежность вне всяких сомнений», что он «убежденный национал-социалист» и «очень активен в своей работе на благо партии».

Полностью оправдать похвальные отзывы начальства Крюгер смог с началом войны, когда он был командирован в только что захваченную гитлеровцами Польшу. Там его назначили руководителем нацистской партийной организации и одновременно судьей в городе Хойнице, и он стал полным хозяином города со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вот выдержка из зафиксированных польской прокуратурой показаний одного из жителей Хойнице, Пабиха: «В Хойнице было убито более 2000 поляков. Все они

перед смертью сидели в тюрьме, которой распоряжался Крюгер».

Дочь казненного гитлеровцами секретаря суда Уландовского сообщила, что через неделю после приезда Крюгера в Хойнице ее отец и брат были арестованы, посажены в тюрьму и уже через три дня казнены.

Вскоре гитлеровцам показалось недостаточным обычное «правосудие» и они создали в Хойнице так называемый особый суд. Документально доказано, что Крюгер участвовал и в этом нацистском судилище. Как показал бывший переводчик этого суда Мариан Банковский, «Ганс Крюгер был одним из тех, кто выносил приговоры в особом суде. За то время, что я работал там переводчиком, я точно запомнил пять смертных приговоров, вынесенных полякам, в том числе прапорщику Иеке». Подобных свидетельств приводилось немало.

Органы печати и социалистических, и капиталистических стран сообщили о берлинской пресс-конференции. Проинформировали о ней своих читателей и некоторые западногерманские газеты и журналы. Крюгер немедленно объявил разоблачения «фальшивками». Но только его единомышленники сделали вид, что поверили этому.

Крюгеру стали задавать неприятные вопросы в прессе, были опубликованы фотокопии документов, изобличающих боннского министра. Он попытался было спастись с помощью стандартного приема, к которому неизменно прибегают гитлеровские военные преступники: внезапно все «позабыл».

Однако разоблачительные материалы, которые продолжала публиковать пресса, негодование общественности заставили Крюгера признать в интервью с корреспондентами журнала «Шпигель» действительными значительное число фактов из своего нацистского прошлого.

22 января 1964 г. в Бонне объявили, что Крюгер «временно освобожден по собственному желанию от исполнения обязанностей министра», а 24 января сообщили, что комиссии в составе трех федеральных министров поручено расследовать выдвинутые против Крюгера обвинения.

30 января боннский прокурор Хорн официально принял от представителей прокуратуры ГДР документальные материалы, изобличающие преступления Крюгера

Было объявлено о начале следствия по делу Крюгера на основе этих документов.

31 января Эрхард принял отставку Крюгера. На заседании кабинета министров канцлер демонстративно поблагодарил его за «неутомимую деятельность».

С тех пор прошло более двух лет. Но министерская комиссия так и не сообщила о результатах своих трудов, а боннская прокуратура, видимо, окончательно «забыла» о следствии по делу господина федерального министра в отставке: ведь он относится к категории неуязвимых.

Если Крюгеру пришлось хотя бы уйти в отставку, то другой разоблаченный военный преступник и по сей день остается у власти. Мы имеем в виду статс-секретаря федерального министерства по вопросам экономического сотрудничества Фридриха Карла Виалона.

О нем уже три года доподлинно известно, что он крупный военный преступник. В марте 1963 года в Кобленце на судебном процессе матерого убийцы эссовца Хойзера фигурировали документы, свидетельствовавшие о кровавых расправах с населением оккупированной советской Белоруссии и Прибалтики. Под некоторыми стояла подпись Виалона. С 1942 по 1944 год он состоял начальником финансового управления всей этой обширной территории, которую гитлеровцы называли «Рейхскомиссариат Остланд». Из документов явствовало, что Виалон руководил ограблением сотен тысяч жертв гитлеровского террора, учетом и использованием отнятого у них имущества и ценностей. Он «организовывал» рабский труд евреев, заключенных в гетто, создавал внутри гетто производство для нужд СС. Когда пришел приказ Гимmlера о ликвидации гетто, Виалон издал распоряжение о переоборудовании части гетто в концлагеря.

Виалон выделял также крупные суммы для премирования карателей, истреблявших партизан и мирное население.

Несмотря на все эти факты, господина статс-секретаря не посадили на скамью подсудимых, а лишь допроси-

ли в качестве свидетеля. Он под присягой уверял, что ничего не знал о зверствах, которые творились в «Остланде», и вообще ничего не помнит.

Стремясь выручить высокопоставленного боннского деятеля, суд отказался принять документы, разоблачающие Виалона, которые представил известный советский юрист профессор Алексеев. Однако документы и показания, разоблачающие Виалона, были преданы гласности в Советском Союзе и ГДР. Сообщала о них и часть западногерманской прессы. В конце концов эти документы вынуждено было принять Людвигсбургское ведомство по расследованию национал-социалистских преступлений. После этого прокуратура города Кобленца возбудила дело против Виалона, но не по поводу его военных преступлений, а лишь в связи с тем, что он совершил клятвopреступление, когда давал под присягой свидетельские показания.

В феврале 1965 года в Берлине состоялась большая документальная телевизионная передача о Виалоне и встреча с многочисленными журналистами, в том числе и с западногерманскими. Вскоре после этого представители кобленцкой прокуратуры прибыли наконец в Берлин и приняли фотокопии материалов о преступлениях Виалона.

А несколько позже, в апреле, в Бонне представители боннских судебных властей также приняли от двух прокуроров ГДР документы о прошлом статс-секретаря. Одновременно им было вручено заявление гражданина ГДР Задека с требованием привлечь Виалона к ответственности за соучастие в убийстве в Риге его родителей. Документов и свидетельских показаний было много. В частности, один документ говорил о том, что Виалону аккуратно представлялись сводки о ходе уничтожения узников гетто.

Но боннская прокуратура продолжала размышлять, достаточно ли оснований для привлечения статс-секретаря к ответственности.

Тем временем становились известными все новые факты. 26 апреля 1965 г. в Вене состоялась пресс-конференция руководителя Центра по сбору материалов о преступлениях нацистов Симона Визенталя.

Оказывается, цинизм Виалона доходил до того, что он организовал инкассацию по страховым полисам,

отобранным у узников гетто: людей умерщвляли в душегубках, а затем пытались заполучить денежные суммы, на которые они застраховали свою жизнь.

А чего стоит такое указание Виалона: «При реализации могильных плит и памятников еврейских кладбищ следует обеспечить получение соразмерных цен. Рекомендуются перед продажей привлечь специалиста, который определил бы стоимость подлежащих реализации плит, дабы они не были проданы по бросовым ценам».

Визенталь сообщил также, что 16 апреля направил в Людвигсбург много фотокопий документов, разоблачающих Виалона. А 19 апреля он послал такой же пакет на имя канцлера Эрхарда с подробным письмом, в котором излагалась история преступлений господина статс-секретаря. Ни канцлер, ни Людвигсбургское ведомство не удостоили Визенталя ответом.

Не реагировали в Бонне и на требования крупных газет — «Франкфуртер рундschau», «Зюддейче цайтунг» и других — убрать Виалона из правительства. Видимо, там сочли, что человек с таким прошлым является достаточно подходящей фигурой для организации экономического сотрудничества с развивающимися странами.

В результате статс-секретарь министерства Виалон вошел и в состав нового правительства ФРГ, сформированного в ноябре 1965 года, а дело о преступлениях «убийцы за письменным столом» Карла Фридриха Виалона было положено под сукно.

Гитлеровцы задают тон

12 марта 1965 г. западногерманский бундесрат (палата земель) одобрил законопроект о судьях с нацистским прошлым, представлявший собой дополнение к статье 132 Основного закона ФРГ. В нем, в частности, говорилось:

«Судья или прокурор может быть и вопреки его желанию переведен на пенсию, если он до 9 мая 1945 г., будучи судьей, принимал участие в решении, в результате которого был вынесен или утвержден смертный приговор, либо если он в качестве прокурора настаивал

на таком решении в тех случаях, когда наказание, даже с учетом обстоятельств, при которых вынесен был приговор, являлось бесчеловечно суровым и когда был возможен иной приговор».

Этот законопроект внесли представители земель Гессен и Гамбург, где во главе правительств стоят социал-демократы. Два года законопроект пролежал без движения. А одобрили его в момент, когда полемика о давности по делам нацистских преступников достигла наивысшего накала, и западногерманская юстиция подвергалась суровой критике в стране и за границей.

Законопроект мог вызвать некоторое недоумение: ведь в течение нескольких лет министры юстиции ФРГ — сперва Штаммбергер, затем сменивший его Бухер, а также многие их коллеги в правительствах земель — официально заверяли, что среди судей и прокуроров, за исключением пяти-десяти человек, нет людей, запятнавших себя при гитлеровском режиме преступными приговорами.

Если бы эти заверения соответствовали действительности, то поправка к Основному закону была бы, конечно, излишней. Но дело в том, что официальные заявления руководителей западногерманского правосудия отнюдь не соответствовали действительности. Неоднократно случалось, что как раз после очередного успокоительного заверения министра юстиции появлялись неопровержимые документальные доказательства того, что судьи или прокуроры, считавшиеся до тех пор незапятнанными, оказывались, нацистскими преступниками.

И может ли быть иначе, если примерно из 14 тысяч западногерманских судей и прокуроров около 6 тысяч служили в органах гитлеровской юстиции. В ФРГ на своих постах не только остались прежние судьи и прокуроры, но с распростертыми объятиями принимались на службу гитлеровские юристы, орудовавшие в особых и военно-полевых судах и других карательных нацистских органах в оккупированных странах. Этих господ иногда включали даже в состав комиссий по денацификации, что превращало проверку бывших нацистов в постыдный фарс.

В оправдание такой политики в Бонне выдвинули тезис о том, что юстиция не была причастна к преступлениям гитлеровского режима и что творили их СС, геста-

по, служба безопасности. Между тем с момента захвата власти Гитлером нацисты поставили юстицию на службу своей политике террора с целью подвести под эту политику «правовую» базу. Во множестве стали издаваться указы и законы, санкционировавшие фашистский произвол. Уже 28 февраля 1933 г. был опубликован «Указ против измены немецкому народу и изменнических действий». 18 марта последовал «Указ об ускорении судопроизводства по делам о государственной измене и предательстве», 21 марта — «Указ о пресечении коварных нападков на правительство национального восстания». В тот же день были созданы особые суды, а 29 марта объявлен палаческий «Закон о вынесении и исполнении приговоров, осуждающих на смертную казнь».

Среди длинного списка таких указов и законов был, например, «Закон о коварстве», изданный 20 декабря 1934 г. и дававший возможность отправить в тюрьму или на плаху каждого, позволившего себе неосторожно высказаться о «третьей империи» или просто показавшегося неблагонадежным любому нацисту.

А когда началась гитлеровская агрессия, была введена в действие целая система указов и законов, ставивших население оккупированных стран в положение бесправных и беззащитных жертв кровавого фашистского террора. Эти законы позволяли гитлеровским судьям не применять к славянам и евреям норм германского законодательства и использовать любые «усиленные» меры наказания вплоть до смертной казни. Было также учреждено высшее нацистское судилище по политическим делам — народная судебная палата. Именно она отправила на плаху героев-антифашистов Вернера Зееленбиндера, Антона Зефкова, Лизелотту Герман, Адама Кукгофа и многих других борцов против фашизма. Жертвой ее стал и Юлиус Фучик.

Все это террористическое законодательство разрабатывалось и оформлялось органами юстиции. Имперский суд, например, принял 9 ноября 1938 г., то есть еще до начала войны, решение, в котором говорилось, что особые суды «не только по названию, но и по своей сути являются судами, действующими независимо от общественного правосудия».

Один из видных нацистских юристов, Вольфганг Гедель, занимающий теперь пост директора земельного су-

да в Дюссельдорфе, писал в 1935 году в своей диссертации, что задача особых судов заключается в «полном истреблении противников третьей империи, главным образом коммунистов и социал-демократов».

Судьи и прокуроры с фанатическим рвением выполняли эту задачу вместе с эсэсовцами и гестаповцами, уничтожая попавших в их лапы мирных жителей оккупированных стран.

Конечно, далеко не все немецкие юристы были готовы превратиться из служителей правосудия в фашистских палачей. Одни сами покинули свои посты, других выгнали гитлеровцы, которые энергично очищали судебные органы от честных людей.

В юстицию хлынули тысячи молодых нацистов-недоучек. Они беспощадно творили кровавую расправу и делили на этом быструю карьеру.

На фронт эти господа не попадали, подавляющее большинство из них благополучно пережило крушение «третьей империи» и вскоре заполонило западногерманскую юстицию. А поскольку в чиновничьем мире ФРГ строго соблюдается табель о рангах и при продвижении на более ответственные посты большое значение имеет служебный стаж, то именно «заслуженные» гитлеровские юристы захватили большинство руководящих постов. Они-то и задали с самого начала тон в западногерманской юстиции. Вновь быстро сформировалась замкнутая, крепко спаянная каста судейских чиновников, продвигавшая вверх по служебной лестнице единомышленников и упорно не допускавшая в свою среду людей с демократическими убеждениями.

В Германской Демократической Республике, Польше, Чехословакии, СССР, Югославии сохранилось большое количество документов, изобличающих военных преступников в судебных и прокурорских мантиях.

Так, в Германской Демократической Республике собран и систематизирован обширный материал о злодеяниях деятелей нацистской юстиции. Выдержки из него опубликованы, в частности, в «Коричневой книге» ГДР. Документально установлено, что органы гитлеровской юстиции вынесли не менее 80 тысяч смертных приговоров с грубым нарушением норм германского судопроизводства. Вот уже около десяти лет на многочисленных пресс-конференциях в Берлине оглашаются сотни имен

нацистских юристов. В соответствии с этими данными в конце пятидесятых годов в органах правосудия ФРГ работали около 1200 судей и прокуроров, которые при Гитлере принимали непосредственное участие в вынесении неправосудных приговоров. Документы об их преступлениях официальные органы ГДР и других социалистических стран, а также различные общественные организации неоднократно предлагали передать западногерманским властям.

Долгое время Бонн игнорировал такие предложения, заранее объявляя их «коммунистической пропагандой» и попытками подорвать престиж западногерманского правосудия. Только в последние годы под давлением общественного мнения в Бонне стали принимать эти документы и в отдельных случаях начинать на их основе расследование.

И все же после Нюрнбергского процесса нацистских юристов еще не было ни одного случая, чтобы в Федеративной Республике бывший гитлеровский судья или прокурор попал на скамью подсудимых за свои преступления.

Существует много способов не предъявлять им обвинения, когда имеются формальные поводы для этого. Чаще всего преступные действия судьи или прокурора просто объявляются вполне соответствующими закону. Когда же это совершенно невозможно, прибегают к различным спасительным формулировкам. Например, указывают, что особые и военно-полевые суды были учреждены на основе соответствующих законов и поэтому-де у судей и прокуроров, которые там служили, отсутствовало «субъективное сознание вины». А раз так, то они ни в чем не повинны.

Применяется и другой способ уберечь того или иного гитлеровского юриста от ответственности: его действия квалифицируются как непредумышленное убийство или убийство без отягчающих обстоятельств (Totschlag), а не убийство из низменных побуждений (Mord). А в отношении этого преступления бундестаг еще в 1960 году объявил о вступлении в силу пятнадцатилетнего срока давности.

В руках крепко спаянной касты бывших нацистских судей и прокуроров сосредоточена большая власть. Пользуясь этим, они последовательно проводят в жизнь

принцип не только несменяемости, но и ненаказуемости судей, какие бы преступления при исполнении служебных обязанностей они не совершали: судья может допустить ошибку, но сознательное нарушение им правосудия якобы невозможно.

Этот принцип строго соблюдается в применении не только к прошлым преступлениям нацистских юристов, но и к другим категориям дел. В последнее время были вскрыты многие вопиющие нарушения элементарных норм судопроизводства, стали известны случаи грубого произвола в уголовных и гражданских делах; однако всякий раз явные правонарушения отрицались или замазывались органами юстиции, а виновники выходили сухими из воды.

И все же, как ни старались отгородиться органы юстиции от всякой критики, бундестагу пришлось подумать о том, чтобы противодействовать нарастающим голосам протеста, все громче раздававшимся и в ФРГ, и в других странах.

Летом 1961 года был принят закон о судьях. Его параграф 116 гласит, что «судья или прокурор, который в период с 1 сентября 1939 г. до 9 мая 1945 г. принимал участие в качестве судьи или прокурора в уголовном судопроизводстве, может по собственному желанию выйти на пенсию».

В параграфе было также обусловлено, что эта возможность предоставляется в течение года, то есть до 30 июня 1962 г.

Итак, закон не содержал даже намека на какую-либо вину нацистских юристов и, стало быть, ни в малейшей степени не затрагивал их «доброе имени».

В решении бундестага по этому поводу говорилось, что параграф 116 был необходим, чтобы «каждый судья или прокурор, участвовавший в вынесении безответственного или бесчеловечного приговора, покинул свой пост». Тут же оговаривалось, что подобный досрочный уход на пенсию не опорочивает репутацию данного юриста и что такая возможность предоставляется «как раз тем судьям и прокурорам, которых судьба вовлекла в опасности, превысившие их силы».

Практически такая формулировка полностью снимает всякую вину со всех гитлеровских судей и прокуроров, какие бы судебные преступления они не совершили.

После этого не удивительно, что ни один из них так и не попал под суд.

В решение бундестага была, правда, включена следующая оговорка: «Бундестаг в случае необходимости примет конституционное решение, предусматривающее, что каждый судья или прокурор, на которого ложится доля вины за вынесение безответственного или бесчеловечного смертного приговора, теряет свой пост».

Но предупреждение это так и осталось на бумаге.

В действительности же параграф 116 создал преступникам особые льготы — возможность не только остаться «уважаемыми» членами общества, но и досрочно получить высокую пенсию — от 1300 до 1800 марок в месяц.

Несмотря на такую благоприятную возможность, нацистские юристы не спешили воспользоваться ею. Почти все они предпочли остаться на своих постах.

Когда истек предусмотренный законом годичный срок, тогдашний министр юстиции Штаммбергер в сентябре 1962 года объявил в бундестаге, что заявления об уходе на пенсию подали 149 юристов и что в органах суда и прокуратуры ФРГ осталось всего-навсего 12 юристов с запятнанным прошлым.

Однако сообщение министра не соответствовало действительности: и сегодня в Западной Германии творят суд и расправу более 800 военных преступников. Не удивительно, что один громкий скандал следует за другим.

Большой резонанс получило в свое время разоблачение федерального генерального прокурора Вольфганга Френкеля. После острой дискуссии вокруг закона о судьях и ухода в отставку предшественника Френкеля — Гюде, не поладившего с министерством юстиции и с федеральным судом, должность федерального прокурора оставалась в течение полугода вакантной: ни один солидный пользующийся хорошей репутацией юрист не соглашался занять этот пост.

Наконец, 30 марта 1962 г. в печати промелькнуло коротенькое сообщение о назначении федеральным генеральным прокурором Френкеля. Никаких данных о его биографии, вопреки обычной практике, опубликовано не было.

Уже через две недели генеральный прокурор ГДР Штрейт выступил в Берлине на пресс-конференции и предъявил документы, свидетельствующие о преступном прошлом нового высшего блюстителя западногерманского правосудия. Френкель — не только фанатичный гитлеровец, вступивший в нацистскую партию еще в 1933 году; он занимал видное положение в высшей имперской прокуратуре в Лейпциге и отличался там особой свирепостью. Френкель постоянно опротестовывал недостаточно суровые, по его мнению, приговоры. В те времена такие протесты почти неизбежно приводили к смертному приговору даже без пересмотра дела в суде.

Быть может, в Бонне ничего не знали о прошлом Френкеля? Ничуть не бывало. Еще когда в августе 1946 года он был вновь зачислен в Киле на службу в юстицию, председатель земельного суда Шлезвиг-Гольштейна получил из Берлина личное дело Френкеля, в котором содержались подробные данные о его карьере при Гитлере. Очевидные преступления Френкеля никого не смущали в Шлезвиге и в Бонне. Поэтому там попытались игнорировать данные Штрейта. Но вскоре на второй встрече с журналистами в Берлине были предъявлены новые документы, из которых явствовало, что Френкель был военным преступником, виновным в смерти по меньшей мере 36 людей разных национальностей.

Дальше отмалчиваться было невозможно, тем более что в Бонн приехал видный французский юрист профессор Булье и привез с собой фотокопии документов о преступлениях Френкеля.

Френкелю пришлось подать в отставку, а в бундестаге была экстренно организована парламентская комиссия по его делу. Комиссия работала необычно быстро, и через неделю было объявлено о том, что правительство решило рекомендовать президенту ФРГ отстранить Френкеля. Вскоре палата по служебным делам Верховного федерального суда получила распоряжение в двухмесячный срок расследовать, не скрыл ли Френкель свое прошлое при назначении в министерство. Прокуратура же стала решать вопрос о привлечении Френкеля к уголовной ответственности.

Прошло около трех лет, прежде чем в палате по служебным делам 12 июля 1965 г. началось слушаться в дисциплинарном порядке дело Френкеля. Палата засе-

дала целую неделю за закрытыми дверями и категорически отклонила наличие какой-либо вины у Френкеля. При этом в сообщении для прессы подтверждалось, что вся его деятельность в гитлеровском имперском суде была известна во время назначения Френкеля федеральным прокурором.

Что же касается уголовного следствия по делу об убийствах, в которых был виновен Френкель, то еще в сентябре 1964 года было объявлено, что суд в Карлсруэ вынес решение, освобождавшее его от всякой ответственности и носившее «принципиальный» характер. В нем говорилось: «Если он (то есть судья или прокурор) ошибочно считает смертную казнь соразмерным данному деянию и тем самым справедливым наказанием, то налицо ошибка в оценке обстоятельств дела, которая включает предумышленность».

А непредумышленные убийства или убийства без отягчающих обстоятельств, как мы уже упоминали, подпадают под давность, так что дело автоматически прекращается. Такое решение создало весьма удобный прецедент, позволяющий отклонить на «законном основании» любые самые тяжелые обвинения в адрес бывших гитлеровских судей и прокуроров.

Сам же Френкель, не дослужив восьми лет до пенсионного 65-летнего возраста, получает щедрую пенсию по должности федерального генерального прокурора.

Но Вольфганг Френкель — отнюдь не исключение. В высшей западногерманской судебной инстанции — Верховном федеральном суде с различными его сенатами и палатами, со всей его сложной структурой — много бывших нацистов. Изданная в ГДР «Коричневая книга» перечисляет целый ряд таких федеральных судей и прокуроров с нацистским прошлым: Людвиг Бернер, Ганс Бок, Отто Эрбель, Вилли Гейгер, Гейнц Гейне, Оскар Хайдингер, Генрих Кребс, Ганс-Ульрих Ланге, Фридрих Маттерн, Артур Мельвиц, Отто Пехер, Герхард Роте, Вальтер Шильген. Многие федеральные судьи служили на оккупированных гитлеровцами территориях в военных и военно-полевых судах.

Долгое время председателем III сената Верховного федерального суда, ведающего важнейшими политическими делами, был Эрнст Кантер. Членом нацистской партии он стал еще в 1933 году и сделал блестящую

карьеру в гитлеровской военной юстиции. В оккупированной Дании он был главным военным судьей. Там на его «личном счету» 486 смертных приговоров датским патриотам и борцам Сопротивления. Свою карьеру в «третьей империи» Кантер закончил на посту генерального судьи вермахта.

Недавно был разоблачен и председатель сената федерального суда по делам о патентах Иозеф Ганзер.

Во время войны он был начальником III отдела главного управления юстиции «генерал-губернаторства», как гитлеровцы именовали центральную и восточную части территории оккупированной ими Польши.

В январе 1944 года Ганзер опротестовал оправдательный приговор, вынесенный львовским судом молодой украинской женщине, приютившей еврейского ребенка, и настоял на ее смертной казни. Вскоре после этого он потребовал смертной казни для польского врача, которого суд приговорил к двухлетнему заключению за производство аборта. В своей мотивировке Ганзер сослался на то, что сделавшая аборт женщина была немкой и, стало быть, «иноплеменный врач убил немецкую жизнь». Врача казнили...

Эти факты были опубликованы в начале 1965 года в еженедельнике «Цайт». Через некоторое время последовало краткое извещение: Ганзер вышел в отставку по состоянию здоровья. К ответственности его никто и не подумал привлечь.

Таковы типичные представители высшего судебного органа Федеративной Республики. А ведь его решения зачастую служат прецедентами, которыми в дальнейшем руководствуются судебные органы. Многие такие «прецеденты» носят ярко выраженный политический и тенденциозный характер.

Например, 2 августа 1965 г. IV сенат Верховного федерального суда определил, что граждане еврейского происхождения имеют право на возмещение причиненного при Гитлере ущерба только в том случае, если они носили тогда нашитую на одежде желтую шестиконечную звезду, как это было приказано нацистскими властями. Если же удалось уклониться от выполнения этого приказа, возмещения не полагается.

Такое решение представляет собой явное издевательство. Ведь почти все носители желтой звезды рано или

поздно погибали в газовых камерах, так что им-то возмещения платить не придется...

Верховный федеральный суд разні налево и милует направо. Он запретил не только Коммунистическую партию, но и многочисленные демократические общественные организации. Зато с его благословения процветают десятки союзов эсэсовцев, несмотря на то, что приговором Нюрнбергского международного военного трибунала СС объявлена преступной организацией. Вполне легально существуют террористические и шпионские организации эмигрантов, бежавших из социалистических стран.

В конце 1964 года в ФРГ была создана национал-демократическая партия с откровенно нацистской программой. Ее собрания перед всеобщими выборами 1965 года не отличались от гитлеровских митингов. Ораторы восхваляли «третью империю», одобряли расистский террор и концлагеря. Многочисленные профсоюзные и социал-демократические организации требовали запрета новой неонацистской партии. Но Верховный федеральный суд остался глух к протестам.

С молчаливого благословения Верховного федерального суда в ФРГ широко поставлено издание литературы профашистского характера. Даже по официальному отчету министерства внутренних дел, в 1964 году выходило 45 «праворадикальных», то есть откровенно нацистских, газет.

Самая распространенная из них — «Дейче национальцайтунг унд зольдатенцайтунг» — во многом напоминает гитлеровский центральный орган «Фелькишер беобахтер». Неоднократно раздавались протесты и требования закрыть, наконец, этот наглый погромный листок, восхваляющий «третью империю» и ее вермахт. В 1965 году такое коллективное требование опубликовала большая группа видных ученых, деятелей культуры, публицистов.

На короткое время нацисты несколько сбавили тон. Но вскоре они стали выступать еще развязнее, так как убедились, что никто и не думает привлекать их к ответственности.

* * *

Каковы судьи, таковы и приговоры. Мы упоминали уже о стандартных приемах, к которым прибегают в за-

падногерманской юстиции, чтобы уберечь от тюрьмы нацистских преступников. Некоторые суды не ограничиваются ими, а используют в своих оправдательных приговорах совершенно неприкрытую, циничную фашистскую аргументацию, в особенности если подсудимый обвиняется в истреблении «только» польских или советских граждан.

В боннском суде присяжных летом 1965 года слушалось дело офицера эсэсовского кавалерийского полка, фамилию которого газеты замалчивают. В 1941 году, во время вторжения гитлеровцев в Советский Союз, его отряд случайно встретил на дороге шесть женщин и 14-летнего мальчика. Всех их эсэсовец приказал расстрелять, хотя тогда, в самом начале войны, в вермахте еще оставалось в силе приказание, запрещавшее убивать женщин и детей.

Казалось бы, дело абсолютно ясное, тем более что подсудимый сам не отрицал факта убийства, объясняя его лишь тем что «заподозрил» в женщинах партизанок. Тем не менее суд квалифицировал это отвратительное преступление как убийство без отягчающих обстоятельств и в результате убийца остался безнаказанным.

В 1963 году фрейбургский суд оправдал трех полицейских чиновников, которые во время войны были офицерами 322-го полицейского батальона. Они обвинялись в истреблении не менее 3700 советских граждан, причем все лично участвовали в расстрелах. Судья Кауфман мотивировал оправдательный приговор тем, что «расстрел партизан не является убийством из низменных побуждений».

После приговора фашистские бандиты продолжали «блюсти порядок» в Федеративной Республике.

Оправдательный приговор был вынесен по делу бывшего штурмбаннфюрера СС Деппнера. В концентрационном лагере Амерсфорт он в апреле 1942 года приказал расстрелять 77 советских военнопленных, причем «для примера» двоих убил сам. На этот раз сами прокуроры уже на второй день процесса отказались от обвинения. Они заявили, что расстрел военнопленных явился «ответной военной репрессией», вызванной якобы аналогичными действиями советских войск. В подкрепление этой клеветнической мотивировки прокуроры сослались на старую, давным-давно опровергнутую фальшивку.

которую гитлеровское министерство иностранных дел пустило в ход в 1942 году, чтобы удержать немецких солдат от сдачи в плен. Суд, конечно, согласился с аргументацией прокуроров и оправдал Деппнера.

А в Ганновере, главном городе Нижней Саксонии, дело дошло до того, что суд однажды фактически превратился в нацистский митинг. На скамье подсудимых сидело пять бывших гестаповцев. Они непосредственно участвовали в истреблении более 7500 жителей польского города Влодава.

Выступавший на процессе адвокат Герд Хейнеке построил свою защиту на прославлении Гитлера. Фюрер, по его мнению, действовал не из низких побуждений. Отправляя миллионы людей в газовые камеры, он, дескать, вовсе не хотел, чтобы они страдали, а руководствовался «самыми благородными мотивами». А раз так, то нельзя привлекать к суду тех, кто послушно выполнял предначертания фюрера, которые были абсолютно законными.

И Хейнеке призвал к пересмотру западногерманского законодательства, прекращению всяких судебных дел нацистских убийц. Обрушился он и на нюрнбергские процессы. Попутно он оскорбил свидетелей обвинения, требуя не придавать значения их показаниям. И, конечно, Хейнеке потребовал полной реабилитации всех подсудимых.

Председатель суда Бухгольц дал Хейнеке возможность в течение шести дней вести в суде фашистскую пропаганду. А когда раздались протесты и отдел печати социал-демократической партии потребовал принять меры против Хейнеке, судья выступил с заявлением в его защиту.

Исход процесса был возмутительным. После того как вина главного подсудимого, бывшего начальника гестапо Рихарда Ничке, была бесспорно доказана и прокурор потребовал для него по четырем пунктам обвинения высшей меры наказания — пожизненной каторги, суд внезапно объявил, что по состоянию здоровья Ничке не может больше присутствовать на процессе и дело о нем откладывается на неопределенный срок.

Выручив главного убийцу, судьи через несколько дней оставили безнаказанными и остальных: одного они оправдали, а других, приговорив к разным срокам за-

ключения — от 2 до 5 лет, тут же отпустили по домам, мотивировав это тем, что двое из них уже отбыли свои сроки в предварительном заключении, а третьему было зачтено его пребывание в польской тюрьме.

Так вершат правосудие в Федеративной Республике Германии те, кто 20 лет назад в приговоре американского трибунала был назван убийцами с кинжалом под судейской мантией.

Не зря в ФРГ говорят, что за одно убийство полагается отсидеть 10 минут. А на практике, как видим, иногда и того меньше...

Борьба за давность

Процесс освенцимских палачей, фактическое оправдание ближайших помощников Эйхмана, скандальные разоблачения прошлого министров и статс-секретарей Оберлендера, Глобке, Крюгера, Виалона, федерального генерального прокурора Френкеля, высокопоставленных генералов Хойзингера, Шпейделя, Ферча — все эти и многие подобные им дела привлекли внимание мировой общественности к положению в западногерманской юстиции. И в самой ФРГ, и за ее пределами, в особенности в странах, непосредственно пострадавших от гитлеровских зверств, нарастало возмущение явным саботажем в деле выявления и наказания нацистских преступников.

Одновременно в Западной Германии усиливались тенденции обратного порядка. Вставших на ноги реваншистов приводили в ярость напоминания о преступлениях гитлеровского режима, требования «преодолеть прошлое». Они видели в этом серьезную помеху для психологической и пропагандистской подготовки реванша, для сколачивания единого антикоммунистического фронта. Каждое новое разоблачение, каждый процесс наносил, по их мнению, ущерб «престижу» Федеративной Республики. Все это побудило их начать контрнаступление.

Первый шаг был предпринят в 1960 году. Бундестаг утвердил тогда закон о пятнадцатилетней давности по делам об убийствах без отягчающих обстоятельств, со-

вершенных при нацистском режиме. Давность эта вступила в силу в мае 1960 года. Авторы закона заверили общественность, что он принят для того, чтобы сконцентрировать внимание на самых вопиющих преступлениях нацистов.

Первый закон о давности не вызвал особых протестов, а за границей прошел почти незамеченным. Это открыло покровителей нацистских убийц. Началась планомерная кампания против всяких новых разоблачений, новых процессов. Каждого, кто в Западной Германии осмеливался потребовать привлечения какого-нибудь гитлеровского бандита к ответственности, обвиняли в отсутствии патриотизма, «попытке запачкать собственное гнездо» и зачастую приклеивали ему ярлык «восточного агента». На прокуроров и судей оказывали давление, посылали им угрожающие письма.

В неофашистских листках, а затем и в части большой прессы стали раздаваться требования генеральной амнистии всем гитлеровцам. Но это было бы слишком демонстративным вызовом мировому общественному мнению, да и в самой Западной Германии натолкнулось бы на сильное сопротивление.

Федеральный министр юстиции Бухер решил покончить со всей этой проблемой более тонкими методами. В начале марта 1964 года он объявил, что решено начиная с 8 мая 1965 г. прекратить возбуждение дел за убийства, совершенные во время господства национал-социалистов. Министр сослался при этом на старый германский уголовный кодекс 1871 года, который установил двадцатилетнюю давность по делам об убийствах. Бухер пояснил, что, поскольку гитлеровская империя перестала существовать 8 мая 1945 г., срок давности следует отсчитывать начиная с этой даты. Он добавил также, что этого требуют принципы «правового государства».

В Бонне явно надеялись на то, что и на этот раз все пройдет так же безболезненно, как в 1960 году. Однако заявление Бухера вызвало взрыв возмущения в десятках стран, да и в самой Западной Германии. Завязалась полемика, затянувшаяся на много месяцев.

Проект Бухера, фактически означавший амнистию тысяч не разоблаченных еще фашистских убийц, не выдерживал ни малейшей критики и с чисто юридической точки зрения. К преступлениям гитлеровцев нельзя пол-

ходить, как к обычным уголовным правонарушениям. Еще в разгар войны, 13 января 1942 г., три великие державы — Советский Союз, Соединенные Штаты и Великобритания обнародовали «Декларацию о наказании за преступления, совершенные во время войны». В ней говорилось о решимости в духе международной солидарности принять все меры к тому, чтобы военные преступники «были разысканы, переданы в руки правосудия и судимы и чтобы вынесенные приговоры были приведены в исполнение».

Вслед за тем, 30 октября 1943 г., последовала «Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства». Союзные державы предостерегали гитлеровских убийц, что «наверняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей, с тем чтобы смогло свершиться правосудие».

Когда закончилась война, в Декларации о поражении Германии, Потсдамском соглашении и других международных документах великие державы подтвердили необходимость наказания гитлеровских преступников.

В августе 1945 года был принят Устав Нюрнбергского международного военного трибунала. Статья 6 его содержит точное определение международных преступлений. Это:

«а) преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий;

б) военные преступления, а именно: нарушения законов или обычаев войны — убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень и другие преступления;

в) преступления против человечности: убийства, истязание, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам».

Генеральная Ассамблея ООН 11 декабря 1946 г. в единогласно принятой резолюции объявила, что принципы, зафиксированные в Уставе Нюрнбергского международного трибунала и нашедшие выражение в его приговоре, являются «принципами международного права».

Необходимость наказания военных преступников была подтверждена Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 1947 г., а также в принятой в 1948 году «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и ответственности за него».

Во всех этих международноправовых документах отсутствует упоминание о давности. Но боннский министр юстиции игнорировал международное право и сослался на Основной закон ФРГ, где предусмотрено, что закон не имеет обратной силы, которую устанавливают упомянутые международноправовые акты. Однако в статье 25 того же Основного закона сказано: «Общие нормы международного права являются составной частью права Федерации. Они имеют преимущество перед законами и непосредственно порождают права и обязанности для жителей федеральной территории».

А статья 139 указывает, что предписания, содержащиеся в правовых актах об освобождении немецкого народа от национал-социализма и милитаризма, не затрагиваются постановлениями Основного закона.

Бухеру следовало бы также вспомнить решение германского рейхстага, принятое 24 марта 1920 г. Он утвердил тогда закон о неприменении давности к военным преступникам первой мировой войны, деяния которых блекнут на фоне гитлеровских преступлений.

Словом, дискуссия приняла оборот, явно невыгодный сторонникам применения давности. Не кто иной, как федеральный канцлер Людвиг Эрхард заявил 25 сентября 1964 г. на международной пресс-конференции: «Для меня было бы совершенно невыносимым, если бы подобные жестокие и подлые массовые убийцы перестали подвергаться наказанию. Быть может, мы найдем выход из этой проблемы, продлив срок давности по убийствам или по определенным категориям их».

Несмотря на эти слова, уже в начале ноября боннское правительство объявило, что срок давности истекает 8 мая 1965 г.

Сознавая неправомочность этого решения, министр

ство юстиции опубликовало специальный документ. В нем оно попыталось доказать, что якобы большинство нацистских преступников разоблачены и наказаны. Но тут же в Бонне официально объявили, что правительство намерено «обратиться к мировой общественности с призывом оказать содействие в раскрытии нацистских преступлений»

Следует отметить, что до этого Бонн упорно старался игнорировать документы, присылаемые из социалистических стран. Одна только Германская Демократическая Республика направила тысячи документов, изобличавших окопавшихся в ФРГ военных преступников. Попытались отмахиваться в Бонне и от разоблачительных документов из Советского Союза, Польши, Чехословакии, Югославии. Да и разоблачительные материалы, поступавшие из стран — союзниц ФРГ по НАТО, западногерманские судебные власти обычно тоже клали под сукно.

В социалистических странах лицемерная сущность призыва Бонна была без труда разоблачена. Правительства Советского Союза и некоторых других социалистических государств выступили с нотами протеста против введения срока давности. Даже союзники ФРГ порекомендовали Бонну пересмотреть возмутительное решение. Одни, как, например, Голландия, Дания, Норвегия, выступили открыто, другие (Италия) — в конфиденциальном порядке. А в бундестаг поступило из-за рубежа не менее 30 тысяч писем с аналогичным требованием.

9 декабря 1964 г. бундестаг принял резолюцию, явно направленную на то, чтобы выиграть время. В ней органам юстиции предлагалось срочно обработать весь материал о преступлениях нацистов, а правительству — доложить к 1 марта 1965 г. о результатах. После этого бундестаг должен решить, как быть дальше.

Однако постепенно дискуссия о давности приобрела такую остроту, что на некоторое время сделалась главной политической проблемой боннского государства и фактически разделила страну на два лагеря.

9 декабря 1964 г. в беседе с журналистами министр юстиции Бухер признал, что существует возможность включить в конституцию параграф о временном приостановлении течения давности, если окажется, что известное число нацистских преступников еще не привлечено к от-

ветственности. Но на следующий день он же объявил, что ни о каком приостановлении давности не может быть и речи, даже «если будут обнаружены материалы, равооблачающие большое число неизвестных дотолe национал-социалистских преступников».

Тем временем волна протестов нарастала. Протестовали социалистические государства, печать десятков других стран, организации борцов сопротивления, ветеранов войны, сторонников мира, знаменитые писатели и ученые, американские сенаторы и британские парламентарии. В самой ФРГ многие крупные газеты и журналы вели настойчивую кампанию против постыдного решения, протест заявила большая группа западногерманских ученых.

В ответ на все это Бухер заявил 15 января 1965 г., что вопрос о сроках давности должна решать только Федеративная Республика Германии. Он фактически взял под защиту фашистских бандитов, сказав, что «мы должны примириться с тем, чтобы в случае необходимости уживаться с отдельными убийцами».

Но вскоре юридическая комиссия Консультативной ассамблеи Европейского Совета официально рекомендовала государствам, являющимся ее членами, продлить срок давности судебного преследования военных преступников.

Такую рекомендацию игнорировать было невозможно, и 18 января на пресс-конференции в Бонне представитель правительства статс-секретарь фон Хазе объявил, что правительство ФРГ относится к ней «со всей серьезностью».

18 января 50 депутатов правящей партии христианско-демократический союз выступили в бундестаге с требованием о продлении срока давности с 20 до 30 лет.

Большое впечатление произвели во всем мире серьезные обвинения и неопровержимая аргументация, содержащиеся в советских нотах по вопросу о давности от 24 декабря 1964 г. и от 16 января 1965 г.

10 марта 1965 г. бундестаг начал обсуждать доклад федерального правительства о состоянии расследования преступлений, совершенных при гитлеровском режиме.

А 25 марта в бундестаге был поставлен на обсуждение законопроект под названием: «Закон об исчислении сроков давности по уголовным делам».

Уже из этого названия было видно, что вопреки требованиям международного права принцип давности по преступлениям нацистов сохранялся и эти преступления по-прежнему квалифицировались не как геноцид и преступления против человечества, а как обыкновенные уголовные деяния.

Первый параграф законопроекта предусматривал, что при исчислении срока давности при преследовании преступлений, которые караются пожизненной каторжной тюрьмой, период с 8 мая 1945 г. по 31 декабря 1949 г. не принимается во внимание. В течение этого периода давность при преследовании таких преступлений не была действительной.

Это положение неприменимо к деяниям, срок давности по которым в момент вступления этого закона в силу уже истек.

Практически, стало быть, дату для отсчета срока давности просто-напросто отодвинули с 8 мая 1945 г. на 1 января 1950 г., то есть на 4 года 8 месяцев. При этом специально подтвердили сохранение пятнадцатилетнего срока давности по делам об убийствах «без отягчающих обстоятельств».

Второй параграф предусматривал изменение одного из пунктов закона об отмене оккупационного права от 30 мая 1956 г. в соответствии с содержанием параграфа первого.

Весьма примечательным был третий параграф. Он предписывал по всем делам об убийствах, совершенных нацистами, не только будущим, но и находящимся уже в производстве, привлекать к ответственности только «главных виновников», в отношении же «подчиненных» дела прекращать. Это правило должно распространяться даже на дела, по которым уже состоялся суд, но приговор был обжалован и пока не вступил в силу. Поскольку подсудимые-нацисты неизменно объявляют себя простыми исполнителями приказов свыше, то получилось, что судить пришлось бы разве только покойного Адольфа Гитлера.

На голосование этот третий параграф поставить, правда, не решились. Его сдали обратно в комиссию по вопросам права. Зато первые два параграфа собрали значительное большинство голосов: 344 — за, 96 — против при 4 воздержавшихся.

Итак, дискуссия о давности завершилась временным компромиссом. Однако даже этот компромисс, направленный на то, чтобы спустить на тормозах проблему наказания нацистских преступников, не удовлетворил министра юстиции Бухера. На следующий день он заявил, что закон о продлении срока давности подписывать не станет, и подал в отставку.

В большинстве европейских стран решение бундестага вызвало резкое недовольство.

Лондонская «Таймс» писала: «Решение показывает, что немецкий народ (речь идет о ФРГ. — В. Р.) еще не готов по-настоящему разобраться в подлинном значении нацизма и всех тех преступлений, которые совершались от его имени... Нежелание немецкого народа продолжать этот процесс объяснимо. Но это нежелание следует преодолеть в его же собственных интересах и в интересах грядущих поколений. В конечном счете только правда может освободить их от груза прошлого».

Парижская «Фигаро» подчеркивала: «Невозможно обеспечить, чтобы до начала 1970 года все виновные нацистской эпохи были привлечены к ответственности; и нельзя исключить гипотезы, что западногерманское правительство тогда вновь окажется в ситуации, схожей с той, в которой оно находилось в течение последних недель».

А в резолюции, которая была единогласно принята 10 апреля 1965 г. всеми государствами, входящими в состав комиссии ООН по правам человека (среди них Советский Союз, Великобритания, Франция, Соединенные Штаты, Польша, Австрия, Индия, Дания, Чили), говорилось: «Ни один военный преступник не должен избегать скамьи подсудимых, где бы он ни находился и когда бы он ни был обнаружен».

13 апреля 1965 г. закон о давности подписал президент Любке.

Итак, преследования нацистских преступников возможно вести теперь в ФРГ лишь до 31 декабря 1969 г.

26 апреля 1965 г. было опубликовано заявление Советского правительства. В нем подчеркивалось, что этот закон представляет собой попытку «спасти от справедливого возмездия фашистских вешателей и убийц». Закон вместе с тем является «грубым лицемерием», попыткой «ввести в заблуждение мировую общественность». Со-

вершено очевидно, что такой закон имеет своей целью «подбодрить те силы, которые рассчитывают на реванш за разгром гитлеровской Германии».

Как и в предыдущих своих заявлениях, Советское правительство вновь подчеркнуло, что «попытки отвести от гитлеровских преступников руку правосудия лишены каких-либо политических, юридических или моральных оснований и находятся в грубом противоречии с общепризнанными нормами международного права и обязательствами ФРГ» и что «в какие бы формы Бонн ни пытался облечь свои противоправные действия, они не могут и никогда не обретут законной силы и не освободят власти ФРГ от лежащей на них ответственности».

Летом 1965 года проблемой наказания военных преступников занялся Экономический и Социальный Совет ООН. 16 июля он единогласно принял резолюцию, в которой обращался ко всем государствам с просьбой «продолжить усилия для розыска, ареста и справедливого наказания по суду лиц, виновных в военных преступлениях и в преступлениях против человечества». В этой же резолюции Совет призвал государства, которые еще не присоединились к «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и ответственности за него», сделать это как можно скорее.

Что же дальше?

История борьбы за давность и ее исход свидетельствуют о громадном влиянии бывших нацистов в Западной Германии вообще и в юстиции в особенности.

Стало также очевидным, что пронацистская направленность в работе органов юстиции в общем вполне устраивает правящие круги Бонна, ибо является немаловажным подспорьем их реваншистского курса. Жертвуя время от времени мелкими гитлеровскими сошками, в большинстве своем все равно уже выходящими в тираж по возрасту, юстиция упорно ограждает от неприятностей старые нацистские кадры, занимающие ныне ключевые посты в правительственном аппарате, армии, дипломатии, полиции. Кадры эти представляются боннским руководи-

телям наиболее надежными, преданными и опытными проводниками реваншистской политики. Иначе, чем объяснить, например, что Конрад Аденауэр, вопреки бесспорным разоблачениям и настойчивым протестам, вплоть до последнего дня своего пребывания на посту канцлера сохранял в качестве ближайшего советника и доверенного лица военного преступника Глобке, а его преемник Людвиг Эрхард не менее упорно сохраняет военного преступника Виалона?

Юстиция представляет собой также важный фактор в реакционной внутренней политике Бонна. Ведь конституция и законы ФРГ не позволяют, даже при самом произвольном их толковании, осуществлять открытый судебный террор против демократических, прогрессивных элементов. Провозглашая себя «правовым государством», Западная Германия должна соблюдать элементарные буржуазно-демократические свободы. Эти «издержки демократии» компенсирует юстиция, осуществляющая преследование прогрессивных элементов «в рамках конституции». По политическим обвинениям ведутся расследования против сотен тысяч людей. В подавляющем большинстве случаев дела эти оказываются дутыми и до суда доходит незначительная их часть. Но цель все же достигается: людей запугивают.

Существующее западногерманское законодательство все более не удовлетворяет ни реакционных политиков, ни вершителей правосудия. Более десяти лет назад началась разработка нового уголовного кодекса. И здесь ведущую роль стали играть нацистские юристы. По данным «Коричневой книги», из 24 членов Большой комиссии по уголовному праву, разрабатывавшей новый кодекс, 16 занимали ответственные посты в гитлеровской юстиции.

Такой состав законодательной комиссии наложил, конечно, свой отпечаток на содержание будущего кодекса. В нем, например, предусмотрены более суровые санкции по политическим делам против противников ядерного вооружения бундесвера и других борцов за мир. И хотя речь идет об уголовном кодексе, но составители его и в этом правовом документе зафиксировали свои реваншистские требования. Указывая, что немецкому уголовному праву подсудны деяния, совершаемые в пределах страны, проект кодекса поясняет: «Пределы страны ох-

ватывают, согласно нынешнему международноправовому положению, помимо областей, относящихся к территориальной сфере действия уголовного кодекса (то есть к Федеративной Республике), также и области, находящиеся вне этой сферы действия. К ним относятся советская оккупационная зона в Германии, советский сектор Берлина и остальные области Германской империи в границах на 1 декабря 1937 г., находящиеся ныне под иностранным управлением».

Наряду с новым уголовным кодексом разработано, как известно, и «чрезвычайное законодательство», предусматривающее ликвидацию демократических прав и свобод и весьма напоминающее гитлеровский закон о чрезвычайных полномочиях.

Это законодательство и новый уголовный кодекс наталкиваются на упорное сопротивление со стороны всех здравомыслящих, демократически настроенных немцев. Тем не менее реакционерам удалось уже проташить через бундестаг значительную часть чрезвычайных законов.

Реакция рассчитывает, что недалек тот день, когда бундестаг примет весь комплекс этих законов.

Осенняя избирательная кампания 1965 года велась под ультра-националистическими, откровенно реваншистскими, антикоммунистическими лозунгами. На первый план выдвигались требования ядерного оружия для бундесвера, восстановления германского «рейха» в границах 1937 года с поглощением ГДР на основе по-империалистически трактуемого «права на самоопределение» немцев. Как известно, выборы сохранили у власти прежнюю правительственную коалицию во главе с христианскими демократами.

Менее известно, что впервые выступавшая на выборах неонацистская национально-демократическая партия собрала 678 тысяч голосов. Цифра эта не может не вызывать тревоги.

Результаты выборов боннские «ультра» восприняли как крупный успех и добились укрепления своих позиций в правительстве.

Портфель министра юстиции получил Рихард Егер, который олицетворяет собой вполне определенную политическую программу. Это настолько видная фигура в плее крайних реваншистов, что центральный орган профсоюзов «Вельт дер арбайт» именно его назначение

расценил как симптом того, что кабинет Эрхарда пойдет еще дальше вправо

Егер начал свою политическую карьеру в качестве личного референта весьма известного в первые послевоенные годы реакционного баварского политического деятеля Хундхаммера. Вскоре он сам приобрел известность как один из наиболее воинствующих католических реакционеров, проповедников «крестового похода» против «безбожников-коммунистов». Журналисты и по сей день называют его «неудавшимся крестоносцем». Подчеркнутая религиозность не помешала, однако, Егеру проявлять откровенные симпатии к нацистам. Через два года после избрания его в 1949 году в бундестаг первого созыва он выступил в Ландсберге, где тогда еще сидели за решеткой американской тюрьмы некоторые гитлеровские бандиты, с протестом против применения смертной казни за военные преступления.

Воинствующий антикоммунизм Егера, резкие демагогические выпады против социал-демократов быстро выдвинули его в число ведущих христианских социалистов, и с 1953 года он как их представитель был в течение 12 лет бессменным вице-президентом бундестага.

Для антикоммунистического ораторского стиля Егера характерно, например, заявление насчет того, что «одной половиной мира управляют джентльмены, другой — бандиты». А нападая однажды на социал-демократов, Егер утверждал, что танки Советской Армии давно были бы в Баварии, если бы бундестаг стал проводить курс социал-демократической партии.

Такое рвение принесло свои плоды: вице-президент бундестага стал одновременно председателем важной комиссии по вопросам обороны. В этом качестве Егер безоговорочно поддерживал военных министров Штрауса, а потом фон Хасселя, установил самые тесные связи с распоряжающимися в бундесвере гитлеровскими генералами. Когда парламентский уполномоченный по делам бундесвера отставной вице-адмирал Хейе разоблачил жестокую муштру и возрождение в армии гитлеровского духа, Егер вместе с фон Хасселем добился его смещения.

Внес Егер свой личный «вклад» и в область правосудия. Если в 1951 году он настаивал на отмене смертной казни за преступления нацистов, то через 10 лет он рекомендовал восстановить ее для коммунистов. «По отноше-

нию к коварному, чудовищно опасному врагу — большевизму — необходимо применять более суровые меры наказания, чем те, что были прежде приняты у нас», — провозгласил он в 1961 году и потребовал введения смертной казни за «государственную измену» даже в мирное время.

Не удивительно, что за границей наиболее близких друзей Егер обрел в Мадриде и Лиссабоне. Он — горячий поклонник Франко и Салазара.

В качестве председателя парламентской комиссии по вопросам обороны Егер зачастил в Лиссабон и горячо поддержал идею создания в Бежа крупной авиационной и ракетной базы бундесвера. По его мнению, Португалия представляет собой идеальное «атлантическое предместное укрепление».

А гестаповские методы управления лиссабонского диктатора настолько понравились Егеру, что он назвал их «политикой легкой руки» и «португальской правомерностью».

В восторге Егер и от колонизаторской политики Салазара. После возвращения в Бонн он отметил «значительные экономические, социальные и культурные достижения Португалии» в ее африканских колониях.

После посещения в 1963 году Мадрида Егер счел полезным разъяснить, что он подразумевает под термином «правовое государство»: «Я хотел бы принципиально придать большее значение идее правового государства, чем идее демократии. Правовое государство возможно и без демократии».

Такое определение «правового государства» настолько понравилось реваншистам, что, например, в университете Западного Берлина в октябре 1965 года профессора юридического факультета организовали на эту тему серию лекций и дискуссию. В них они оспаривали «опасную» идею Руссо о народовластии, о суверенном народе, получившую столь широкое распространение в наш век. Досталось и некоторым англосаксонским теоретикам государственного права, которые «не представляют себе правового государства без соблюдения демократических прав». Конечно, в ходе дискуссии высказывались и иные взгляды. Но не подлежит сомнению, что в своих государственно-правовых воззрениях Егер находит поддержку среди ведущих юристов ФРГ и Западно-

го Берлина. Можно, например, напомнить об аргументах, выдвинутых недавно в оправдание прокурора-убийцы Драха министром юстиции Рейнланд-Пфальца Шнейдером, который отнес гитлеровскую империю к числу «правовых государств».

Журнал «Шпигель», первым узнав еще в конце сентября 1965 года о вероятном выдвижении Егера на пост министра юстиции, писал, что он «годится на этот пост так, как бродяга на пост церемониймейстера».

Протесты против этого назначения и в Федеративной Республике, и за границей были настолько громкими, что в последнюю минуту канцлер Эрхард чуть было не решил сделать министром юстиции другого христианского демократа, Нидеральта, который намечался на пост министра по делам бундесрата. Но «ультра» нажали, и руководителем боннской юстиции стал Егер.

Немедленно после официального оглашения состава кабинета в Бремене 28 и 29 октября 1965 г. состоялась очередная конференция министров юстиции земель с участием Егера. Решения ее, в частности, следующие: добиваться срочного утверждения бундестагом нового уголовного кодекса; активизировать деятельность Людвигсбургского ведомства по расследованию национал-социалистических преступлений, причем поручить ему заняться также расследованием «преступлений», которые были во время войны совершены по отношению к немцам. Тем самым западногерманские министры юстиции во главе с Егером официально подхватили и пытаются использовать на практике главный аргумент в защиту военных преступников: дескать, ничего особенно плохого в гитлеровских концлагерях не происходило, а настоящих военных преступников надо искать среди советских людей, югославов, поляков, чехов, а также войсках западных союзников, расправлявшихся с эсэсовцами и другими «доблестными защитниками западной цивилизации».

Как же обстоит дело с преследованием нацистских преступников при новом министре юстиции?

Процессов ожидается еще очень много, но, как признал гессенский генеральный прокурор Фриц Бауэр, «нынешние дела не будут закончены даже к 2000 году».

Вот, к примеру, что сообщила в ноябре 1965 года корреспондентка газеты «Франкфуртер рундшау» Лоре Лоренцен из Шлезвиг-Гольштейна. Здесь возбуждено дело

против военнослужащих 307-го полицейского батальона, который в 1941 году массами расстреливал гражданское население в районе Брест-Литовска. Точно установлено участие в расстрелах 126 офицеров и рядовых этого батальона убийц. Но к ответственности собираются привлечь только четырех. Дела остальных 122 убийц прокуратура уже прекратила, поскольку «не исключается возможность наличия предпосылок субъективно вынужденного выполнения приказаний».

В переводе на общепонятный язык это означает примерно следующее: возможно, что некоторые полицейские могли опасаться неприятностей по службе, если они не расстреливали бы беззащитное гражданское население. И даже если в действительности им ничего не угрожало, но раз у них могли возникнуть подобные опасения, то судить их нельзя.

Изобретательность западногерманских юристов в выгораживании нацистских убийц поистине неистощима!

В той же корреспонденции сообщается, что до сих пор ведется «расследование» преступлений палача Варшавы генерала СС Рейнефарта. И так, скоро можно будет отметить десятилетний юбилей этого удивительного следствия. В земельном министерстве юстиции рассказали, что за эти годы допрошено свыше тысячи свидетелей. И все же прокурорам еще не все ясно. А Рейнефарт тем временем пребывает на свободе и получает генеральскую пенсию.

В Гамбурге осенью 1965 года на стадии предварительного следствия находилось 64 дела о нацистских преступлениях. 26 из них, согласно сообщению отдела печати земельного парламента, «превосходят как по числу обвиняемых, так и по масштабам комплексов преступных деяний все привычные представления даже о самых крупных расследованиях по уголовным делам».

По одному делу числится 320 обвиняемых, по другому — 300, еще по трем — примерно по 150 обвиняемых в каждом. Есть дела, материалы которых занимают уже 90 томов. И этими гигантскими делами из 108 гамбургских прокуроров занимались всего 9.

Нынешняя тактика западногерманской юстиции сводится, стало быть, к тому, чтобы, продолжая расследования нацистских преступлений, сознательно затягивать следствие.

По тем же делам, которые доходят до суда, судьи используют любые лазейки чтобы смягчить наказание или полностью оградить от него нацистского преступника. Приговоры, вынесенные за последнее время стали еще более снисходительными, чем прежде.

Типичен в этом смысле «обвинительный» приговор, вынесенный 14 марта 1966 г. во Франкфурте-на-Майне бывшему оберштурмфюреру СС Харнишмахеру. Этот бандит руководил массовым истреблением советских граждан в районе Могилева. Как доказала прокуратура, преступник должен нести ответственность за 380 убийств. Суд признал Харнишмахера виновным в «соучастии в убийстве в 178 случаях» и приговорил его к четырем годам тюрьмы. Но тут же из зала суда Харнишмахер вышел на свободу, так как ему зачли предварительное заключение и пребывание в лагере для интернированных.

И по-прежнему остаются безнаказанными главные руководители и организаторы нацистских массовых преступлений — «убийцы за письменным столом».

Если сопоставить нынешнюю внешне активную деятельность западногерманской юстиции по выявлению и наказанию нацистских преступников с ее реальными результатами, выраженными в приговорах судов, то напрашивается один вывод: гора родила мышь.

Такая последовательно проводимая тактика объясняется не только большим влиянием, которым пользуются в западногерманской юстиции бывшие гитлеровские судьи и прокуроры. Сознательное попустительство гитлеровским преступникам — составная часть государственной политики, а юстиция является составной частью государственного аппарата. В этом аппарате бывшие гитлеровцы занимают прочные позиции не только в судах, но и в армии, дипломатии, полиции, администрации. В Бонне зачастую оправдываются тем, что они — «незаменимые специалисты». В этом утверждении есть своя логика: в самом деле, бывшие гитлеровцы — наиболее подходящие и надежные люди для проведения в жизнь реваншистского, милитаристского курса правительства ФРГ.

Конечно, боннские руководители отмежевываются от слишком откровенных нацистов. Вместе с тем они даже не решаются назвать их настоящим именем, а осторож-

Но именуют «правыми радикалами». Ведь в противном случае пришлось бы пресечь их деятельность, запрещенную конституцией, а это вовсе не входит в планы правительства. Гитлеровцы очень нужны ему сегодня, а завтра, быть может, станут еще нужнее.

Недаром даже в странах западных союзников ФРГ в последнее время все настойчивее пишут и говорят об усилении реваншистских, нацистских тенденций в Западной Германии, хотя именуют эти тенденции «националистическими». В Федеративной Республике происходят процессы, означающие серьезную угрозу миру и безопасности в Европе. И в этих процессах юстиция с ее нацистскими кадрами играет весьма существенную роль.

Содержание

Один в поле...	7
Слуга многих господ	20
Коричневый заповедник в Шлезвиг-Гольштейне	29
Палачи из Освенцима	56
Поставщики ада	94
Неуязвимые	99
Гитлеровцы задают тон	106
Борьба за давность	119
Что же дальше?	127

В. Розен

НАЦИСТЫ И БОННСКАЯ ФЕМИДА

Редактор *Э. М. Аметистов*. Оформление художника *В. И. Воробьева*
Художественный редактор *Г. Ф. Скачков*.

Технические редакторы *М. Г. Чацкая, Е. А. Ерхова* Корректор *Э. К. Гаврута*

А-11706 Сдано в набор 21.VI.1966 г. Подписано в печать 30.VII.1966 г.
Формат 84×108^{3/32} Физ. печ. л. 4,25 Уч.-изд. л. 7,09 Усл. печ. л. 7,14
Тираж 50000 экз. (1-й завод) Заказ 623 Цена 21 коп. Бум. тип. № 2

Издательство „Международные отношения“.
Москва, И-90, 4-я Мешанская, 7

Набрано в московской типографии № 24
Главполиграфпрома

Отпечатано с матриц в типографии „Труд“ г. Орел, Ленина 1. Заказ № 7364.

21 коп.

